

Космёр
6
ИЮНЬ
1973

Костёр

6
ИЮНЬ
1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

**ЭТОТ ДЕНЬ
НАЧАЛСЯ РАНО
И ДОЛГО
НЕ КОНЧАЛСЯ**

3

*Ищи меня
на Оленьей поляне*

32

**НА ТРИДЦАТОЙ
УЛИЦЕ ГОРОДА
БАМАКО**

37

Отряд
„Искатель-2“ найден!

47

**МЕЧТА
ЧЕМПИОНА**

57

На обложке
рисунок Т. Капустиной

БЕЛЫЙ ГАЛСТУК ПЛАНЕТЫ И ВИККИ

Рисунок Г. Ясинского

Почему на этом рисунке голубой земной шар повязан белой косынкой, похожей на твой пионерский галстук? Что это — прихоть художника?

Нет, не прихоть. Рисунок этот — эмблема, и любая ее деталь имеет свой смысл. Голубой цвет — цвет Объединенных наций — говорит об объединении. Косынку-галстук носят члены детских организаций. Ее белый цвет указывает: цель такого объединения не война и не разрушение, а мир.

Ты, наверное, знаешь, что белый цвет неоднородный, он образуется из основных цветов солнечного спектра. И белый цвет галстука планеты как бы вобрал цвета разных галстуков: красного — пионеров СССР, синего — ГДР, голубого — Кубы, зеленого — стран Африки и многих других передовых детских организаций.

Этот рисунок можно понять так: есть на Земле такая детская международная организация, которая добивается мира и счастья для всех детей планеты.

...Великая битва с фашизмом закончилась победой в 1945 году. Тогда и поклялись сотни тысяч девушек и юношей бороться за мир, беречь его. Так родилась Международная федерация демократической молодежи, а спустя несколько лет появилась ее младшая сестра — СИМЕА. Нынче ей исполнилось пятнадцать лет.

Слово СИМЕА составлено из первых букв слов, которые в переводе на русский язык означают: международный ко-

„НА СЕВЕРЕ“

*Саша Пермин 8 лет
СССР*

НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ
„МАЖАНКА“

*Ейфовский Эдвард 11 лет
Польша*

ИЗБУШКА В ГОРАХ

*Лейдингер Барбара 11 лет
ГДР*

КОСЬБА РИСА

*Хосокава Такаси 15 лет
Япония*

митет детских и юношеских организаций.

СИМЕА — это как бы международная дружина, ведь в ней объединено сорок миллионов ребят всех континентов. Все они — члены пионерских или передовых детских организаций. Ребят любой национальности, любого цвета кожи. И работает с ними около пятисот тысяч их старших друзей.

Ты представляешь, какая это огромная сила. Сорок миллионов ребят, деятельных, благородных, ненавидящих зло, угнетение, обман, готовых помочь тому, кто голодает, обездолен, живет в нищете, лишен возможности учиться.

А таких детей в мире еще очень много — более 800 миллионов. Столько же и неграмотных.

Прикинь, сколько тонн лекарственных растений могут собрать члены международной дружины. Сколько миллионов рублей могут заработать и передать в фонд народов, борющихся за мир и независимость. Скольким сотням тысяч малышей могут доставить радость игрушками, сделанными твоими руками или руками твоих друзей.

Значит, дело за тобой и твоими друзьями. СИМЕА ждет и твоей помощи!

...Ты не знаком с Викки — веселой и отзывчивой, правдивой и смелой, общительной и остроумной затейницей? Познакомиться с ней, пожалуй, трудно, потому что такой девочки на самом деле нет. Викки — герой СИМЕА.

И все же вы можете получить от имени Викки приглашение СИМЕА в международный лагерь дружбы, на фестиваль дружбы и солидарности, принять участие в туристском походе или конкурсе, которые устраивает СИМЕА.

Ребята разных стран охотно отзываются на все начинания СИМЕА. Двести тысяч юных художников представили свои работы на конкурс СИМЕА «Моя страна — мой дом». Девять миллионов юных спорт-

сменов соревновались в легкоатлетических соревнованиях «Дружба». Шестьдесят пять тысяч работ прислали юные фотографы двадцати стран на конкурс СИМЕА «Зоркий — Дружба».

В конкурсе 1970 года «Моя любимая профессия» участвовало более двухсот читателей «Костра». И девять из них были награждены дипломами СИМЕА.

В летние пионерские лагеря социалистических стран съезжаются дети разных народов. В Артеке, например, встречаются посланцы пятидесяти стран. Так завязывается дружба, так знакомятся с чужими обычаями. Словом, здесь проходят подлинную школу братства и солидарности.

...В разных странах мира не затихает борьба угнетенных с угнетателями, поработенных с поработителями, эксплуатируемых с эксплуататорами. День ото дня ширится борьба с силами империализма за свободу и независимость народов. А империализм самый опасный враг детства.

Вот почему миллионы детей участвуют в акциях солидарности с детьми Индокитая, Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки, Греции, Испании и Португалии.

Верные друзья детей — передовые ученые, писатели, педагоги, врачи, общественные деятели, все те, кто хочет видеть подрастающее поколение здоровым, грамотным, счастливым, все те, кто хочет убедить детей от бедствий войны, — выступают от имени СИМЕА против насилия и агрессии.

Близится открытие десятого Всемирного фестиваля молодежи. Он будет проходить под лозунгом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу». А чем ты помог подготовке фестиваля? Ведь твой долг помогать тем, кто стремится защищать права твоих сверстников, детство которых омрачено поработением и войной.

СИНИЙ ЛЕС

ПОВЕСТЬ

М. Данили

Рисунки О. Давыдовой

Деревня

С горы открывалось поле, а за ним лес, огромный, как море под ветром. Он качался волнами, переливался тенями, а когда ехали по лесу, он был обычным, светлым или темным, солнце пробивалось только на просеках и полянках.

Когда тебе десять лет и ты вдруг приезжаешь из большого города в тихую деревню, потерявшуюся в лесу, то лес тебе может показаться необыкновенным. Да и в самой деревне, где среди дня не видно людей и трава не мята даже возле бань и домов, а звон пилы на другом конце улицы кажется близким, до того тихо, — в деревне все тебе кажется таинственным, особенным, хотя на каждом доме торчат антенны телевизоров и смотрят здесь по вечерам все те же передачи, что и в городе.

Вот вышла девочка на крыльцо, посмотрела на лес и крикнула что-то странное, похожее на «длиннь-нь!», — и этот крик повторил лес и принес это слово совсем протяжным и тонким, как звон колокольчика... Что за «длиннь-нь»? Почему она так кричит? Или ты не расслышал?

Девочка опять повторила это слово, немножко более внятно, но все равно — странно.

Может показаться, что девочка сказала какие-то магические слова-заклинания, а она просто позвала своих сестер и братьев: Диму, Лиду, Лешу, Нину — и все их имена слились в протяжное «длиннь-нь» — вот и все дело: ветер отнес к лесу и принес назад это «длиннь-нь»...

Казалось, что придут сейчас к девочке неведомые существа длинны, а пришли из огорода малыши — такие же белоголовые, только мал мала меньше, прибежали, приковыляли, облепили девочку и сказали ей:

— А мы морковку нашли!

— На морковку, Лена, — и протянули ей розовые хвостики, зеленые кудрявые букетики, и Лена взяла эту морковку, даже обтерла ее и попробовала погрызть, но грызть там было нечего.

Они постояли еще несколько минут на

крыльце и ушли, и затихли их голоса, и Ленино «длиннь-нь», тонкое, как звон колокольчика.

Странное дело, вот сидел ты за партой три года с девочками, толкал их, даже тузил, а они ябедали учителю, хныкали или тоже дрались с тобой, и все равно ты их не замечал, даже презирал, хотя были они всякие: и веселые, и злые, и плаксивые — все они казались тебе никакими, одинаковыми, как парты в классе, а тут, в этой зеленой деревне, увидел девочку Лену, и она показалась тебе такой славной, такой открытой, что вот побежал бы к ней сейчас и подарил что-нибудь, чтобы она улыбнулась и спросила тебя:

— Ты откуда?

Ты бы сказал:

— Из Ленинграда.

— А как тебя зовут?

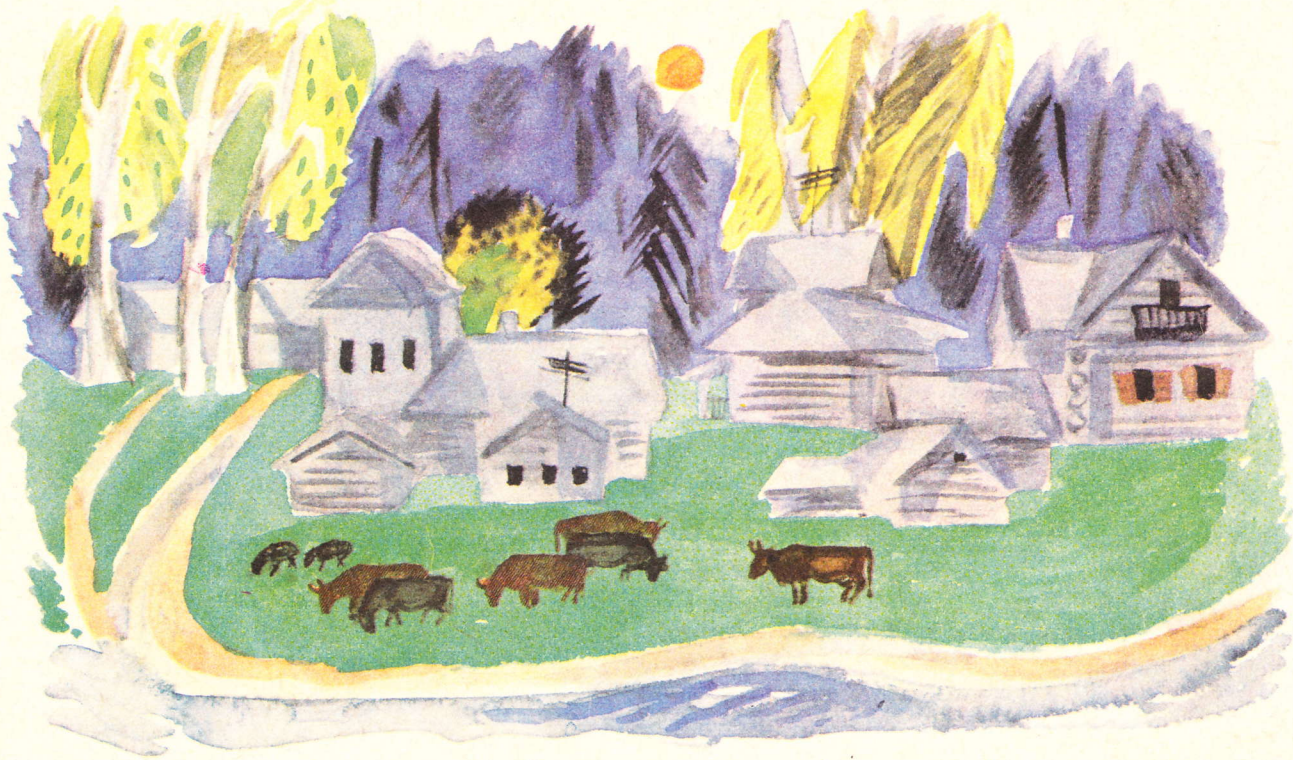
И ты бы сказал:

— Витя Иванов. А тебя Леной зовут, я знаю, — и сказал бы еще много-много смешного и интересного, потому что тебе и без того все нравилось в этой деревне и в лесу, а теперь особенно понравилось, и вдруг ты решил, что хочешь всегда здесь жить, в этом доме, на этом крыльце, которое так напекло солнце, что и стоять больно на горячих досках...

Витя побежал по дорожке и завизжал, закричал от счастья. «Ая!» — просто так закричал, махнул через скамейку, повис на заборе.

Петух возмутился его поведением и заковытал, закашлял, а Витя засмеялся, спрыгнул с забора и тут заметил, что дом, в котором он уже спал целую ночь, дом, в котором он будет жить целое лето, — не обыкновенный дом, а весь изукрашенный резьбой, весь черный от времени, но не покосившийся. А чердак-то какой! С балконом и тоже весь резной: там и петухи, и цветы, и просто завитушки, и весь дом похож на петуха, который изогнул шею и сейчас закукарекает.

Витя побежал на чердак и там нашел массу удивительных вещей: и прялки, и туюски, и

подковы, стертые до блеска, и даже целый сундук, окованный тяжелыми железными полосами и обитый медными гвоздями. Витя подумал, что закрыт такой сундук на семь замков и хранится в нем клад или план, где найти клад, но сундук легко открылся, и оказалось, что в нем лежат простые половики рулонами.

Витя пошел к окну и хотел открыть его так же легко, как сундук, но окно было заколочено намертво и не открывалось, балкон сделали двести лет назад для красоты, должно быть, и никто так и не открывал это окно и никогда не выходил на балкон.

Вите надоел полумрак и пыль чердака, и он слез вниз, выбежал снова на крыльцо, встал на солнце, и ноги сразу согрелись, горячая кровь жаром ударила в лицо, будто вместо крови солнце само вливалось в тебя.

Босые ноги чуть покалывал, щекотал, весе-

лил песок, и Витя побежал к реке, по мосткам, в поле, где на взгорке летели навстречу ему лютики и колокольчики. Они так высоко тянулись, что Вите казалось: они сейчас взлетят и сам он уже летит от радости, парит над полем, а на самом деле он запыхался и упал в траву, опрокинулся на спину и засмеялся, потому что увидел небо и черную точку жаворонка. Жаворонок заливался так, будто хотел изо всех сил перекричать ветер, рассказать, как хорошо ему барахтаться там на ветерке.

Потом Витя рассматривал травинки и цветы, на которые упал, нашел муравья, который полз на клевер, нашел божьих коровок и жуков, но лежать долго было некогда, потому что впереди, за полем, шумел лес и надо было obejать лес, посмотреть на реку, увидеть все разом, в один день, и Витя сорвался с места и побежал дальше...

Рыжий и Сурок

Когда Витя, усталый, голодный, возвращался домой, спустился к реке и вступил на мостики, тогда встали у него на дороге две тени. Рыжий и Сурок. Витя хотел обойти ребят справа, тени двинулись вправо, Витя пошел влево, тени колыхнулись влево, и так как Витя смотрел только на ноги и видел только тени, то он не знал, что ребята смеются и скалят зубы.

Витя рассердился, прыгнул вперед, толкнул ребят и удрал к дому, а они хохотали и свистели вслед ему, и обижаться на них не было смысла — это была их деревня, Витя понимал.

Рыжий и Сурок собирались удить рыбу, и Витя им помешал, потому что нет хуже для

рыбака никого, кто топает по мосткам и пугает окушков, которых только что приманили.

Витя уже подбегал к дороге и тут, прямо на дороге, встретил Лену и всю ее команду. Лена остановилась, и Витя остановился, он сразу забыл и мальчишек, которые только что свистели, и то, что он устал и голоден. Он остановился, а малыши вдруг подошли к нему, и самый маленький обнял его ногу и заглянул ему в лицо. Витя так удивился и обрадовался этому, что поднял малыша, и тот сказал ему:

— А мне голову мыли! Меня Димой зовут, а тебя как?

— А меня Лидой, — сказала одна из девочек.

— А меня Ниной.

И только Лена молчала, хотя Витя уже знал, как ее зовут. И мальчик постарше тоже молчал и смотрел сердито.

— А его Лешей зовут, — сказал Дима, — а он мыться не хотел! Ему мыло в глаза попало...

— Он плакал, — сказала Лида.

— Да молчи ты, — сказал сердитый Леша.

— Ну, пошли, — сказала Лена.

И они все двинулись на речку — гуськом. Лена брала малышей поперек живота, как котят...

В тот вечер Витя видел во сне этих ребят-котят, всех белоголовых, будто кто-то их облил сметаной. От них и пахло молоком, пахло весенней травой, свежим ветром и полем.

Утро

И снова Витя проснулся от радости и голода. Голод был до того пронзительным, что он вскочил и выпил сразу молоко, стоявшее на столе, выпил его прямо из кувшина и выскочил на крыльцо. И снова солнце обдало его своим жаром и счастьем, и снова песок защекал ему ноги. От всего этого счастья Витя закричал, запел, подпрыгнул. Ему хотелось махнуть через перила крыльца, хотелось, как коту, мигом вскарабкаться на дерево, прыгнуть оттуда прямо на забор, пробежаться по забору и спрятаться в овраге.

Он сразу вспомнил Лену, которая вела своих сестер и братьев. Он уже бежал к реке, как вдруг в открытом окне увидел белые головы, они склонились над столом. Это были те самые «длинь-нь», имена которых сливались в протяжный звон.

Все они стояли или сидели на лавочке около стола и внимательно смотрели, как Лена наливает молоко в кружки. Она не пролила ни капли на стол, слизнула молоко с края большой банки. Они выпили почти все и просили еще, но Лена не дала, а унесла куда-то на холм, потом вернулась и допивала свое из кружки, а ребята все так же сидели возле стола, глядели на нее, глядели друг на друга, что-то лопотали и даже пели. И так им было вкусно пить молоко, петь и лопотать, что Витя вдруг подошел к их окну и стал смотреть на них.

Он смотрел на них, а они его не видели и продолжали петь свою песенку, которая была знакома Вите и в то же время казалась новой, так славно они пели:

*«...Мы зимой зайца кормили, заяц был доволен.
А весной отпустили зайчика на волю...
Он пошел, пустился вскачь по полям,
по кочкам,
И сначала был, как мяч, а потом, как
точка...»*

Они пели «зайца», делая ударение на последнем слове, что было смешно, и Витя засмеялся.

Они все обернулись и сразу закивали ему:
— Иди к нам, к нам!

Он вошел к ним в дом и поразился, как там было все чисто. В доме, где столько ребят сидело у стола, была немыслимая чистота и порядок: так ровно были уложены половики и

подушки, так чинно стояли банки и кружки, и так же чинно сидели на лавках ребята — все босые. Пол был, видно, только помыт.

Как только Витя вошел, так порядок нарушился и ребята встретили его, будто старого друга. Они опять облепили его со всех сторон, и только Лена не подошла к нему, она была будто и недовольна, что нарушился порядок и все повскакали с мест.

Ребята тащили Витю за руки, повторяли ему: «Иди, иди к нам!», и ему стало так хорошо, будто он получил сразу много подарков, вот только Лена не звала его.

Они принесли ему медвежонка, картинки, книжки, кубики — все свои богатства, а Лена все не смотрела на него, но он уже понял, что она просто смущена всей этой кутерьмой, что затеяли ребята, и привыкла, как старшая, чтобы они ее слушались.

Но вот она поглядела на него и сказала:

— Дать молока? Налью, выпей.

Он не хотел молока, он только что пил его дома и сказал ей, что не хочет, а она почему-то покраснела, и он покраснел.

Леша сказал Лене:

— Плесни мне еще!

Она налила ему еще молока, он выпил, взял шапку и сказал:

— Я пошел.

— А в магазин?

— После, — отмахнулся Леша.

— Опять он к лошадям! — сердито сказала Лена.

До сих пор Витя совсем не думал о лошадях. Теперь, когда Лена сказала, что Леша любит лошадей, Витя вдруг заинтересовался, где это лошади, какие они, как их звать, но Лена не знала подробностей, она знала только одного старого коня, на котором иногда пахали и окучивали картошку:

— Леша на Окуне, — сказала она.

— На окуне? — удивился Витя и только тогда понял, что так звали коня — Окунь.

— Конь Окунь, конь Окунь, — повторил он и еще раз засмеялся.

И Лена засмеялась. Она тоже только теперь поняла, как смешно звучит это Окунь-конь.

— Пойдем к нему, — попросил Витя, — посмотрим!

— Да нет, — сказала Лена, — у меня дел полно.

— Пойдем, — просил Витя.

— Да вот ребята тебя проводят, — сказала Лена, — а я после...

Витя все еще смотрел, куда побежал Леша, а ребята уже тормозили его:

— Пошли, пошли с нами, мы пойдем огородами...

Лена велела надеть ботинки. Сама принесла тапки, ботинки, сандалии и обувала ребят. Она сидела на корточках, и волосы ее свесились прямо на нос. Она встряхивала головой иногда и улыбалась Вите, так что он опять сказал:

— Ну пойдем с нами, пожалуйста!

Лена вдруг опять покраснела и помотала головой. Витя сорвался с места и вышел на крыльцо, ребята посыпались за ним.

Целые дни Леша пропадал в конюшне. Его оттуда гнали, но он все равно не уходил. Дед Сапожков, конюх, целые дни говорил ему, что кони его зашибут, чтобы не стоял здесь, но Леша не уходил. Никогда кони не трогали Лешу, не верил он, что кони могут и куснуть, и на ногу наступить такому малому, как Леша, что конь — зверь и от него всего ожидать можно: то испугается и понесет, то просто застоит, нельзя ему быть в конюшне... Но Леша был упорный человек: гнали — уходил из конюшни, но садился тут, поблизости, и ждал, а дед Сапожков хоть и сердился на Лешу, хоть и боялся, что ему попадет, если с Лешкой что-то случится, но уже привык к тому, что Леша здесь, — то в магазин его пошлет, то велит принести лопату из сарая, то гонит за бригадиром.

Леша все исполнял: и в магазин бегал, и в поле, и в контору, и лопаты приносил, и грабли, но делал он это не сразу, а торговался. Долго, упорно он выторговывал себе что-нибудь: коня самого смиренного, Окуня, искупать, или в телеге ехать, или взять Окуня и вспахать поле картошки — дома, своим, или соседям.

Окуня дед Сапожков доверял Леше, но в конюшню все-таки не пускал. Так и сидел Леша на траве или на бревнах возле конюшни.

Но вот один раз заболел дед Сапожков и уехал в больницу, да там и оставили его надолго, а вместо него пришел парень Коля, пришел и пустил Лешу в конюшню. Не только пустил, но и заставил чистить, навоз вывозить, коней гонять на поле, все разрешил, сам сел возле конюшни на Лешино место, закурил и стал смотреть, как Леша работает.

Тут и пришли все малыши и Витя — как раз ко времени.

Коля нисколько не заботился о том, кто идет в конюшню — малые или большие, он так и сидел на солнышке, когда все ребята вошли туда.

Зато Леша совсем не был доволен тем, что приползли малыши:

— Чего привел команду, тут не игра. Лошади зашибить могут, — сказал он голосом деду Сапожкова. — А ну, марш отсюда!

Малыши неохотно уходили, а Витя не ушел. Он смотрел на лошадей, гладил их, любовался. Все лошади были неказистые, обыкновенные, но Вите казалось, что это красивые кони. Один был коричневый, сургучного цвета, другой светлый и словно плюшевый, третья лошадь тоже светлая с подпалинами и только старый конь Окунь был ярко-рыжий, как огонь. Витя любовался им. У этого коня была такая славная морда, покорная и добродушная, будто он говорил: «Я все стерплю, только не мелькайте у меня перед глазами».

Леша так его любил, что всегда кормил лучше всех — и сахаром, и хлебом, и клевером. Одного Окуня ему и доверяли, и он купал его, скреб, водил на дальние полянки, где трава была сочной и свежей в тени деревьев, совал ему пучки травы в нос и часто случалось, что трава эта была не очень съедобна: или пахучая, или горькая, или кислая; Леша сам любил кислицу, потому и Окуня угощал.

Теперь Окунь косился на ребят — что еще придумают?

Они принесли ему овса и всыпали всю мерку. Окунь столько съел, что его бока раздулись, а ребята все не унимались — кормили его и кормили, с руки старались накормить. Окунь только вздыхал и даже не фыркал от уважения к ребятам. Он просто старался задремать и слышал, как ребята совещались: поить его или не поить, купать или не купать.

Лежал парень Коля да посмеивался:

— Ты, малый, тихо работаешь, давай своих ребят сюда гони, лошадей в поле выпустим, да всё и почистите.

Пришли в конюшню Рыжий и Сурок. Лошадей они выгнали. Вместе почистили конюшню, принесли соломы, сена, убрали грабли и

вилы и сели около конюшни ждать парня Колю, который и совсем ушел из конюшни.

Они ждали Колю и мечтали:

— Теперь пусть он нам двух коней даст, мы в телегу их запрежем, да в лес поедem все, к леснику Вавиле.

Но Коля так и не пришел в тот день, совсем не вернулся в конюшню. Вечером приходили бригадиры, требовали лошадей. Витя и Леша запрягали их, бригадиры ругались, уводили лошадей. Остался один Окунь в конюшне. Не у кого было и просить, чтобы дали Окуня, и решил Леша, что раз так, то возьмет сам коня, а Колю ждать не будет. Все равно Окунь не работник, он уже старый. В конторе все его попрекали дармоедством.

Лошадей разобрали на три дня, увели на далекие покосы, на выпасы, Коля и утром не появился — уехал работать в поле. Леша один остался с Окунем и, боясь, что и того уведут, скорее выпустил его, угнал на далекое пастбище, чтобы он там пощипал травы свежей. Они все пошли с Окунем и кормили его хлебом, клевером, даже овса притащили. Потом они купали Окуня, поили его, мух от него отгоняли, слепней, увели в конюшню поздно, задали ему столько корма, сколько всем коням отпускали на день. Бока у Окуня раздулись, и он заснул стоя.

Леша всегда поражался тому, как это лошади спят стоя, как это они не падают. Лег бы и спал, сладко так спать лежа, но, сколько бы они ни уговаривал Окуня лечь, конь ничего не понимал или не хотел понимать. Они его с Витей

даже толкали в бок — ложись, мол, но он не ложился, упорно стоял и отфыркивался — привык, что ребята дурака валяют. Знал, что они очень хорошо к нему относятся, что они одни и любят его и кормят как надо, даже так кормят, что сил нет съесть, потому Окунь прощал им и то, что они его часто гоняли с места на место — для его же блага, как они думали. Гоняли и купали долго — сам бы он столько в воде не стоял, толкали и держались за гриву, играли, как со щенком. Окунь терпел, даже любил их, но теперь, когда они его пытались уложить на солому, он отфыркивался и вздрагивал всей кожей, не желая ложиться.

— Ложись, — говорили они, — ну ложись же. Соломка чистая, свежая, вот мы сколько натащили тебе одному, гляди!

Окунь косился на ребят и стоял, широко растопырив ноги: черт их знает, еще уронят и вправду, ребра поломаешь. Он понимал, чего хотят ребята, но не мог же ответить, что если станет лежать, так и помрет совсем, кровь застоится в нем, тяжесть собственная придавит сердце, он и помрет: старый ведь, да еще так наелся сегодня. Он не мог сказать этого ребятам, а они не понимали. Дед Сапожков хоть и кормил мало, хоть и бранил часто да понукал и кнутом бил, но ложиться не заставлял, не толкал в бока — ложись, мол, Окунь.

Так они до полной темноты возились с конем, потом заперли его на замок, и Окунь вздохнул с облегчением — ушли ребята, и то хорошо, что больше не тянут никуда, не толкают, не кормят и вообще не галдят в конюшне.

Лена

Сколько раз видел Витя, как люди стирают, сколько раз смотрел на них и никогда не думал, что это интересно, даже наоборот: его сердила бабушка, когда она, охая и причитая, что у нее болит спина, полоскала белье, заставляла Витю таскать тазы и ведра, сердилась при этом на Витю и на холодную воду, и на то, что белье тяжелое, приговаривала:

— Вот заехали в такую даль, ни тебе крана, ни воды теплой, все таскай на себе, горе мое...

И Витя покорно или сердито, смотря по настроению, таскал белье и воду, полоскал это белье и думал только о том, как скорей дать стрекача от бабушки и от ее белья.

А теперь Витя, сидя на крыше, смотрел, как Лена стирает и поет, стирает и поет, и ему хотелось, чтобы она никогда не кончала стирать и петь.

Он еще утром побежал к речке, побежал новой тропкой — он очень любил бегать новыми путями на реку, — и вдруг заблудился в огородах. Явно понал в чужой огород и не мог выйти из него — все было загорожено и закрыто, а на пути к речке стояла баня, новенькая

такая банька, со скамеечкой возле стенки, с новой крышей и лесенкой.

И банька была низенькая, и крыша была рядом, так что Витя решил полезть на крышу да там уж и прыгнуть на берег.

Так он и сделал, но место на крыше ему показалось особенно уютным и солнечным. Пахло здесь дранкой и свежей смолой, а с крыши открывался вид на реку и еще дальше, так что Витя увидел второй поворот реки за холмом и лесок, а там и дорогу в поле.

Правда, стоял Витя на той стороне крыши, где его никому не было видно. Вся прелесть наблюдательного пункта потерялась бы, если бы ему стали кричать: «Слезай, чего залез, вот твоим родителям пожалуемся!», — потому он сам старался быть незаметным. И тут-то он увидел Лену, которая полоскала белье. Он все видел, как она сначала устраивалась в лодке полоскать, после отошла от лодки и приблизилась к баньке, на которой стоял Витя, а потом перешла на мостики. Новые были мостики возле новой бани, глубоко вдавались в реку, и вода около мостков была совсем чистой.

Сначала Витя хотел спрыгнуть и испугать Лену, а потом раздумал и стал смотреть, как она полощет, и до того она это весело делала, что ему самому захотелось полоскать.

Она раскидывала косынки по течению и смотрела, как маленький парус взмахивал над водой, оседал на воду, не тонул, не уплывал, а расстился по воде. Лена наклоняла голову и любовалась им, потом собирала его и снова раскидывала. Когда косынка была выполоскана-перевыполоскана, чище воды и ветра, тогда Лена отжимала ее ловко, легко, так сухо, что и капли не оставалось. Она шла на берег, где трава возле бани разрослась кустом, и раскидывала эту косынку на траве — белить. Витя это знал. Так и бабушка делала, приговаривая: холсты белить будем.

Лена брала следующую вещичку и снова полоскала ее долго и играя. Видно было, что она так рада солнцу, и чистой воде, и веселому ветерку, и брызгам — потому и мурлычет свою песенку, потому и стирает так долго.

Уже первая ее косынка совсем высыхала, когда она дополоскала последнюю тряпочку и разостлала ее на траве, потом легла сама на мостки и стала смотреть в воду и петь песенку:

*«В речке бродят облака,
небом кажется река...»*

Других слов у песенки не было, только эти, она их повторяла и повторяла, пока Витя не рассмеялся. Он засмеялся и замолчал, потому что Лена подняла голову и хотела повернуть

ее, но солнце так припекало, что ей лень было поворачиваться, и она опять легла на доски.

Все-таки что-то обеспокоило ее, нарушило эту тишину и привычные звуки: плеск воды, шуршанье листьев, стук лодки о камешки. Лена встала и подошла к баньке, где сушилась косынка. Она стояла прямо тут, у самого Витинового носа, встряхивала косынку и скатывала ее тугим рулоном на голый коленке. Ее волосы были влажными, закудрявились, на носу был розовый загар, подбородок круглился, и она стояла в гудении пчел и шмелей, в тишине кустов и высокой травы, сама белая и легкая, как одуванчик.

Вите стоило только протянуть руку и потрогать ее волосы, так низко была крыша, но он не протянул руку, а все смотрел, как Лена осторожно собрала белье, сырое еще раз перевесила и встряхнула, а сухое все скатывала и скатывала в тяжелый валик и ловко катала его на чистых досках. Взяла еще и новенькую щепку, которая осталась от строительства бани, и придавливала этой щепкой, подкатывала этот валик. После Витя узнал, что так именно и гладят по-старинке, катком и вальком. И Витя подумал, что Лена лучший в мире катальщик белья, что красивее этого занятия нет ничего в мире, и лучше Лены нет никого, никого... Даже мама, всегда такая красивая, нарядная, пахнущая хорошими духами, пудрой, не может сравниться с Леной, от которой пахнет речной свежестью, молоком и травой и этим душистым бельем, которое само по себе уже духи.

И тут Витя спрыгнул с крыши, а Лена испугалась и уронила белье на землю, подняла скорее, но уже вымочила и вымазала ту самую белую косынку, на которую только что и смотреть было больно, до того она была бела, белее мела и молока, белее облаков и мороженого. Лена смотрела на косынку и не поднимала глаз на Витю.

— Да я тебе выполощу снова все белье! — закричал Витя, схватил косынку и окунул ее в воду.

Он и сам прыгнул в воду за косынкой, вымок весь, сделал из косынки пузырь, снова расправил ее, сделал парус на воде, упустил ее, снова поймал и отжал что было сил. Встряхнул и поднес Лене.

Она уже смеялась, глядя на то, как Витя

прыгает с косынкой, какие размашистые делает движения, будто полощет целую простыню. Встряхнула косынку и снова положила ее сушить, а сами они сели на мостки, опустили ноги в воду и замолчали.

Вите очень хотелось сказать Лене, что она показалась ему лучше всех на свете, даже лучше мамы, которой Витя очень гордился, но не стал говорить, потому что Лена все понимала, а слов могла и не понять — так Вите казалось, так оно и было в самом деле.

Они говорили про новую баню, про щепки, которые так сильно пахли смолой, говорили про мелких рыбешек, которые плавали тут под мостками, но ничего не говорили друг другу о том, как им весело вдвоем, как им все нравится сегодня...

В лес

Вите всю ночь казалось, что он не спит, но под утро он проснулся и понял, что спал, крепко спал и хочет еще спать, но в тот же миг вспомнил, что сегодня собрались ехать в лес, к Вавиле, и сразу подумал: «А Лена?» Он еще немножко подремал и во сне продолжал думать, что не отпустят Лену или она сама не поедет — такая она, все ей надо дома: и ребят накормить, и стирать, и корову пригнать... И он вскочил скорее и побежал к Лене.

Лешка еще спал, Лешку было не разбудить. Он с вечера все думал, как увести Окуня, а вдруг не разрешат, да вдруг остановят возле конторы, спросят: куда едете? Хоть парень Коля не появлялся, да кто его знает, вдруг и придет. Леша долго не мог уснуть, а после заснул и проспал. Лена уж копошилась, а он спал.

Витя прибежал под окна и сразу увидел Лену. Она расчесывала волосы и пела свою песенку про реку, в которой бродят облака.

Витя долго смотрел на нее и на то, как ее волосы ровно лежат, будто стекают с головы, смотрел, как она рассматривает себя в зеркале, и думал, что нет на свете ни у кого таких волос, как у Лены, такого ровного загара, и не видал он, чтобы у кого-то были такие же прозрачные глаза и белые брови. И для чего-то мама красит ресницы, ведь самое красивое — такие вот светлые ресницы и белые брови, и все лицо такое белое, только на носу и на краешках щек, у самых висков, розовеет, да еще нос обгорел немножко, что тоже очень красиво.

Лена посмотрела на Витю и сказала:

— Ты чего меня все пугаешь?

— Я не пугаю, — сказал Витя, — я просто смотрю на тебя.

Оба они говорили тихо, чтобы не разбудить Лешку и ребят. И от того, что они говорили тихо, между ними появилась тайна, и не просто тайна, а такая тайна, которую не должны

были понять ни Лешка, ни Рыжий, который с шумом прокатился мимо них и поглядел в их сторону.

Лена отошла от окна и сказала громко:

— Леша, вставай! Витя пришел, Рыжий уже гоняет! Вставай.

— А ты-то поедешь? — со страхом спросил Витя, — ты-то...

— А как же! — сказала Лена, будто и не бывало у нее дел.

Витя засмеялся и хотел влезть в окно, но тут увидел Ленину маму.

Рыжий уже подкатил к дому и тренькал звонком велосипеда. Он стоял на дороге и звонил.

— Эй, вы, копуши, я сейчас вперед уеду! — закричал он.

Лешка уже оделся, Лена завязывала платок, надевала сапоги и тренировочный костюм. Вите очень понравилось, что она завязала белый платок, но не понравилось, что она натянула

выгоревший костюм и рыжий старый пиджак. Куда лучше ей, загорелой, розовой, беленькой, было в голубом платье, хоть и выцветшем, но зато коротком, ладном. Все-таки он был рад, что она собирается, это уже было хорошо, что она собиралась — и так деловито, как и все, что она делала.

— Ты иди, сапоги надень в лес, да брюки длинные, не то все ноги комары искусают, да и по лесу не пройти, — сказала она Вите. Ему так не хотелось натягивать брюки — жарко, да еще сапоги, но он послушался и пошел домой.

Скоро он вернулся, но уже никого не застал — все пошли на конюшню. Он побежал скорей-скорей, а то еще уедут.

Важно было одно: проехать мимо конторы так, чтобы никто не остановил их, не заметил. Хотя как проедешь по деревне, чтобы никто не спросил: «Вы куда это?»

Они запрягли Окуня и стояли, совещались, как быть.

Рыжий поехал в разведку и промчался мимо конторы несколько раз — смотрел, кто там есть. Заходить было нельзя: сейчас же стали бы спрашивать, чего пришел да что надо, и могли понять, что он не просто так поглазеть пришел. В конторе было полно народу. Рыжий увидел это мельком в окно, когда промчался мимо. И бригадиры, и управляющий, и все кому не лень.

Ехать было нельзя, и они стояли. Это было так скучно — ждать, что Витя совсем расстроился:

— Да ну! Уж, может, попросить их? — сказал он.

Лешка замотал головой: просить было бесполезно, ни за что не дали бы им лошадей — это уж он знал. Хотя Окунь и не нужен был, а все равно не дали бы, уж он знал.

Рыжий еще раз поехал в разведку, но контору можно было видеть даже и отсюда, только выйди на пригорок — и гляди.

Все напряженно ждали — что было делать?

Лена уже глядела на дом, где висело белье, и Витя так беспокоился, что она вдруг уйдет домой, да и только. Тогда, казалось ему, и ехать в лес нет смысла.

А день горел все ярче и ярче, погода была самая лучшая, какую только можно было придумать для поездки в лес, было так тихо, и тепло, и ярко, что казалось: не могут же все ожидания вдруг оборваться так глупо.

И вдруг затарахтел где-то мотор — ехала машина. Сначала даже никто из ребят не обратил внимания: машина едет — что за дело им! Но машина с шумом и пылью подкатила, и вдруг все вышли из конторы — и управляющий, и бригадиры, и даже Коля-конюх. Сели в машину, и она тронулась. Быть такого счастья не могло — а вот уехали.

Рыжий прикинул, когда ребята уже сядились в телегу. Прикатил и сказал:

— Нельзя ехать. Там Марья в конторе, а я ее знаю, она вредная!

Марья была счетоводом и теткой Рыжего. Уговорить ее было нельзя. Этому все сразу поверили, что Марью уговорить нельзя, и тогда пришла Рыжему в голову идея.

— Выводи Окуня! — крикнул он.

Ребята тихонько выехали со двора и остановились — что Рыжий придумал? Сейчас в деревню выедешь, и тут тебя все спросят: куда да что. Вон баба Пелагея козу гонит, вон бабы в магазин пошли. Пристанут и вернут, да еще и разговоров будет!

Надежда была на Рыжего, но он придумал все очень верно.

Он вошел в контору и походил между пустых столов. Марья и внимания не обратила на то, что там происходит, а он тем временем взял наряды с окна тихо-тихо — и во двор. Важно было, чтобы Марья, которая сидела прямо против окон, отошла от них и не глядела на дорогу. Рыжий вышел так тихо, что она и головы не подняла.

Через некоторое время он снова зашел. Тут Марья подняла голову и увидела Рыжего:

— Ты что это? — спросила она настороженно. — Чего тебе?

— Да ничего, — сказал Рыжий, — у вас там во дворе наряды валяются, я подумал, может, нужно тебе, — и он показал ей бумагу.

— Ой, господи, — испугалась Марья, — и как же они туда попали? Ведь это надо, все наряды разлетелись!

— Да ветром, видно, их понесло в окно! — сказал Рыжий и побежал во двор собирать бумаги, и Марья за ним.

Он выбежал, схватил скорее одну бумагу и спрятал ее под рубаху, а Лешке стал махать рукой — проезжай скорей! И Лешка понял.

— Господи, господи, — причитала Марья, собирая бумаги, — а ведомость где? И как это, вроде ветра нет... Вот надо же! — Рыжий деятельно помогал ей, а телега тем временем приближалась к окнам.

Марья уже собрала все бумаги, но ведомости, самой важной, все не могла найти. Она ходила по двору и заглядывала под лавки, на дрова, хотела уже выйти на дорогу в тот момент, когда телега как раз выезжала, тут Рыжий завопил:

— Да вот там-то, на сарае не смотрела, на сарай сейчас полезу!

Марья остановилась и глядела на него, а он поднимался по лесенке на сарай и делал это довольно медленно, что было ему не очень свойственно, но Марья ничего не замечала — так была озабочена своей ведомостью. Рыжий влез на сарай и оттуда увидел, что телега уже повернула к телятнику и сейчас пойдет к лесу, уже даже отсюда ее скоро будет не видно, не

то что из окна конторы. Он посмотрел на са-рай и сошел вниз.

— Нет там ничего! Да, может, ведомость на месте, может, она и не улетела, пошли в контору, — сказал он и первым был в дверях. И подложил ведомость на окно, где лежали все бумаги, откуда он их и взял. Марья вошла и кинулась к окну:

— Тут она, — и, счастливая, прижала к груди ведомость, — ой, спасибо тебе, если бы не ты...

Но Рыжий не дослушал, что было бы, если бы не он. Он уже вскочил на свой велосипед и летел догонять ребят, которые уже совсем скрылись из виду. Он на своем велосипеде мог всех догнать и перегнать — даже машину, даже ветер, так он считал, хотя велосипед был самодельный, собранный из разных частей раз-

ных велосипедов; но гонял на нем Рыжий лихо, только звону и грохоту было много.

Рыжего встретили радостными криками. Надо же, как он провел Марью, она и не подозревала ничего. Рыжий скромно рассказал все, как было, и это придало всей поездке особенное удовольствие. Ведь если бы разрешили да отпустили, не было бы никакой особенной радости, а здесь была. Настроение у всех поднялось, и казалось, что даже Окунь веселится, так резво он бежал — правда, под горку.

Только Рыжий ехал на своем велосипеде. Он коней не то чтобы не признавал, но и не любовался ими, как Леша, не понимал, что хорошего в лошадях, — тихоходы, да еще и кормить надо. Рыжий был поклонником моторов и колес, которые едут сами по себе, а не при помощи лошади.

Днем в лесу

Витя ехал в телеге, и ему казалось, что он летит на ковче-самолете, — так мягко и легко катила телега по заросшей лесной дороге, так славно играли тени, так уплывали стволы деревьев, будто по бокам телеги шел ливень, светлый, летний ливень, а они ехали и только видели его, но не мокли.

Бывают такие тихие летние дни, особенно после дождей, когда все кругом будто просыпается, греется, нежится под солнцем, и само солнце не печет, не морит, а только утешает, и всякая трава тянется к солнцу и радуется теплоте дню. Это был такой день, и Лена сидела рядом с Витей, опиралась на него: в телеге можно только лежать или на что-то опереться, иначе сидеть не очень удобно. Так они сидели с Леной — спина к спине и опирались друг на друга. Так было тихо, легко и удобно, что Вите казалось: ехать он может всю жизнь именно по такой лесной дороге и в такой тишине.

И Леша притих и молчал, и все они молчали только Рыжий иногда ждал их за поворотом и кричал что-то, но он скоро срывался с места и уезжал вперед на своем велосипеде, который так часто дребезжал, звенел и стучал на этой мягкой дорожке. Они в телеге даже вздрагивали, когда Рыжий звал их. Они ехали в сосновом лесу, где изредка встречались маленькие березки на обочине дороги или на опушках, миновали опушку и наконец въехали в березовый лес. Это был старый лес, весь освещенный солнцем, белый, как паруса на воде, тихий, теплый лес. Сосновый бор был сухим и терпким, березовый — влажным и свежим.

Не было на свете другого такого же леса — так думал Витя, замечая, что вот березы выросли прямо на дороге и никто не затоптал их, а только дорога раздвоилась, и пошла

двойная колея — одна вправо, другая влево — и покатила телега по правой. Не было другого такого березового леса, потому что был он меловым: казалось, сейчас притронешься и вымажет тебя белым. Не было такого второго леса, где все они — и Леша, и Лена — оба, и без того белоголовые, стали еще белее и замерли, затихли.

Кроты прорыли дорогу, оставили на ней горки земли, кротовины, папоротник заплел обочины, малина росла на дороге.

Тучи комаров вились над малиной — охраняли ее.

Маленькая трясогузка сопровождала телегу, прыгала, трясла хвостом и не отставала.

А Рыжий снова закричал им:

— Эй вы, малины сколько! — он весь закопался в малинник, ел, гонял комаров, бил себя нещадно, обливался соком. Нос у него был в малине и в поту.

А они не слезли с телеги, им не хотелось малины теперь, на дороге.

— Там еще будет малина! — степенно говорил Леша, обогнал Рыжего, и они поехали первыми.

— В таком лесу нечего кричать, — это сказала Лена, за ней повторил Витя, и эхо повторило их тихие слова.

Нечего было кричать в таком тихом лесу, где только было слышно, как шуршат листья, гудят комары, пищат кое-где птенцы, копошатся кроты и мыши, щелкают белочки.

Чем дальше они ехали, тем хуже была дорога, тем гуще были заросли вдоль дороги, и прямо на дороге вставали кусты малины, попадались первые грибы и последние земляничны.

Стало темно в лесу. Березы были старые, кругом них поднимался подлесок и глушил бе-

резы, исчез яркий белый свет от стволов, все кругом было зелено.

Еще пахло прелью и грибами, свежестью зелени, которую мяли колеса, но уже ребята почувляли чужой какой-то запах. Сначала даже не разобрали, что это за дух такой вдруг повеял, и просто стало им не так весело и легко, после все тяжелее и тяжелее становился воздух, и наконец они поняли, что где-то горит лес.

Они поехали чуть дальше и остановились. Дым шел по лесу, растекался по траве. Сразу испортилось все настроение, стало душно и страшно. Тут же вспомнили: а ну как хватились их и Окуня? Да, попадет им. Уж не повернуть ли?

Стояли на дороге и глядели на дым.

Лена первая спрыгнула с телеги и, царапаясь о ветки, пошла вперед.

— Пожар в лесу, пожар! — вдруг заорал Рыжий, подбегая к ним.

Он всегда появлялся с криком и шумом. И без того всем было ясно, что пожар, а он кричал.

От его крика пошел по лесу шум, он словно бы разбудил ветер и огонь — прямо из-под Лениных ног потянулся дым, и вспыхнуло мгновенное пламя, пробежало по верхушкам жухлой травы и замерло где-то, а в глубине все дымило и дымило.

Вдруг Окунь сам тронулся с места и пошел вперед.

— Куда, Окунь, тпру! — закричал Рыжий, но Окунь не слышал, не слушал его — шел.

— Окунь, Окунь, стой, стой! — кричал Леша, но Окунь и его не слушал. Тут прямо рядом в сухой траве вспыхнул огонь, обдал жа-

ром, гарью, и все отступили от него. Леша бежал за Окунем, Лена ломала ветки, сбивала огонь, но он все равно расползлся и расползлся, дымил, горел — то вспыхивал вереск, то корни.

Рыжий заметался из стороны в сторону, и прямо у него под ногами, из-под ног, посыпались искры. Казалось, что тлеет где-то внизу — может, это так и было — горел торф.

Сначала Витю рассердил пожар, гарь, он закашлялся от дыма и от того, что вот кончилось все — тихая езда, вообще тишина, — и началась суета, крик, но потом он опомнился: Лена все ломала сучья и шаг за шагом шла прямо к огню — а он? Он все еще стоял, не зная, что делать. Ему казалось, что просто ветками не погасить, это было верно: огонь только прятался. Витя закричал:

— Окапывать надо! — он огляделся: чем бы копать? — и тут заметил старую каску. — Каска! — закричал он опять и смутился. Лена сердито смотрела на него. Он вел себя хуже Рыжего.

— Вода здесь, ручей! — кричал Леша.

Лена выпрямилась.

— Вода там, — сказала она и побежала по дороге. Витя сился вытащить каску из земли: она глубоко сидела. Он оборвал все ногти, но вытащил ее и побежал вслед за всеми.

Под телегой висело старое ведро, из которого поили Окуня, в телеге нашли целлофан, вытряхнули хлеб из пакета, и это было все, чем можно было носить воду, зато вернее воды ничего не было на пожаре — огонь отступал сразу. Рыжий метался по лесу как сумасшедший, кричал, плескал воду куда попало —

иногда на Витю, иногда себе под ноги, он придумывал всякие способы, пробовал даже возить воду на велосипеде, падал вместе с ведром и обливался. Витя думал, что он старается перед Леной. Может быть, так оно и было, потому что до сих пор Рыжий нисколько не думал о Лене, но сегодня утром, когда он увидел, что Витя стоит около нее и она смотрит на него, он вдруг понял, что Лена Вите нравится, и уже хотел сказать: «Ха, жених и невеста!» — но вдруг остановился. Лена поглядела на него так, что он сразу замолчал и стал смотреть на нее, чего с ним никогда не бывало, и заметил, что Лена девчонка что надо. Ему даже показалось, что он давно это думал. Теперь же, когда он устроил побег из конюшни, когда он был героем, ему особенно хотелось обратить на себя внимание, а она все равно не глядела на него. Правда, она и на Витю не глядела, но Рыжему казалось, что это она нарочно.

Витя думал то же самое про Рыжего. Он очень страдал от того, что так глупо вел себя сначала.

Часто бывает, что когда кто-то кажется тебе

лучше всех, то придумываешь черт знает что про него: Лена ни о Рыжем, ни о Вите теперь не думала. Она просто старалась погасить скорей пожар, как делала бы любое дело, за которое взялась. И уж о том, что делаешь, и думать — это было ее правило. А они, мальчишки, только мельтешили перед глазами.

Все устали. Все выпачкались. Больше всех — Рыжий. До чего он был грязен, даже брови спалил. Зато Лена была почти чистой, только немножко рукава и руки запачкались. Огонь сбили совсем, но то и дело где-то поднимался дымок — то там, то тут. Его затапывали, но он все равно не унимался. Пожарчик был небольшой, только-только и разгорался, но все равно погасить его стоило труда и времени, да на жаре, да без ведер. Все устали, мысли в ручье, сидели на берегу и думали — уходить отсюда, или снова загорится?

И вдруг заржал Окунь. Все посмотрели на него. Окунь, такой тихий и смирный, сегодня вел себя особенно резво — то уходит от пожара, то ржет ни с того ни с сего. Но через минуту все поняли, почему Окунь заржал: вдалеке за лесом мелькала чья-то телега.

Дед Вавила

Они были так заняты малиной, что не слышали, как к ним подошли; услышали только, когда кто-то сказал:

— Ну, здравствуйте, гости дорогие! Далеконько забрались ко мне. Меня мало жалуют, разве на машинах сюда гоняют, да туристы вот, будь они не ладны... Здравсьте!

На дороге стоял старик, белый, седой весь, заросший бородой и усами, розовый, приветливый. И сколько ему было лет — кто мог сказать? Может быть, девяносто, а может, меньше, но он крепко стоял на ногах, шагал скоро, говорил звучно, и во всем его виде было удовольствие — в том, как он глядел на всех, как оглаживал бороду, улыбался.

На нем была чистая рубаха и телогрейка, а над ним вились комары и бабочки. Так Вите и запомнился этот старик.

Лена сразу отозвалась:

— Здравствуйте, Вавила Степанович, привет вам от наших, кланяются!

— Здравствуй, здравствуй, сударыня.

— А мы тут пожар погасили!

Витя оглянулся на Лену, а она недовольно мотнула головой — Витя понял, что не надо было говорить, что здесь не принято ни хвалиться, ни хвалить.

— Был, был я на пожаре, вот он меня уж водил! — сказал Вавила, улыбаясь и кивая на Рыжего.

Тут и Рыжего Лена облила презрением. Витя понял, что надо было сказать просто: «Там лес горел, — видели?»

— Ну, пожалуйста, гости дорогие! Хлебца-то городского привезли мне?

Городской хлеб был просто деревенский, из магазина. После Витя узнал, что Вавила и хлеб сам себе пек. Какой уж это был хлеб, он не попробовал.

Они поехали просекой, потом — заросшей дорогой и выехали на поляну. Из зелени, из леса глянул старый дом, хоть и ветхий, а все красивый, прочный, заросший мхом, загороженный плетнями, шестами, сарайчиками, хороший дом, потаенный в лесу. Про такой дом Витя прежде думал, особенно когда его ругали дома или в школе: «Вот убегу в лес, к ка-

кому-нибудь леснику, буду жить с ним, зверей наблюдать, приручать, буду птиц кормить, рыбу ловить». И вот он явился, этот лесной домик, обветшалый и старый, одинокий и звериный. Они подъезжали к дому и сразу увидели клетки с кроликами, с курами, скворечники, кормушки для птиц и самих птиц, которые приветствовали их и садились на частокол то по росту, то вразнобой.

Они подошли к дому, который стоял на взгорке, и увидели внизу озеро. Как оно блеснуло там, так будто всех ребят позвало. Они переглянулись и помчались к воде.

До чего была теплая, ласковая вода в озере! Они плавали, визжали, кувыркались в во-

де, брызгались — так купались, что и дед Вавила пришел на их крик, сел на мостки и ноги в воду окунул.

— Баню надо топить, — приговаривал он, — баньку! Эх и попаримся. Натаскали бы воды, да затоплю я.

Они натаскали ему воды в баню, дед затопил ее, и тут они, замерзшие, накупавшиеся до того, что пальцы на руках стали дряблыми, как после стирки, почувствовали такой голод, что можно было жевать траву.

Но им не дали жевать траву — уже был готов самовар и сварены картошка и яйца, принесены мед и сало — ох как это показалось им вкусно, будто век они не ели.

На озере

Бывают дни, которые мелькают, как огни в метро, — только был и уже кончился, исчез, растаял, будто его не бывало; бывают долгие, плохие дни, особенно когда болеешь; но бывают дни-праздники, которые начинаются рано и долго не кончаются, и каждый час дарит тебе радости, и кажется, для чего бы кончаться такому дню — пусть бы длился вечно.

Такой именно день был в лесу у деда Вавилы, — долгий и прекрасный.

Только напился чаю, посидели, послушали деда, разморились от чая, подумали, не пора ли возвращаться, как дед Вавила сказал:

— Сейчас мы с вами пойдем... Посмотрим плотинки на реке Болотке.

— А сколько сейчас? — спросил Витя и узнал, что всего-то два часа дня, а ему казалось, что он уже целый век в лесу, прекрасный век, который может длиться еще и еще, сколько угодно долго.

Рыжий укатил вперед, а ребята вместе с дедом пошли тропкой.

Эта тропка была самая красивая из всех тропок, что видел Витя, — вся из узорной тени, хвои и листьев, вся шириной в одну ступню, не утоптанная и четкая, — видно, Вавила не часто ходил по ней.

Витя сначала шел с Леной рядом и то и дело спотыкался о траву и кочки, потому что не было места идти рядом. Пришлось идти следом за Леной, но все равно тропка была прекрасная: можно идти и идти — на край света.

Высокие травы и иван-чай вставали на обочине тропки, то сверкала земляника, то свисали прямо в руки ветки малины, да какие! — густо облепленные ягодами, одна за другой. Солнце пробивало малинник, и каждая ягода светилась как самоцвет.

Нельзя было пройти мимо этой малины, но и отставать было нельзя. Дед Вавила шел ходко, хоть и неспешно.

Рыжий встретился им на дороге — он уже ехал обратно:

— Я уже видел плотинки, речонка-то болотистая, грязная. Я поехал баню смотреть, может, еще приеду.

Он прокричал все это и укатил.

И тут они вышли к берегу реки.

Дед стал говорить тихо, и все поняли, что больше не надо шуметь, иначе ничего не увидишь.

Стало слышно, как гудят комары и шмели, слышно, что вот трещит веточка, падает шишка. Замерли, присели на старый корень и увидели, как ондатра плывет по реке к своей плотинке, несет в зубах длинную камышину, вылезает на берег, тащит камышину, моет морду, или просто чешет нос, или жует что-то. Другая ондатра приплыла, они обе юркнули снова в воду и уплыли куда-то. Все сидели тихо-тихо, и тогда откуда-то, как из-под земли, явился маленький олененок. Он лениво встал двумя передними ногами в воду и провалился в топкий берег. Всплеснулись ондатры, поплыли в стороны, а олень, будто заспанный, скучливо повел мордой, понюхал воду и поднял голову, и тут он увидел ребят и деда Вавилу, которые смотрели на него с другого берега — прямо на него. Куда девалась оленья лень! Одним скачком — весь изогнулся и исчез. Только что был тут, рядом, светло-коричневый, пятнистый, маленький, ушастый, и вот его уже не было и в помине, только два маленьких следа на берегу медленно заливало водой.

Ребята все вскрикнули только в тот миг, когда олень уже и след простыл, вскрикнули и стали хохотать, говорить, перебивать друг друга, рассказывать, как испугался олень и как лениво он шел пить.

— Из заповедника забрел, — сказал Вавила, — далеко ведь, километров сто отсюда, а вот ведь доходят. Да и живут на Светлых Лужках, знаю. Раньше там я косил, теперь уж тяжело...

Снова потянулись ондатры. Они, не боясь голосов, плыли себе и плыли по речке. Под-

плывали к своей плотинке, ныряли под нее, исчезали, снова появлялись.

Кругом плотинки дерева и ветки были подгрызены, как топориком обрублены, только торчали вверх колышки. Это ондатры валили их и устраивали плотинку. Речка была перегорожена ветками, стволами и камышинами.

Когда все смотрели на ондатр, Лена раскрыла рот, как маленькая, замерла — Витя видел ее сбоку. После купанья она распустила волосы, сушила их; теперь они высохли и закрыли половину лица, тонкую шею, ключицы, лезли ей в глаза, и Витя невольно протянул к ней руку и отвел ее волосы от лица — просто так, чтобы ей удобнее смотреть было. В этот миг, как из воды, вынырнул Рыжий и захохотал во все горло. Вдруг перестал смеяться и зло поглядел на Витю:

— А хочешь, дам между глаз?

— Да за что? — кричал Витя.

Рыжий снова хихикнул:

— Я все-е видел, — протянул он ехидно. — Только Ленка тебе и сама даст в морду.

И тут Лена обернулась:

— Это я тебе дам, а не ему! — сказала она Рыжему. — Хотя и ему попадет тоже...

Она замолчала на минуту, и тут вдалеке слышались голоса. «В турпоходе, бабка, в турпоходе, Любка...» — донеслось до них, потом смех и стук.

Голоса все приближались. Уже слышно было, как говорят, ломают что-то, потом уже и шаги были слышны.

Дед и Лешка вернулись к ручью:

— Туристы жалуют! — сокрушенно сказал дед. — Пойти бы взглянуть. Не то лес повалят, да еще и костер на корнях разведут, а то и все дерево обольют бензином да и запалят — с них все станется.

Рыжий метнулся к велосипеду и был таков — умчался туда, откуда слышны были голоса.

Витя сердито пошел в сторону, быстро пошел и вдруг сам не заметил, как провалился, и кричал:

— Лена!

Она не отзывалась, а он все глубже и глубже проваливался, увяз совсем. Он мог выбрать сам, но Лена уже бежала к нему и подавала руку. Она тянула его, но и сама проваливалась. Кое-как они выбрались из болота и пошли в обход. Куда-то совсем скрылись дед и Леша, и голоса слышались неясно. Пошли на голоса, и казалось, что теперь слышно явственнее крик и шум, потом треск, снова крики, и тут все стихло. Они прислушались, кричали сами — никто не отзывался. Они пошли вправо, вернулись, пошли влево... Кричали — никто не отзывался, и тогда поняли, что заблудились.

— Давай вернемся на то болото, там же тропинка рядом.

— А где болото?

— Вон там! — кивнул Витя.

— Да что ты? — там. Мы стояли, и солнце было в глаза, а потом пошли влево, в обход, и солнце было справа...

Этого Витя не помнил.

Они посидели еще немного, кричали: «Леша! Рыжий! Дед Вавила!» Никто не отзывался. То им казалось, что слышат что-то, то казалось, что не слышат.

Повернули назад. Шли долго, и все места были чужие; даже и ручья не могли найти...

Они шли рядом или один за другим — Витя за Леной. Никогда Витя не думал, что так прекрасно заблудиться, остаться одному с Леной. Он ничуть не боялся, да и Лена тоже, хотя леса эти они совсем не знали — какие тут дорожки? Когда-то Лена была здесь с мамой и ребятами из деревни, но помнила плохо:

— Где-то здесь камень огромный должен быть. Помню, я залезть на него хотела, да не смогла; где-то большой дуб на поляне, а возле дуба мы сидели и грибы разбирали, много тогда грибов нашли...

Ни камня, ни дуба они не видели. Вдруг открывались полянки, все залитые солнцем, приветливые, вдруг взгорки, холмы или чащи.

Они шли, останавливались, кричали. Никто не отзывался.

И вот нашли камень.

— Камень! — кричал Витя и полез на него. Огромный был камнище, заросший мхом и даже травой и мелкими кустами.

Витя влез на него, но ничего не увидел — ни озера, ни ручья.

Он слез с камня, они сели рядом, стали думать, как же идти дальше.

Лена помнила, что рядом с камнем где-то поляна и дуб. Она ходила влево и вправо и все возвращалась, садилась на место рядом с Витей и повторяла:

— Там нет, и там нет, а ведь где-то есть.

Когда она уходила, то Витя сразу чувствовал усталость и даже страх. Когда она появлялась снова, тогда ему казалось, что нет ничего лучше, как заблудиться в лесу. Лена садилась рядом, и они молчали:

— Пить хочешь? — спрашивал Витя.

Она мотала головой — не хочет. А он тоже ничего не хотел — ни есть, ни пить. В конце концов, малины было много, да и земляника еще тоже попадалась. Иногда они набредали на такие полянки, что Витя и не помнил, когда видел такие вот красные от земляники места — давно не видел. Они собирали ягоды, ели их, шли дальше. А теперь казалось, что они сыты совсем. Они сидели рядом, и не хотелось двигаться.

Крик теперь совсем не был слышен. Они кричали и кричали, но все впустую.

Пошли вперед, куда еще Лена не ходила, и тут же рядом нашли поляну и дуб, где должна была быть тропка. Была и тропка, вся зарос-

шая вереском, но куда надо было идти, вправо или влево, — не знали. Лена не помнила.

Витя полез на дуб и скоро поднялся очень высоко.

— Лена, я вижу крышу дома и ручей вижу! — закричал он оттуда.

— Ну хорошо, слезай, — сказала Лена, но Витя не слезал.

Он уселся поудобнее на ветке и смотрел на лес. Ну и лесище был: свободно можно было заблудиться в нем, — ни конца ни края не было видно.

— Слезай! — еще раз крикнула Лена.

Она села на пенек возле дуба и почувствовала, как устала и как жарко. Грязь прилипла к ногам, вымазалась она здорово.

Она сидела так и машинально перетирала грязь на брюках, когда прямо на нее выскочил Лешка:

— Ленка! — закричал он. — Чего вы не отзываетесь? А где Витя?

— Мы все время кричали, — сказала Лена.

— И мы! Что там было! Там сосну повалили туристы, там Рыжего чуть не придавило, там дед пишет акт, а вы потерялись.

— А мы в болото попали.

— Надо было стороной, как мы! — сказал Лешка. — Витя, слезай.

Витя уже слез.

— Эх, что там было! — снова начал Лешка. Он был так полон тем, что видел на поляне, что рассказывал несколько раз.

Из сбивчивого рассказа Лешки они поняли, что туристы пилили сосну и как раз, когда все подошли, а Рыжий прятался и наблюдал за ними, сосна рухнула и чуть не придавила Рыжего, сосной задело его велосипед. Теперь написали акт «и нам надо подписаться...» — кончил Лешка. Все было для него необычно и интересно, кроме того, что он, как свидетель, не мог подписаться. Видно, он и ушел, чтобы не сказать, что не может еще расписываться. Он ушел, зато встретил Лену и Витю, которые, как ему казалось, без него все так и блуждали бы по лесу.

Вот сколько дел сделал Леша, а теперь он беспокоился о том, чтобы Окунь не отвязался и не ушел куда-нибудь в лес. Тогда его ищи...

Они пошли скорее к дому лесника, и оказалось, что не так уж это было близко.

Баня

Снова они купались и мылись, а Лена умудрилась все выстирать и просушить на солнышке. Леша уже запряг Окуня, когда вернулись Рыжий и дед. Дед нес трофей — пилу — и все говорил:

— От лешаки, от лешаки — придумали в лес с пилой ездить; я им дам пилу! Я им покажу, как валить лес...

Дед все ворчал и носил пилу по двору — не знал, куда ее приспособить. Наконец зашел в баню с пилой и тут вспомнил, что хотел мыться и париться.

Леша уже сидел в телеге и звал ребят, чтобы ехать домой, Рыжий старался разогнуть погнутую раму велосипеда, а дед все приговаривал:

— Лешаки, а? Я сажал подлесок, а они пилить, от туристы... — тут он заметил, что ребята собираются ехать, и закричал: — А кто меня парить будет?

И пошли в баню парить деда.

Как ни странно, но баня не погасла, а так натопилась, что и войти было страшно. Жаром и огнем дышала темная каморка. Внесли лампу, и та замигала, и тут дед плеснул на камни воды, и вовсе задохлись Витя и Рыжий, выскочили в предбанник, а дед, наоборот, полез на полку, лег там, поддал еще пару и стал звать:

— Эй, кто там парить меня будет?

Снова ребята вошли в баню и скорчились на полу — сверху и дохнуть было страшно. А дед лежал себе спокойно и нахлестывался веничком да подливал воды на камни.

Кое-как отдышались ребята и подобрались к деду. Чуть-чуть по разу ударили его веничками, снова на пол присели — жар, духота, а дед только крикает да причитает:

— Ой, некому попарить меня как следует, некому и ухлестнуть как надо. А ну давай бей что силы есть!

Снова парили деда и садились на пол отдышаться.

И опять дед причитал:

— Что, ударить не можете сильнее?

Тогда Рыжий размахнулся и стал бить деда что было сил. Витя испугался:

— Что ты, больно ему!

— Ой, хорошо! — сказал дед. — Бей крепче!

Парился он, парился, мылился, мылился, а потом стал и ребят хлестать веником, приговаривать:

— Покушай березовой каши, а ну еще ложечку!

Ребята визжали, а чувствовали, что к жару привыкли.

И тут дед велел им мылиться как следует, сам намылился и вдруг открыл дверь, побежал к воде, к озеру и плюхнулся в воду. Зарычал даже от удовольствия.

За ним побежали и Витя, и Рыжий. Лешка колебался, но и он не удержался и тоже побежал.

Ну и ощущение было! Как будто огонь со льдом обрушился на голову, будто закрутила пурга и ошпарил костер. Из воды они шли снова в баню, а из бани в воду.

Мылся дед долго, а после еще и Лена мылась, стемнело совсем, пока разводили огонь, пили чай, потом повалились в телегу и поехали в деревню, домой.

Туман уже полз над лесом, холодом и темнотой дышал лес, но ребятам было уже все нипочем — они бы так жили в лесу у деда всю жизнь, они уже закалились.

Возвращение

Как они ехали по лесу, как добрались и поставили телегу — им было трудно припомнить, до того они были усталые и сонные. Но они знали, что все сошло благополучно — никто не остановил их, никто не узнал даже, что они ездили, и только когда все кончилось так благополучно, тогда они поняли, что это был счастливый день, прекрасный день, который случается внезапно и так же исчезает. Он длился долго, но кончился, и осталось в памяти только то, что было очень хорошо.

Витя совсем забыл, что его кусали комары, что он вяз в болоте, заблудился, устал, — все забыл и помнил только, что в лесу было так свежо, так пахло прелью и ягодами, и перед его глазами, когда он засыпал, все мелькали ягоды, ягоды, стволы деревьев; на миг он увидел ондатру, которая превратилась в оленя, — он не знал, что уже спит и видит сон, и сон стал продолжением леса.

Во сне он говорил Лене: «Ты знаешь «Золушку», сказку? И еще фильм есть — «Золушка», старый фильм, я видел...» И будто Лена отвечала, что знает этот фильм. Тогда Витя сказал: «Помнишь, принц ей говорит, что она, что она... ему нравится, и я тебе хочу сказать...» Но он никак не мог сказать Лене даже во сне, что она ему нравится. Потом будто бы появился Рыжий на велосипеде и проехал между ними, и осталась полоса в лесу от Рыжего, как от пожара. И Витя думал во сне, что Рыжий и есть пожар. Как он раньше не догадался? Где Рыжий, там и пожар, а где Лена, там ягоды, вода чистая, ветерок и запах леса. И он опять увидел во сне лес и Лену. Она не была видна, но она всюду была, все кругом была она...

И даже солнце, которое било в глаза, тоже было Леной, и тут Витя проснулся, потому что солнце и в самом деле било в глаза. Было уже совсем светло и жарко, и он выпался, только прекрасный сон ему было жаль, так жаль, что он попытался заснуть и снова его увидеть. Но он больше не заснул, потому что увидел, как кто-то ставит на окно корзинку с ягодами, и подумал: вдруг Лена? Но это была не Лена, а бабушка, которая уже набрала ягод в лесу — так долго Витя спал. Он взял пригоршню ягод и съел их, дохнул полной грудью и улыбнулся, потому что услышал, как Лена поет песенку про зайца, которого зимой корми-

ли, — как она светло и ясно поет ее! — и убежал на крыльцо.

Он увидел, что Лена идет к озеру, размахивает на ходу косынкой. Увидела его, помахала косынкой и пошла мыть посуду. Витя хотел побежать сразу, следом, но почему-то улыбнулся и сел на крылечке, на солнышке.

Никого кругом не было, он был один в доме, только он и солнце, и песенка Лены вдали, и плеск воды.

— Лена, ты мне нравишься! — сказал он наконец и оглянулся — никого кругом? А вдруг Рыжий сейчас где-то уж близко? Но Рыжего не было. Он еще спал мертвым сном человека, который очень устал и очень расстроен тем, что погнулась рама у велосипеда.

— Лена, — тихо продолжал Витя, — ты мне очень нравишься, мне все здесь нравится, только я этого не скажу тебе теперь, и на будущий год не скажу. Нет, не скажу...

Он увидел бабушку, которая несла молоко, махнул через крыльцо и удра! на речку, на крышу бани: Лена была там, и он не стал за ней наблюдать, прыгнул сразу на мостки, и она не испугалась, потому что слышала, как он карабкается, а может быть, ждала, что он придет, и он явился, а она уже вымыла всю посуду.

Витя с размаху прыгнул в воду, обрызгал Лену с ног до головы, а она стала обрызгивать его, потом оба сели на мостках и сидели так, пока согревались, а когда согрелись и голод поднял на ноги и понес домой, тогда, уже убегая, он крикнул Лене:

— Ты знаешь «Золушку»?

— Ну, знаю, а что?

— Мне она очень нравится, а тебе?

— Сказка?

— И сказка, и фильм, и вообще...

Лена промолчала. Она долго смотрела на него, потом засмеялась, а Витя прибежал домой и спросил у бабушки:

— У нас есть вол?

— Какой вол?

— Жареный.

— Нет, а что?

— Я бы съел сейчас вола! — и он съел три яйца, весь хлеб, всю малину, выпил все молоко и сказал:

— Голодно! —

И убежал.

ПАМЯТНИК СЛАВЫ

Василий Фетисов

На поляне, от лагеря близко,
где багульник все лето цветет,
на дорогу глядят с обелиска
пехотинец, матрос и пилот.

Отпечаток счастливого детства
сохранился на лицах солдат,
но уже никуда им не деться
от военной суровости дат.

«Вот в таком же зеленом июне, —
нам сказал пожилой старшина, —
забрала их, веселых и юных,
и домой не вернула война.

На рассвете, прижав автоматы,
шли солдаты на штурм высоты...»

Нестареющим нашим вожатым
мы к ногам положили цветы

САМЫЕ ТРУДНЫЕ ГРАММЫ

Я прилетела в Магадан по путевке ЦК ВЛКСМ.

Это было в конце сентября, и казалось, я сразу попала высоко в горы. Темная предвзвешенная река. Длинный галечный пляж. Ровным желтым светом светятся лиственницы в долине. Над ними, словно заоблачные вершины, ослепительно горят снежные сопки. А рядом мирно пыхтит бульдозер, расчищая для бригады старателей новый полигон.

Зима в этом суровом краю вечной мерзлоты — с октября по май. Пурга. Снег — лиственницам по пояс. Морозы 50—60 градусов. Но и лето настоящее, жаркое. Ребята загорают, даже купаются в ледяных горных речках. Только оно очень короткое, это колымское лето. Поэтому на летние каникулы многих ребят отправляют отдыхать на Украину, в Крым, на Кавказ, в Сибирь, словом, — на «материк», как здесь говорят. Ведь железной дороги нет в Магаданской области.

И все же на Колыме, этом затерянном во льдах континенте, многие школьники остаются на лето. И работают.

В обкоме комсомола мне рассказали о школь-

никах, которые намывают золото «малыми формами»: так называют здесь добычу золота вручную.

В поселке Бурхала я познакомилась с двумя такими старателями — восьмиклассниками Володи Шабельниковым и Сережей Мазуриным.

— Сейчас мы вам все покажем...

Я было подумала, что нам придется ехать автобусом на далекий прииск, петлять между сопки на «попутке» и что доберемся мы туда лишь поздно вечером. Но мы остановились в десяти минутах ходьбы от школы. Ребята достали лопату, скребок, кайло, набрали земли в деревянный лоток, налили в него немного воды и покачали его, чтоб золото село на дно, потом скинули сверху камешки. Еще раз поработали лотком. И еще. И опять буторили и скидывали грунт, добавляя в лоток воду из лужи. Я стояла рядом и с замиранием сердца ждала, что же будет дальше. А дальше... ничего не было. Последняя операция — промывка золотоносного песка кончилась.

По-моему, ничего похожего на песок там и в помине не было. Только липкие, мокрые комья земли.

Неудача огорчила и мальчиков. Володя смущенно молчал, держа в руках лоток. Сережа деловито осматривал грунт. Я начала бесцельно ворошить землю в отвале.

— А ну-ка попробуйте вот здесь. — К нам подошел горный мастер Михаил Федорович, отец Володи. И указал место в двух метрах от нашего первого опыта. Ребята начали все сначала. Буторят и сбрасывают. Сбрасывают и буторят, и — о чудо! — в канавке на дне лотка поблескивают крупинки золота.

Невдалеке на промывочном приборе, где работает старший Шабельников, тоже идет очередной съем золота. Только что выключили воду, и женщина-съемщица ловко сбивает камни с резиновых ковриков. Затем в обыкновенный железный совок собирает золото. Кусочки довольно-таки помятые и неказистые на вид. Чуть дальше внизу, за крутым поворотом трассы, огромная, как мамонт, драга вгрызается в каменистый речной грунт. Рабочий день на приiske в полном разгаре.

— А как вы «добычу» делили? — спрашиваю я.

«Добычу»? — ребята смеются. — Ясно, поровну. Только мы ничего не делили. Все сдали в кассу своего прииска.

Жизнь ребят связана с прииском. Саша и Володя здесь родились. Их родители больше двадцати лет работают в Бурхале. А Сережа Мазурин хоть

и приехал из Ульяновска, но ни за что на «материк» не вернулся бы.

— В Бурхале лучше, — уверяет он, — столько ягод, грибов. Такая охота!

Почти все ребята здесь охотники и часто охотятся вместе. Намыв золота, по их словам, та же охота. Иной раз соревнуются, кто счастливее.

— Тот, кто больше золота намоет?

— Нет, кто самый крупный самородок найдет. Это все равно что добыть десяток уток или одного гуся. Эффект тот же, но охотнику дороже гусь. Он ведь и на сто метров к себе не подпустит, — смеется Саша.

При слове «золотоискатель» обычно представляешь эдакого мрачного заросшего верзилу из рассказов Джека Лондона. У ребят из Бурхалы с этим типом нет ничего общего. Золото для них — не богатство.

— Для прииска очень важно, — объясняют они, — снять все золото, ничего в земле не оставить. Золото обычно встречается на скале. И если увидишь резкий спад в скале — кармашек, тут-то и надо искать.

— Летом мы здорово поработали, — говорит Володя. — Сначала уставали, спину ломило с непривычки. Зато самые трудные граммы золота взяли, которые не взяла никакой техникой.

Т. Филиновская,
Магадан

Оформление
А. Януса

Из почты

Два года назад совхоз построил для нас школу. Мы бережем совхозный подарок. Летом ремонтируем парты, красим стены, работаем в саду. Наш любимый маршрут «Пионерстрой».

Лена Грабова, Крымская область, село Воинка

Нам удалось завязать переписку с Польшей. А «Книга — почтой» прислала нам по нашему заказу «Учебник польского языка».

Теперь мы учим польский язык. Для наших польских друзей мы готовим альбом, посвященный советскому Приморью...

Саша Хоботня, г. Владивосток

Деревня наша называется Лебзуново. Деревня небольшая. Стоит она на берегу реки Медведицы. Летом мы всегда помногу купаемся, любим загорать на песчаных берегах Медведицы.

Места здесь очень красивые, лесные. Кругом — лес.

Света Гусева, Кимрский район Калининской области

ХОЗЯЕВА БЕЛЫХ ЛИС

Известно ли вам, что человек пытается приручать песцов всего лишь несколько десятков лет, и, наверное, поэтому песец все еще дик, пуглив и недоверчив?

Известно ли вам, что во время своего последнего путешествия по Сибири Робинзон Крузо, — да, да, тот самый, знаменитый Робинзон Крузо, — обменивал у русских купцов на гвоздику и мускатный орех, привезенные им из теплых стран, соболей, горностаев, чернобурых и белых лис (то есть песцов)?

Известно ли вам, что некоторые песцовые городки — холмы, изрытые норами, где живут поколения и поколения песцов, — насчитывают тысячи лет своего существования? То есть старше самых старых городов Европы?

Известно ли вам, что самки песцов заботливо воспитывают сирот-приемышей? Известно ли вам, что песцы — хорошие путешественники и что одного песца с Таймыра поймали далеко на Аляске?

Известно ли... Впрочем, достаточно.

Если случится вам побывать на Кольском полуострове, в Мурманске или Коле, то непременно заверните в одну

школу — от Мурманска это час езды, а от Колы и того меньше. Стоит эта школа среди невысоких берез и называется «Зверосовхозная средняя образовательная политехническая».

Конечно, летом в школе занятий нет, но школьная звероферма, где ребята разводят песцов, работает. И когда вы познакомитесь с ребятами поближе, вам про песцов станет известно еще много-много интересного...

Вера Долгова расскажет вам, как однажды маленькие песцы — недопески — убежали из клеток, проползли через поилки, и как их все-таки нашли и вернули на место, в домики, иначе бы недопески пропали: сожрали бы их крысы или кошки.

Или о том, как трусливы песцы и как надо беречь их нервы. И если на территорию фермы проберется кошка или собака — песцы могут умереть от разрыва сердца.

Бригадир Лариса Власова расскажет, как однажды ма-

КОСТИ ТЕРКИНА

Приезжай к нам, КОСтя ТЕРкин! И зимой, и осенью, и летом, и весной — у нас всегда красиво.

Куда ни глянешь, — везде тайга, горы. Не зря нашу Горную Шорию называют второй Швейцарией.

Я очень люблю свой край...

Вера Коржева, Таштагол

Мои самые близкие подруги — Галя и Таня. Мы скоро будем экскурсоводами в нашем школьном краеведческом музее. Пока мы только учимся. Учит нас старый школьный экскурсовод десятиклассница Оля Ичетовкина. Она кончит школу, и мы станем ее заместителями.

Мы очень хотим быть полезными и нужными людям.

Катя Колесникова, Удмуртская АССР, село Кулига

Летом ребята нашего класса собирают лекарственные травы — ромашку, «пастушью сумку». Собирали, сушили и сдавали шиповник. А тех, кто не сдал ни килограмма, стыдили и старались убедить, что они поступают не по-пионерски.

Люба Бабина, село Пелагиада Ставропольского края

ленькие песцы заболели и как ребята их спасали. С малых лет ребята приглядывают к тому, как это зверьков выращивают, чем кормят, как лечат. Ведь родители этих ребят работают в зверосовхозе. И вот когда недопески заболели, ребята все перебрали — в чем причина? И решили, что нужны витамины. Раздобыли витамины, зверьки выздоровели...

А Света Петрова расскажет вам, что совсем неправда, будто песцы неприручаемы, как это пишут во всех толстых, научных книгах. Песца можно приручить, и даже выдрессировать можно. Только нужно от первых дней его жизни приучать его к своим рукам, голосу, запаху. И тогда прирученного песца и на плечо можно посадить, и будет он за тобой бегать, как собачонка (и даже не сбежит в тундру, если представится случай).

А удастся вам встретить Наташу Сторожеву, от нее вы узнаете, что совсем белых песцов зовут «норвежками», черноватых — «кольскими», а голубых просто «голубыми»... И что подзывать песцов нужно так: ку-ку-ку-ку... И что в общем-то нелегкое дело растить песцов, потому что кормить зверьков, и приглядывать за ними, и клетки убирать приходится и в самые сильные морозы. И чем сильнее мороз, тем лучше: красивее, пушистее будет мех у песцов... И что на празднике юных звероводов «Золотая осень» Наташу наградили фотоаппаратом... И что школьная звероферма — это подарок школьных шефов — зверосовхоза. И еще что когда она, Наташа, вырастет, то станет зоотехником и придет работать в зверосовхоз, где сейчас работает ее мама.

И если уж вы побываете в этой школе, загляните в скучные бухгалтерские книги. Из них вы сможете узнать, между прочим, что доход школы от выращенных ребятами песцов за последние три года исчисляется в рублях пятизначной цифрой. А расходуются эти деньги на поездки в другие города Советского Союза и на многое другое, что нужно ребятам. И тогда школьный телевизор ценой в пятьсот рублей вас уже не удивит...

А если случай побывать на Кольском полуострове вам не представится, не горюйте: скоро школьная звероферма приедет в Москву, на выставку достижений народного хозяйства. А уж в Москве каждый из вас обязательно побывает, и тогда можно будет познакомиться и с этими ребятами, и с их питомцами — белыми лисами Заполярья...

О. Петрович,
Мурманск

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О САПЕРЕ

...Итак, среди воинов, освобождавших Пушкинские Горы, был командир саперной роты старший лейтенант Григорий Игнатьевич Старчеус.

Пушкинские места! Сколько раз читал он о них в детстве:

*У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...*

Теперь Лукоморье было оковано черными железными цепями... Настало время их разорвать и разбить.

„МЛАДАЯ БУДЕТ ЖИЗНЬ ИГРАТЬ!“

Войскам 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов удалось 12 июля 1944 года освободить Михайловское и Пушкинские Горы почти без потерь.

Еще дымились стены Пушкинской усадьбы.

Домов не было, только темные печные трубы, словно руки с обрубленными пальцами, вздымались к небу.

Возле траурно-черных обожженных елей вилась колючая проволока. Саперы проверяли миноискателями проходы.

Уже в первые минуты после возвращения было обнаружено множество мин. А сколько их еще здесь таится?

Под обрушенными на землю стволами тянулись в разные стороны цветные шнуры.

Бойцы, которыми командовал старший лейтенант Старчеус, в числе первых вошли во двор Святогорского монастыря.

Святые — ныне Пушкинские — Горы возводились когда-то среди холмов, несших название Синичьих гор, отрогов Валдайской возвышенности. Знать, и впрямь здесь на кленах и стройных березах вили себе гнезда прилетевшие из-за моря синицы.

Четыре века раздавался над холмами звонкий голос колокола. Теперь этот колокол, разбитый взрывом, лежал на земле. Не было и колокольни.

Саперы вошли через Анастасьевские (восточные) ворота в монастырский двор.

Из окон алтаря высовывались дула вражеских пулеметов и противотанковых ружей.

На земле, усыпанной раздробленным кирпичом, обломками ржавого металла, листами, выдранными из

Окончание. Начало смотри в «Костре» № 5.

ЗДРАВСТВУЙ, ПУШКИН!

Рисунки А. Аземши и А. Харшака

ГРИГОРИИ СТАРЧЕУСЕ И О КРАСНЫХ СЛЕДОПЫТАХ ПСКОВА, КОТОРЫЕ ПРОШЛИ ЕГО ПУТЕМ

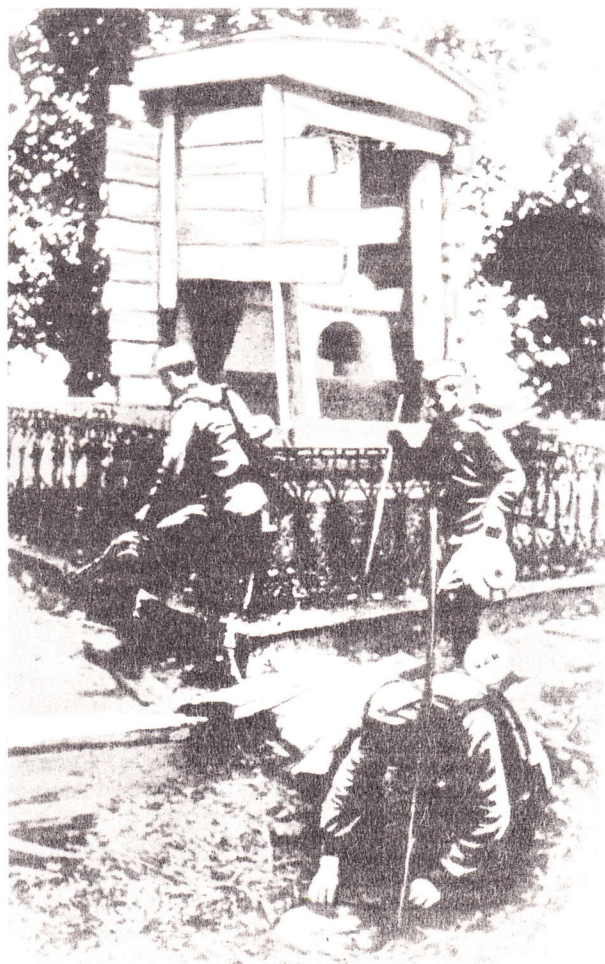

/старинных рукописных церковных книг, лежали два неподвижных тела. Одно — маленькое, мальчишески легкое, другое — покрытое офицерской шинелью.

— Не убереглись!

Стоявшие рядом бойцы рассказали: майор-врач и мальчишка из местных. Только вступили на нижние ступени — и подорвались.

Старчеус приказал, чтобы все покинули двор. Поставил у калитки в стене часового.

Саперы разминируют могилу А. С. Пушкина

Это тогда, наверное, и были изготовлены дощечки с надписями, одна из которых сегодня всем известна.

По обеим сторонам лестницы, по склону буйно поросшего дикой травой холма начали свою привычную опасную работу саперы.

Они осторожно прокладывали проход к Пушкинской могиле.

Мины нажимного действия, противотанковые, противопехотные таились повсюду: черные и темно-зеленые металлические тарелки со спрятанной в них смертью.

Достаточно неосторожного шага, чтобы тротил, заложженный в корпус мины, взорвался.

Солдатские ладони, сжимавшие штанги миноискателей, становились влажными.

Бойцы внимательно следили за тем, какого цвета трава на склоне. Если она порыжела, пожухла, здесь наверняка можно ждать опасной находки: мины под пожелтевшей травой закопаны недавно. Вызывала опасения и темно-зеленая, высокая трава. Под ней могли быть старые мины. Азот, выделяющийся из взрывчатки, — неплохое удобрение...

Искалеченные старые липы, поднимавшиеся над верхней площадкой, тихо шелестели ветвями. Если бы сапер на миг взглянул на небо, он увидел бы огромную тучу, приближавшуюся к Пушкинским Горам. Внезапно она закрыла солнце.

Гром раскатился гаубичным раскатом.

Первые капли крупного июльского дождя освежили неистово работающих солдат.

Но вот перед саперами возникло странное сооружение из грубо-сколоченных досок.

Старчеус приказал: «Не подходить!»

Опыт бывалого воина подсказывал ему: если враги так беспощадно заминировали подступы к могиле Пушкина, главная опасность еще впереди.

Шорохи в наушниках усилились!

Это мог быть и ложный сигнал; ведь замаскированный памятник окружен металлической решеткой.

Небольшая площадка, протяженностью в двадцать пять метров в длину и десять в ширину, была предельно захламлена. Обломки церковной утвари, немецкие боеприпасы, куски сорванного с крыши железа...

Дождь хлестал по лицам солдат, мокрые гимнастерки облепляли тело. Бойцы осторожно стали отделять доски.

Мраморная балюстрада вокруг памятника была изречена осколками снарядов, пулями.

Да и сам памятник от взрывов и фашистской бомбежки, как писалось потом в «Сообщении Чрезвычайной Комиссии», «отклонился в восточную сторону на 10—12 градусов вследствие оползания холма».

И сразу же под досками саперы стали находить мины.

Противотанковые и противопехотные, они были изготовлены для тех, кто первым попытается освободить из заточения памятник.

Радужные капли стекали по листьям.

Печальная урна и цоколь из черного мрамора были омыты дождевыми струями.

И в этот миг над холмом многоцветным коромыслом заколебалась радуга. Один ее край склонился над Михайловским, другой уходил куда-то к Пскову.

Четко вырисовывались золотые буквы на камне:

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН**

Обнажив головы, советские солдаты и офицеры воздавали почеть своему поэту.

В архивах псковских следопытов и Пушкинского заповедника хранятся письма бывших участников освобождения Михайловского.

Из воспоминаний ветерана 12-й инженерно-саперной бригады Федора Николаевича Минева:

«Наша бригада получила задачу во время наступления навести переправы через реки Сороть и Великую в районе Пушкинских Гор, а затем разминировать пути движения наступающих войск на территории Пушкинского заповедника и всего нынешнего Пушкиногорского района.

Задачу мы, конечно, выполнили, но потеряли при этом ряд товарищей, подорвавшихся на минах.

Взвод лейтенанта Владимира Кононова (он погиб там же от взрыва мины) проводил разминирование в Пушкинских Горах и в Святогорском монастыре. В это же время взвод лейтенанта Михаила Зубарева продолжал разминирование Успенского собора».

Бывший командир саперной роты этой бригады Казаков вспоминает:

«Раскрыв тяжелые кованые двери, мы вошли в храм. Я обратил внимание на его непомерно массивные стены.

Саперы стали осторожно разбирать кирпичную кладку. Нам показалось, что она недавно уложена. И точно. В стене был обнаружен заряд тола весом в 250 килограммов. Там же находился часовой механизм.

Так был предотвращен взрыв собора.

Одному из саперов показала странная высота порогов

Здравствуй, Пушкин!

(Кадр из фронтовой кинохроники)

дверных проемов. Неужели и там что-то таится?

Когда мы приподняли половицу, то обомлели: там была спрятана противотанковая мина!

Под другим порогом мы обнаружили то же самое.

А ведь здесь уже прошло много людей. Мины могли работать в любую секунду.

Но и эта опасность была предотвращена!»

Рассказывает гвардии майор инженерных войск, а в послевоенные годы архитектор, ученый секретарь Градостроительного совета Москвы Г. С. Дукельский:

«Преследуя отходящих фашистов, наши войска двигались к реке Великой. Шла и 9-я штурмовая инженерно-саперная бригада, где я служил. Путь лежал мимо Святогорского монастыря, по узкой дороге, подпирающей высокую стену... Справа, пересекая широкую низину, тянулось минное поле, уложенное немцами. Устройство этих мин нам не было известно. С нами был батальон саперов с собаками, приученными к поиску мин. Вы, наверное, слышали о таких замечательных собаках, которые находят закопанные мины или взрывчатку по запаху?

Одна из собак неожиданно села посреди дороги. За ней другая... Саперы повели поиск. На откосе против собора мы заметили дерн, отличавшийся по цвету от остальной травы.

Место было нами оцеплено, движение войск и населения вдоль дороги приостановлено...»

Бывший однополчанин Дукельского, Мирхатим Харисов, продолжает:

«Продвигались, проверяя каждый метр земли.

Когда находили мины, прежде всего мы убирали капсули-взрыватели. Команды саперов, следовавших за нами, подбирали эти мины и уничтожали.

Но были на нашем пути и такие, только что введенные врагом, мины, которые нельзя разряжать.

У этих мин имелись дополнительные взрыватели, донные и боковые. Такие сверхчувствительные мины мы извлекали издалека специальной саперной «кошкой».

Мне кажется, что саперы Старчеуса находились в первом эшелоне, а мы, я хорошо помню, шли во втором».

Путь Старчеуса и его боевых товарищей лежал дальше, на запад...

Вот отрывки из писем Григория Старчеуса, переданных красным следопытам его женой:

«6.08.44 года.

Сейчас я нахожусь на очень серьезном участке. Поэтому день и ночь наполнены работой и беготней с места на место, чтобы узнавать, решать и проводить в жизнь. Очень много всяких неожиданностей. Сообщаю тебе о гибели моего лучшего друга Вани Голубева, рождения 1922 года, Калининской области.

Твой Гриша. Митава. Латвия».

«10.10.44 г.

...Успехов особых не имею, а потери есть.

...У меня с груди сшибло осколком медаль «За отвагу», но ранения не получил. Противник на нашем участке еще и до сего времени стремится активничать, хотя из этого ничего у него не получается... Ну, а в случае чего, так ведь ты жена воина и должна быть готова ко всему. Если не смогу написать, напишут мои товарищи».

**Рассказывает
Иван Григорьевич Шелудько**

С нетерпением ждали псковские пионеры приезда ветерана Великой Отечественной войны Ивана Григорьевича Шелудько.

Немболодой, больной человек приехал к школьникам Пскова для того, чтобы выполнить свой священный воинский долг.

Все вместе они выехали в Латвию — в Лиепая, а оттуда еще дальше — в Руцаву.

Шелудько не был в Руцаве сорок четвертого года.

Сумеет ли он безошибочно найти, что нужно? Не ошибется ли?

Шелудько шел по компасу памяти.

За ним следовали красные следопыты Пскова со своей руководительницей Раисой Михайловной Орловой, ребята-латыши, директор руцавской школы Гедемин Александрович Салминьш, директор Музея боевой славы Лиепай Попова, — все, кому этот поиск был особенно важен.

Церковный двор, заросший высокой травой, осеняли старые тенистые дубы и липы. Лю-

ди остановились за оградой. А Шелудько вступил на зеленый квадрат двора. Он двигался уверенно, словно в его руках по-прежнему был чуткий миноискатель. Невдалеке от края двора он остановился.

— Здесь.

Из письма, которое Иван Григорьевич Шелудько написал в 1972 году семье сына своего командира:

«Здравствуйте, Юра, Лена и Оленька!

Хочу вам сообщить, что я знал вашего отца Старчеуса Григория Игнатьевича. По призыве в армию мы, младшие командиры, райвоенкоматом Тельмановского района были посланы в распоряжение Макеевского райвоенкомата. Мы строили укрепления вокруг Харькова.

Григорий Игнатьевич был тогда помполитом (помощником политрука) в нашей роте. Я был его близким товарищем, любил с ним разговаривать и

слушать его, а говорил он прекрасно...

Тринадцатого октября 1944 года мы прибыли в латышский поселок Руцаву.

Старший лейтенант Старчеус с вечера приказал нашему взводу начать разминирование. Я замечал командира взвода, он был болен.

Нашему взводу было дано задание разминировать за небольшой речкой бывший немецкий штаб.

На западной окраине Руцавы стоял двухэтажный дом, там размещался штаб, и я пошел со своим взводом его разминировать.

Когда подорвались два наших сапера, я вызвал командира и все ему подробно рассказывал.

Он сказал: «Давайте миноискатель», и направился туда один.

Я хотел подойти к командиру, но он мне это запретил.

Я находился от него на расстоянии десяти метров, когда произошел взрыв.

Юрий Григорьевич, я не могу тебе все это описать, приезжай, я все подробно расскажу.

У меня четыре сына, дочь. Приезжай, Юра, ты будешь у нас самым желанным гостем».

— Он приказал всем отойти вон к тому мостику, — Шелудько обернулся.

Ветер шевелил занавеску в открытом окне такого теперь мирного домика. Белые и оранжевые бабочки взлетали над травой.

— Мы стояли у мостика вместе с секретарем партийного бюро роты капитаном Стрелковым, когда разорвалась третья мина. Вот тут Старчеус упал...

Рядом по дороге протарахтел грузовик с бидонами. И опять стало тихо. Но в этой тишине словно бы звучали раскаты давно отгрохотавшего грома.

Потом приехавшие направились к руцавскому кладбищу, где в несколько рядов на военной площадке высились одина-

Траурный митинг на Руцавском кладбище. Псковские и латышские пионеры — в общем строю.

ковые мраморные квадраты с именами.

Их было очень много. Ведь до самого освобождения Лиепай тут шли тяжелые бои.

Девочка-латышка читала стихи на родном языке. Они звучали страстно и печально, словно прощальная песня.

А потом школьница из Пскова произнесла пушкинские строки:

... Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я

Увижу твой могучий поздний возраст,

Когда перерастешь моих знакомцев

И старую главу их заслонишь

От глаз прохожего. Но пусть мой внук

Услышит ваш приветный шум, когда,

С приятельской беседы возвращаясь,

Веселых и приятных мыслей полн,

Пройдет он мимо вас во мраке ночи

И обо мне вспомнит...

СТАРЫЙ ЗОНТИК

А. Крестинский

— Опять этот дырявый зонтик! — восклицает папа, проходя мимо.

— Да выкиньте вы его, — лениво советует старший брат.

— Зонтик у них дырявый!.. Что за дом, что за дом! — ворчит бабушка.

Мама второпях путает дырявый зонтик с недырявым, возвращается мокрая и брезгливо бросает его в угол.

Наконец, дырявый зонтик закидывают на чердак.

Туда попадают все негодные, траченные моллю, испорченные, не нужные взрослым вещи. Там они покрываются пылью, обрастают паутиной, среди них вольно летают мухи и бабочки, а по ночам шмыгает юркий выводок мышей.

Эти старые ломаные вещи — колченогий стул, позеленевшая дверная ручка, ржавая велосипедная рама, прогоревший чайник, ломаный приемник и наш знакомый — дырявый зонтик, прислонясь друг к другу, мирно коротают летнюю жару и зимнюю стужу, дожидаясь своей второй жизни. У всех у них равные права на эту новую жизнь, надо только набраться терпения и ждать, ждать...

И вот этот день настает. Скрипят ступеньки, слышатся торопливые шаги, шумное дыхание, и на чердаке появляется Миша. Блестящими жадными глазами он окидывает свалку. Старые вещи скромно молчат — ни одна не вылезает вперед, так не принято.

Миша медленно подходит к ним, наклоняется и поднимает дверную ручку. Он обтирает ее рукавом, радуется внезапному блеску, держит в вытянутой руке, прищуривает один глаз, целится...

Треснувшее медное сердце дверной ручки бешено колотится. Новая жизнь началась.

Тем временем Миша раскрывает над собой старый зонтик, громко чихает от пыли, садится на корточки и смотрит вверх. Над ним черным куполом нависает ночное небо. Небо усеяно звездами и планетами. Дырочки поменьше — звезды. Побольше — планеты.

Миша медленно вращает палку, и звездное небо кружится, кружится, звезды мигают, и в следующую минуту одна из них, сорвавшись с неба, косо летит к земле, оставляя за собой стремительный золотой шлейф...

Дырявый зонтик замирает от счастья.

Подумать только — какая судьба!

Он и мечтать не смел.

НАШИ ВОЛЖСКИЕ ДРУЗЬЯ

СТИХИ ПРОДОЛЖАЮТ БОЙ

Посвящается Мусе Джалилю

Закатной полосой
Легли стихи в тетрадь.
В них огненному сердцу
Гореть и не сгорать.

Ни волчий вой, ни вспышки
Далекие зарниц

Не шелохнут поэта
Обугленных ресниц.

Но он бессмертным вышел
Из битвы огневой:
Живут стихи на свете
И продолжают бой!

Хабира Шагеева,

Татарская АССР, Биклянская средняя школа

ПЛОТНИК

У него в руках топор
Молнией играет.
Брызжет желтая щепа.
Мастер дело знает.

Скоро скрипнут на ветру
Новые ворота.
Вытрет дяденька лицо,
Мокрое от пота.

Уважают стар и млад
Мастера такого.
Уваженье к ремеслу —
Мастерства основа.

Я пойду в ученики
К плотнику, чтоб дядя
Научил меня с плеча
Плотничать не глядя.

Роберт Хамдиев,

Чувашская АССР, Озын-Куакская средняя школа

Рисунок
Т. Соловьевой

ЗАБЫЛО

Солнце глянуло в окно
Нынче рано-рано,
Принялось меня будить,
Подымать с дивана.

Говорит: «А ну, вставай!»
Позабыло, что ли,
Что сегодня выходной —
Нет занятий в школе!

*Люся Валиева,
Башкирская АССР,
Ямадинская средняя школа*

С УЛИЦЫ ПРИШЕЛ БРАТИШКА

С улицы пришел братишка —
Самоваром щеки;
Из-под челки угольками —
Не глаза, а щелки.

Кажет пальцем на окошко,
Грозно корчит рожу, —
Мол, дохну сейчас и кошку
Мигом обморожу.

*Азамат Сагитдинов,
Татарская АССР,
Верхне-Стерлинская школа*

Передел Олег Охалкин

МОЯ ОШИБКА

Я, убегая в школу,
Увидела скворца.
Насвистывал он хмуро
У самого крыльца

— О чем грустишь? —
спросила.

А скворушка в ответ:
— Сама живешь ты в доме,
А мне скворечни нет!

*Назия Гильфанова,
Старо-Ибрайкинская школа*

В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ, ВДАЛИ ОТ РОДИТЕЛЕЙ

Летом 1924 года шестнадцатилетний Виктор приехал учиться в Ленинград.

Сохранились его письма домой, в Ереван, к отцу:

«...Мне необходимо знать все три языка (немецкий, французский, английский). В противном случае вместо науки придется заниматься кустарничеством».

«...Меня очень интересует космогония. В этой науке много неразрешенных проблем. Неразрешенных вследствие слабости математического анализа. Необходимо подняться до самых вершин математических знаний, чтобы приняться за разработку этих проблем. Поэтому я так нагружаюсь математикой. С 1 октября я решил по высшей математике свыше 100 задач, но, по-моему, этого очень мало».

Обстоятельства ставят человека перед выбором. Только от него самого зависит, каким путем идти... В новом, удивительно интересном городе. В веселой студенческой среде. Вдали от родительского глаза. Чем занят этот шестнадцатилетний парень?

Слушает лучших лекторов не только в своем Педагогическом, но и в Технологическом институте, и в Университете. Записался в кружок любителей астрономии (их тогда называли мироведами) и часами обрабатывает данные, полученные наблюдателями, о метеоритах и солнечных пятнах. Ходит на занятия к знатоку Марса профессору Тихову.

Университет, Технологический институт, Публичная библиотека, институт Лесгафта, где работал Тихов, — все эти учреждения разбросаны в большом городе далеко друг от друга. Это сейчас не проблема — добраться на метро или автобусе за десять остановок. А тогда, в 1924 году, редко и медленно ходил трамвай. И стоил он дорого: в два конца — 28 копеек. Денег было немного. Приходилось выбирать: посылнее поехать или ездить на трамвае. Поехать Виктор всегда любил. И сейчас любит. Поэтому чаще всего бегал пешком. По пять километров. А через Неву зимой добирался зайцем — зимний

ЧЕЛОВЕК И

Есть механика Ньютона, геохимия Вернадского

Виктор Амазасович
Амбарцумян

Действительно, Виктор приехал в Пулковку не с пустыми руками. Уже в следующем, 1925 году вышла из печати его первая научная работа. А спустя еще три года двадцатилетний студент выступил на Всесоюзном астрономическом съезде. И это выступление сразу привлекло внимание ученого мира.

Бывают два типа талантливых ученых.

Одни ученые очень долго подбирают факты, результаты наблюдений и постепенно приходят к какому-то окончательному выводу.

Другие, одаренные ярким воображением, собрав воедино какие-то известные факты, дорисовывают картину явления, высказывают предположение — гипотезу. Вместе с коллегами проверяют эту гипотезу. Иногда она оказывается верной. Иногда нет. Какой из путей правильней?

Студент четвертого курса Виктор Амбарцумян по-настоящему овладел математикой, проделал сложнейшие расчеты и высказал идею, которая для многих астрономов прозвучала, как гром среди ясного неба: она опровергала взгляды «классиков» — английских астрономов Джинса и Эддингтона, — считавшиеся много лет такой же истиной, как то, что Земля круглая.

Виктор был совершенно уверен в своих выводах и готов спорить с кем угодно.

Поразительно?

Но недаром много лет спустя любимый ученик Амбарцумяна член-корреспондент Академии наук СССР Виктор Викторович Соболев скажет о нем:

«Если Амбарцумян делает поступки, которые сейчас мы не можем объяснить, начинает работу, интерес к которой совершенно непонятен, надо ждать. Через несколько лет все прояснится».

Прошло время, и выводы Амбарцумяна не просто подтвердились — они

ветер ему, южанину, особенно досаждал.

Чтобы все успеть, приходилось учиться каждую минуту. От многих развлечений отказываться. Просто поражаешься, как много он успевал читать.

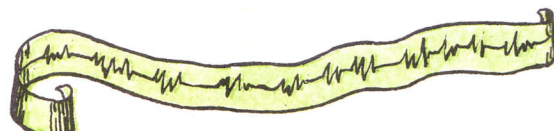
НЕХОЖЕНОЙ ТРОПОЙ

Что правильнее: идти сначала по проторенной дороге, постепенно набираясь сил и опыта, чтобы потом выйти в самостоятельный поиск? Или с самого начала продираться сквозь чащу и исцарапать руки и ноги, но зато скорее выйти на дорогу? Наверно, можно и так, и эдак.

...Отец удивлялся: почему Виктор не едет в знаменитую обсерваторию в Пулковку? За тысячи километров уехал из дому, чтобы попасть в астрономическую столицу мира. А на последних десяти — застрял.

В чем дело?

Оказывается, Виктор не хочет ехать с пустыми руками. «Когда перепису все наблюдения, тогда поеду».

ЕГО НАУКА

физиология Павлова — и есть астрофизика Амбарцумяна

легли в основу новой науки и всей «школы Амбарцумяна», которая впоследствии возникла.

НЕ УРОДЦЫ, А ХРАНИТЕЛИ ТАИН

Свет, излучаемый звездами, может рассказать и о химическом составе звезды, и ее температуре, и о скорости, с которой она приближается к нам или удаляется от нас, и еще о многих других вещах. Сквозь миллионы световых лет (световой год — это приблизительно 10 000 000 000 000 километров) доходит до нас «световой портрет» звезды — надо только уметь его расшифровать. С того времени, когда физики научились расшифровывать спектры звезд, родилась астрофизика.

Постепенно астрономы научились фотографировать спектры. Образовались целые «стеклянные библиотеки» негативов. Теперь уже можно было сравнивать их и, значит, — делать выводы из наблюдений.

Вот тут-то и возникли всякие «как» и «почему»?

Почему звезды на небе разбросаны не поодиночке, а собраны в системы — галактики?

Как произошла Вселенная?
Как она развивается?

Астрономы начали создавать теории, которые объяснили бы то, что люди наблюдали. Самой убедительной считалась теория Джинса.

Против нее и выступил студент Амбарцумян в 1928 году.

Джинс считал, что Вселенная изменяется медленно. Настолько медленно, что мы не в состоянии заметить в ней каких-нибудь изменений. Для нас она как бы застыла в своем развитии. Астрономы говорят: «Вселенная Джинса стационарна». Если на небе и обнаруживались какие-то быстро меняющиеся, нестационарные звезды,

то они считались исключениями — «уродцами».

Амбарцумян же как раз на них и обратил особое внимание.

Он рассуждал так:

«Раз все в мире изменяется, должна развиваться и Вселенная. Значит, надо в ней отыскать все то, что заметно изменяется, и изучать эти объекты. Именно они, «уродцы», помогут ответить на все «как» и «почему».

Это и был принципиальный поворот в развитии астрофизики.

С тех пор Амбарцумян и его ученики проделали множество, казалось бы, разных работ. Но цель их была одна. Сначала доказать, что Вселенная непрерывно и быстро развивается, а потом создать теорию развития Вселенной. Так рождалась теоретическая астрофизика.

Двадцать лет назад теоретически было доказано, что не может быть звезд, масса которых больше чем в сто раз превышает наше Солнце.

Амбарцумян утверждал (об этом говорили его расчеты), что во Вселенной есть тела, у которых масса в сотни тысяч раз превышает массу Солнца.

Поверив ему, астрономы-наблюдатели стали искать такие тела и... нашли.

Считалось, что мы не можем наблюдать рождение галактик: слишком медленно они возникают. Амбарцумян утверждал: они делятся, как амёбы, и мы в состоянии это увидеть. Из недр одной звезды или галактики выбрасывается сверхплотное вещество. Потом оно расширяется, превращается в атомы водорода и других веществ. Получается новая звездная система.

И снова гипотеза Амбарцумяна подтвердилась.

БЮРАКАН, ВЫСОКИЕ ГОРЫ

В 1943 году Амбарцумян переехал в Ереван и вскоре стал президентом Академии наук

Армянской ССР. В то время в Армении не было крупных астрономических обсерваторий. И важнейшим делом в жизни Виктора Амазасповича стало создание большой современной обсерватории.

Он и его сотрудники объездили всю Армению. Были высоко в горах и спускались в предгорье. Наблюдали, измеряли прозрачность воздуха. Богатый научный опыт и, пожалуй, даже поэтическое воображение привели Амбарцумяна в Бюракан — высокогорное урочище неподалеку от Еревана.

Легкие кружевные здания из розового армянского туфа встали на склонах горы. Из окон Бюраканской астрофизической обсерватории — вид на далекие вершины Арарата. Обсерваторию создавал не просто ученый, но и поэт в душе.

Год за годом обсерватория обогащалась лучшими современными приборами и инструментами. Рос, набирался опыта и входил в «большую науку» коллектив бюраканских астрономов-исследователей. Постепенно Бюракан стал одним из мировых центров астрофизики — сюда съезжаются ученые из многих стран мира.

Когда Амбарцумяна спросили, что ему в жизни больше всего помогало в работе, он ответил:

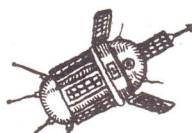
— Споры, соперничество. Это возбуждало задор и вызывало стремление искать новые доказательства.

В Бюраканской обсерватории работает много учеников Амбарцумяна — от ученых с мировым именем, таких как академик Маркарян, до вчерашних студентов. Напряженно работает и сам Амбарцумян. В 1972 году он был удостоен высшей награды Академии наук СССР — Золотой медали Ломоносова.

Корреспонденту одной из газет Виктор Амазаспович озабоченно говорил о том, что «среди тех, кто попадает в науку, не все достаточно осознают, какое это трудное, подчас мучительно трудное дело».

Да, трудное. Но для тех, кто трудностей не боится, это постоянный источник высшей радости.

Н. Неуймина
Оформление Н. Андреева

ОЛЕНЬЯ ПОЛЯНА

РАССКАЗ

Георгий Георгиу
Рисунок П. Швеца

Над лесом синим шатром раскинулось небо. Единственное облачко казалось в нем отверстием. Палил дневной зной. Дорога убегала вниз. Она как бы спешила укрыться в тень зарослей. На дороге толстым слоем лежала пыль, и ноги ступали, словно по перине.

Оглядевшись, Димитруш остановился и вытер рукавом пот со лба. Потом поправил ремни рюкзака на плечах. Еще немного, и он дойдет до пионерлагеря.

Он должен был прийти туда еще вчера. Так бы оно и было, если бы не транзистор. Мастерил его потихоньку ото всех, и Тудорица тоже ничего не знала.

Он хотел удивить ее. Принести и, ничего не говоря, отдать ей этот транзистор. Пусть убедится — он, Димитруш, может...

Он мечтал стать создателем самых замечательных приемников. Как-то рассказал об этом Тудорице, но она рассмеялась:

— Очень хорошо, гениальный радиоконструктор, но сейчас нам пора идти делать заданные уроки.

Он никогда на нее не сердился. На Тудорицу нельзя было сердиться. Про себя думал: «Вот докажу ей, на что я способен».

Но тут-то и поджидали его огорчения.

Первый транзистор звучал неплохо, только был великоват. А меньший долго не получался.

Наконец Димитруш изготовил такой транзистор, какой хотел. Утром он ждал Тудорицу в школьном дворе и, как только она появилась, пошел навстречу. Остановив девочку, раскрыл свой портфель.

— Внимание!

Вытащил пластмассовую коробочку и повернул ручку включения. Тудорица с интересом ждала.

Вот сейчас, думал Димитруш, зазвучит веселая музыка или диктор пожелает доброго утра. Но в транзисторе что-то зашипело, потом раздался писк и все оборвалось. Аппарат предательски замолчал.

Тудорица все еще чего-то ждала. Димитруш принялся так и этак вертеть транзистор, постукивать по его стенкам, но ничего не помогало.

Это был неслыханный позор! Тудорица так громко рассмеялась, что, наверное, все во дворе слышали ее смех.

— Молодец! Вот это конструктор!

А он-то еще хотел подарить транзистор Тудорице. Надеялся, что она возьмет его с собой на каникулы и всякий раз, когда будет включать радио, станет вспоминать Димитруша.

Она убежала, а он в отчаянии хотел швырнуть транзистор о землю, но в эту самую секунду пластмассовый ящичек неожиданно ожил и во дворе зазвучала музыка. Димитруш уже было кинулся за Тудорицей, но гордость остановила его. Зачем она смеялась?

Он выключил приемник и сунул его назад в портфель. «Подожди, — подумал Димитруш, — я еще не такой сделаю — увидишь. Но тебе уже не подарю и называть его «Тудорицей» не стану. Хорошо, что хоть про это она не успела узнать».

В классе она села с ним за парту как ни в чем не бывало. Но он даже не взглянул в ее сторону и слова с ней не сказал целых два урока и перемену. А когда она взяла и пересела за другую парту, он сделал вид, что ему безразлично.

В нем клокотала обида. Если бы он мог, он бы возненавидел ее, и он угрюмо молчал, не отвечая на ее улыбки и кивки и вообще стараясь не глядеть в ее сторону.

Начался июнь. В школе только и было разговоров, кто куда едет на лето. Димитруш собирался в лесной пионерлагерь.

Однажды он услышал, как Тудорица громко сказала:

— А я буду жить все лето у бабушки. У него в лесу получше всякого лагеря.

Димитруш подумал, что она это говорит для него, но он не показал вида. Не все ли, дескать, ему равно, куда она денется!

Так и разъехались на каникулы, не сказав друг другу и словечка. Будто и не сидели весь год рядом за партией и не понимали друг друга с полуслова.

И все-таки, неизвестно почему, заканчивая свой третий по счету и самый удачный транзистор, Димитруш вспоминал Тудорицу — ее быстрые черные глаза и звонкий смех. И было горько, будто он потерял что-то дорогое, незаменимое.

...Он так задумался, что не заметил, как далеко зашел в лес. Деревья укрыли его в тени густых крон. Неба больше не было видно. Солнце узкими золотыми снопами пробивалось через листву и веселыми зайчиками ложилось на дорогу.

Вот он и дошел до тропы, которая вела в лагерь. Здесь лесные заросли сделались еще гуще, громче шептались меж собой деревья, под ногами потрескивали сучья, а испуганные птицы с тревожным щебетом перелетали с ветки на ветку. И вдруг чей-то звонкий голос окликнул Димитруша:

— Стой, кто идет?!

От неожиданности Димитруш замер. Зашуршали листья, и зашевелились кусты. Из-за кустов возник шлем из картона. На Димитруша смотрело загорелое мальчишеское лицо. Незнакомец был вооружен самодельным луком. На бедре висел колчан со стрелами.

— Кто ты такой и что тебе здесь надо, прохожий? — спросил он.

— Я ищу Серебряный лес, храбрый страж, — подыгрывая мальчишке, который был явно младше его, ответил Димитруш. — Там крепость моих братьев по красному галстуку. Ты

не из их ли числа? Скажи, правильно ли я держу путь, и пропусти меня.

Мальчишке, видно, понравилось, что Димитруш подхватил его игру.

— Без пароля нет ходу на нашу землю, — заявил он. — Знаешь пароль?

— Нет, не знаю, но у меня есть особый пропуск. Могу показать.

Он вынул из кармана путевку и предъявил ее стражу в шлеме.

— Димитру Врабие, — прочитал тот и расхохотался. — Значит, ты воробышек? Залетел в лес попорхать? Смотри, как бы не попасться в силки.

— Сам смотри! Не будь ты на посту, я бы тебе такого воробья показал!..

Димитруш вырвал у мальчишки свою путевку и быстро пошел дальше, а тот закричал ему вслед:

— Я Ион Петре!.. После обеда сменюсь! Если не боишься — ищи меня на Оленьей поляне!

«Вот еще придумал! Бояться такой мелюзги!..»

В лагере, устроившись в палатке, он даже не стал и расспрашивать про этого Иона. Другое дело Оленья поляна. Что это за место и бывают ли там в самом деле олени? Но кого про нее ни расспрашивал, все только и говорили:

— О, ее не каждый найдет! Хотя она, эта поляна, будто бы и неподалеку.

Говорили, что там, вдали от людей, встречаются олени и играют друг с другом, забегают и лани. Но увидеть их трудно. Уже многие, кто хотел повидать их, заблудились в лесу. Туда ведет немало тропинок, но пойдешь по ним, а след твой исчезает. Но будто бы есть и такая тропа, которая выведет путника назад. Эта тропа откроется только тому, кто всей душой жаждет увидеть Оленью поляну и не повернет с полпути...

После таких рассказов любопытство Димитруша только разгорелось. Неужели же этот Ион такой смельчак, что решается назначать встречу на Оленьей поляне?!

Нет, его, Димитруша, тоже не напугаешь.

После обеда, когда каждый в лагере мог заниматься, чем хотел, он отправился на поиски таинственной поляны.

Скоро набрел на какую-то тропинку. Тропинка обежала пригорок, потом нырнула в чащу леса и вдруг разделилась на две. Димитруш решил пойти по менее хоженной и углубился в лес. Порой меж стволов мелькал просвет, и думалось, вот она, поляна, совсем рядом, но лес снова густел, а тропинка вилась и вилась, манила вперед и пугала.

Когда Димитруш был готов уже отчаяться, тропинка внезапно оборвалась. Он оказался на краю небольшой зеленой поляны. Тесным хоромом ее обступили молодые дубки. Здесь было тихо. Не гулял ветер, не шуршала листва.

Он вышел на поляну. Никого! Может быть, хитрый Ион сговорился с ребятами, и они посмеялись над ним, новичком. Никакой Оленьей поляны и нет. Ладно, задаст же он обидчику, когда вернется.

Неподалеку Димитруш увидел два замшевых пенька. Кто-то положил на них жердочки и устроил лесную скамейку. Он с удовольствием уселся.

Транзистор у него был с собой. Димитруш помнил об исчезающих дорожках и думал, что, в конце концов, стоит только включить транзистор позвучней — и его найдут. Впрочем, он не маленький и сам найдет дорогу домой.

Он повернул рычажок, и в лесу тихо и нежно запели скрипки. Димитруш поставил транзистор перед собой на траву и прилег, глядя в небо и слушая музыку. Но скоро бирюза неба стала расплываться перед глазами... Димитруш не заметил, как заснул.

Сколько прошло времени, он не знал, но когда открыл глаза, тени от деревьев тянулись уже почти через всю поляну. Димитрушу показалось, что на него кто-то смотрит из чащи леса. Он огляделся. Нет, никого. И все-таки... Может быть, это несносный Ион прячется за дубками? Или просто музыка привлекла какого-нибудь олененка, и он затаился в зарослях кустов?

И вдруг на одной из тропинок, ведущих к поляне, он заметил девочку. На ней было короткое светлое платье, волосы заплетены в косы, на концах — банты. Они лежали на ее плечах, как бабочки, которые присели отдохнуть.

Он не поверил своим глазам. Нет, не может быть!.. Тудорица! Откуда она тут могла взяться?! Может быть, он еще спит?

Но нет, он не спал. Не успел Димитруш и моргнуть, как Тудорица исчезла так же внезапно, как и появилась.

Димитруш схватил транзистор и кинулся к тому месту, где она только что стояла. Но там уже никого не было, а тропинка вилась дальше, и, кажется, это была та самая, по которой он сюда пришел.

Нужно было спешить в лагерь, чтобы успеть на вечернюю линейку. Будет плохо, если его хватятся.

Но только он прошел несколько шагов, как послышалось, что кто-то его окликнул. Он снова оглянулся — опять никого. Скорее всего, показалось. Нет!.. Вон, вон что-то светлое! Наверно, между стволов пугливо промелькнул маленький тонконогий олененок и скрылся в зарослях.

Сколько неведомого таит в себе лес!

В лагерь он все-таки явился вовремя. Незадолго до отбоя прошелся мимо палаток девочек. Сбившись в небольшие кучки, они пели или что-то рассказывали друг другу.

Нет, Тудорицы среди них не было. Да и откуда ей здесь взяться? Скорее всего, померещилось.

Димитруш отошел в сторонку, уселся под сенью старого дуба и включил транзистор.

Кто-то остановился возле него. Подняв голову, Димитруш увидел Иона.

— Можно посидеть с тобой? — спросил он.

— Садись, — буркнул Димитруш.

— Ну что, нашел Оленью поляну? — спросил Ион, усаживаясь.

— Нет.

— Я тоже.

— Чего же ты послал меня туда? — вскипел Димитруш. — Я тебе что?!

— Понимаешь, — напустился Ион. — Я сам думал, что отыщу ее и подожду тебя там. Как приехал сюда, только и слышу про эту поляну... Даю честное пионерское — не хотел тебя подводить. А это твой транзистор?

— А то чей же!

— Купил или подарили?

— Не видишь — самодельный.

— Неужели сам собрал? Ну, здорово!.. Ты из города?

— Понятно.

Оба помолчали, слушая музыку, потом Ион сказал:

— А я из Чорешты... Знаешь, когда я искал поляну, мне в лесу попалась девчонка. Я хотел ее расспросить, где эта самая поляна...

— Сказала?..

— Где там! Засмеялась — мол, эта поляна не для таких, как я... И умчалась, как дикая косуля. Говорят, она внучка лесника.

Внучка лесника!.. Но ведь Тудорица говорила...

У Димитруша запылали уши.

— Ты не знаешь, как ее зовут?

— Да нет, — пожал плечами Ион. — Тоненькая такая, быстрая, и косы с бантами.

Неужели же в самом деле это была Тудорица?! Она стояла на тропке возле поляны и, конечно, узнала его. Но почему же тогда убежала?.. Не хотела его видеть? Димитруш терялся в догадках. А если они опять где-нибудь встретятся? Ну нет, теперь он убежит первым. Пусть не думает, что он ее разыскивает, что из-за нее приехал именно в этот лагерь.

— Слушай, — спросил Ион, который не спускал глаз с транзистора, — неужели каждый может сделать такой?.. Мне бы так хотелось!..

— А? — Димитруш не сразу понял, о чем его спрашивают. В голове его зрел план. Если только эта Тудорица...

— Знаешь, Ионикэ, — горячо заговорил он. — Я тебе все объясню. Только и ты должен сделать кое-что для меня... И — никому ни слова!..

— Говори, что?

— Завтра после обеда мы с тобой разыщем дом лесника. И если там увидим эту девчонку,

подойдешь к ней и отдашь этот транзистор. Скажешь, что от Димитруша... А самого меня, мол, нет. Пусть не ищет. Уехал неизвестно куда. Сделаешь?..

Когда Димитруш проснулся, лишь начинался рассвет. Лес был окутан синей дымкой, а птицы уже голосили вовсю. Лагерь крепко спал. Это обрадовало его — так легче выполнить задуманный план. А потом он вернется в город, а в палатке оставит записку, что ему надо домой. Димитруш вытащил из-под койки еще вчера приготовленный к походу рюкзак и потихоньку выбрался из палатки.

Рюкзак нужно было спрятать в зарослях, потому что уйти он хотел только к вечеру, а тогда незаметно по лагерю не пройдешь. Конечно, дома ему нагорит за неожиданное возвращение, но ничего, как-нибудь выкрутится. А что делать? Не может же он оставаться рядом с Тудорицей, которая его ненавидит, да еще случайно встречается с ней! Чего доброго, еще посмеется над ним!

Запрятав рюкзак в корнях старого дуба, он благополучно вернулся в свою палатку. И снова взял в руки транзистор. Не включая, Димитруш оглядел его, как любимую игрушку, с которой надо расставаться. Пусть Тудорица убедится, на что он способен. Пускай подумает, стоит ли смеяться над Димитрушем Врабие!

Ион не подвел. Он появился в условленном месте, как и было обещано, после обеда, и они пошли к домику лесника. Теперь мысли Димитруша были полны лишь Тудорицей, и на вопросы товарища он отвечал невпопад.

Не прошло и получаса, как они достигли ограды. Это был жердевой, с проволокой забор, чтобы через него не могла пробраться скотина.

— Здесь, — сказал Ион.

Пошли вдоль ограды, осторожно пробираясь к пристройкам вблизи домика с острой крышей.

Стараясь не шуметь, Ион раздвинул ветви кустов.

— Смотри, не она? Вот эту я и встретил.

Димитруш заглянул через кусты и вздрогнул. Тудорица, протянув тонкую загорелую руку, кормила с ладони остромордого, совсем маленького олененка. Он доверчиво брал еду и торопливо жевал. Свободной рукой девочка гладила оленя вдоль спинки.

— Она! — прошептал Димитруш. — Лезь через забор. Вот тебе транзистор. Помнишь, ее зовут Тудорицей?..

Еще минута — и вот уже Ион по ту сторону ограды. Весь превратившись во внимание, Димитруш наблюдал за ним из-за кустов.

— Тудорица!

Это позвал Ион. Девочка резко повернула

Нет, Тудорицы среди них не было. Да и откуда ей здесь взяться? Скорее всего, померещилось.

Димитруш отошел в сторонку, уселся под сенью старого дуба и включил транзистор.

Кто-то остановился возле него. Подняв голову, Димитруш увидел Иона.

— Можно посидеть с тобой? — спросил он.

— Садись, — буркнул Димитруш.

— Ну что, нашел Оленью поляну? — спросил Ион, усаживаясь.

— Нет.

— Я тоже.

— Чего же ты послал меня туда? — вскипел Димитруш. — Я тебе что?!

— Понимаешь, — надулся Ион. — Я сам думал, что отыщу ее и подожду тебя там. Как приехал сюда, только и слышу про эту поляну... Даю честное пионерское — не хотел тебя подводить. А это твой транзистор?

— А то чей же!

— Купил или подарили?

— Не видишь — самодельный.

— Неужели сам собрал? Ну, здорово!.. Ты из города?

— Понятно.

Оба помолчали, слушая музыку, потом Ион сказал:

— А я из Чорешты... Знаешь, когда я искал поляну, мне в лесу попалась девчонка. Я хотел ее расспросить, где эта самая поляна...

— Сказала?..

— Где там! Засмеялась — мол, эта поляна не для таких, как я... И умчалась, как дикая козуля. Говорят, она внучка лесника.

Внучка лесника!.. Но ведь Тудорица говорила...

У Димитруша запылали уши.

— Ты не знаешь, как ее зовут?

— Да нет, — пожал плечами Ион. — Тоненькая такая, быстрая, и косы с бантами.

Неужели же в самом деле это была Тудорица?! Она стояла на тропке возле поляны и, конечно, узнала его. Но почему же тогда убежала?.. Не хотела его видеть? Димитруш терялся в догадках. А если они опять где-нибудь встретятся? Ну нет, теперь он убежит первым. Пусть не думает, что он ее разыскивает, что из-за нее приехал именно в этот лагерь.

— Слушай, — спросил Ион, который не спускал глаз с транзистора, — неужели каждый может сделать такой?.. Мне бы так хотелось!..

— А? — Димитруш не сразу понял, о чем его спрашивают. В голове его зрел план. Если только эта Тудорица...

— Знаешь, Ионикэ, — горячо заговорил он. — Я тебе все объясню. Только и ты должен сделать кое-что для меня... И — никому ни слова!..

— Говори, что?

— Завтра после обеда мы с тобой разыщем дом лесника. И если там увидим эту девчонку,

подойдешь к ней и отдашь этот транзистор. Скажешь, что от Димитруша... А самого меня, мол, нет. Пусть не ищет. Уехал неизвестно куда. Сделаешь?..

Когда Димитруш проснулся, лишь начинался рассвет. Лес был окутан синей дымкой, а птицы уже голосили вовсю. Лагерь крепко спал. Это обрадовало его — так легче выполнить задуманный план. А потом он вернется в город, а в палатке оставит записку, что ему надо домой. Димитруш вытащил из-под койки еще вчера приготовленный к походу рюкзак и потихоньку выбрался из палатки.

Рюкзак нужно было спрятать в зарослях, потому что уйти он хотел только к вечеру, а тогда незаметно по лагерю не пройдешь. Конечно, дома ему нагорит за неожиданное возвращение, но ничего, как-нибудь выкрутятся. А что делать? Не может же он оставаться рядом с Тудорицей, которая его ненавидит, да еще случайно встречаться с ней! Чего доброго, еще посмеется над ним!

Запятав рюкзак в корнях старого дуба, он благополучно вернулся в свою палатку. И снова взял в руки транзистор. Не включая, Димитруш оглядел его, как любимую игрушку, с которой надо расставаться. Пусть Тудорица убедится, на что он способен. Пускай подумает, стоит ли смеяться над Димитрушем Врание!

Ион не подвел. Он появился в условленном месте, как и было обещано, после обеда, и они пошли к домику лесника. Теперь мысли Димитруша были полны лишь Тудорицей, и на вопросы товарища он отвечал невпопад.

Не прошло и полчаса, как они достигли ограды. Это был жердевой, с проволокой забор, чтобы через него не могла пробраться скотина.

— Здесь, — сказал Ион.

Пошли вдоль ограды, осторожно пробираясь к пристройкам вблизи домика с острой крышей.

Стараясь не шуметь, Ион раздвинул ветви кустов.

— Смотри, не она? Вот эту я и встретил.

Димитруш заглянул через кусты и вздрогнул. Тудорица, протянув тонкую загорелую руку, кормила с ладони оstromордого, совсем маленького олененка. Он доверчиво брал еду и торопливо жевал. Свободной рукой девочка гладила оленя вдоль спинки.

— Она! — прошептал Димитруш. — Лезь через забор. Вот тебе транзистор. Помнишь, ее зовут Тудорицей?..

Еще минута — и вот уже Ион по ту сторону ограды. Весь превратившись во внимание, Димитруш наблюдал за ним из-за кустов.

— Тудорица!

Это позвал Ион. Девочка резко повернула

голову. Испугавшись незнакомого голоса, оленьок прыгнул в сторону и сразу же умчался.

— Чего тебе? — недовольно спросила Тудорица.

— Иди сюда, дело есть...

— Надо тебе — иди сам.

Ион слез с забора и пошел к ней. Димитруш видел, как он остановился рядом и, что-то объясняя, протянул ей транзистор. Но Тудорица не взяла его. Она стояла, заложив руки за спину. Тогда Ион начал что-то горячо доказывать, но она упрямо качала головой. Наконец Ион показал в сторону кустов, где укрылся Димитруш. И тут Тудорица быстро пошла к ограде. Ион с транзистором в руках заспешил за ней.

Этого только не хватало! Надо бежать! Димитруш кинулся прочь. Он пробирался через кусты наугад и, весь исцарапанный ветками, все же вышел на дорогу.

Но тут произошло такое, чего он никак не мог ожидать. Путь ему преградила Тудорица, тоже выскочившая откуда-то из лесу. Следом появился растерянный Ион.

— Здравствуй, Димитруш! — сказала Тудорица. — Ну, чего ты прячешься? — И она засмеялась. Засмеялась совсем не обидно, а так, как смеялась в школе, когда Димитруш рассказывал ей что-нибудь смешное. — Если ты хотел подарить мне транзистор, мог бы и сам это сделать. Я была бы рада...

Подоспевший Ион сумел наконец сунуть транзистор ей в руки, но Тудорица тут же протянула его Димитрушу, покрасневшему как помидор.

— Включите его, товарищ конструктор. Это ничего, если он заиграет не сразу, — улыбнулась она.

— Еще как заиграет! Дай-ка я!..

Нетерпеливый Ион опять завладел транзистором и включил его. Лес огласился широкой звонкой песней. Это было очень кстати, потому что Ион не слышал, как Тудорица сказала Димитрушу:

— Ты еще сердишься на меня?.. Я ведь видела тебя, но побоялась, что ты не станешь со мной разговаривать, и ушла.

— Я искал Оленью поляну, — буркнул Димитруш.

— Хочешь, я сведу тебя туда? Там красота необыкновенная... Увидишь, как играют олени. Пойдем?

«Должны бы и меня взять. Если бы не я, они так и не встретились бы», — подумал Ион и ждал, что скажет Димитруш.

— Прямо сейчас можно? — спросил Димитруш.

— Конечно! До вечера еще далеко.

Димитруш повернулся к Иону, чтобы забрать транзистор и отдать Тудорице, но она остановила его.

— Не надо. Пусть он останется у твоего друга. Видишь, как ему нравится!..

— Ладно, — согласился Димитруш. Судьба приемника уже мало интересовала его. Сейчас он увидит эту сказочную поляну. Он забыл и о рюкзаке, спрятанном под старым дубом. Все это было мелочи по сравнению с той радостью, которая его ожидала.

— Идем? — спросил он.

Тудорица кивнула головой и зашагала по тропинке. Димитруш поспешил за ней. Шли молча, высоко над ними шелестел старый лес, искрящие лучи солнца еле пробивались через густую листву.

— Пойдите!

На крик оба обернулись, потом остановились в растерянности: их догонял Ион.

— Не нужен мне чужой подарок, — сказал Ион угрюмо. — А Оленью поляну найду и без вас.

— Послушай... — начал виновато Димитруш, но Ион повернулся и побежал к лагерю.

В траве все еще играл маленький приемник, но ни Димитруш, ни Тудорица не слушали его. Иона уже не было видно, и Димитруш вспомнил вдруг того белого олененка, которого недавно кормила Тудорица и который вот так же убежал и скрылся в лесу. «Нехорошо получилось», — подумал Димитруш, но ничего не сказал. Побоялся: вдруг она опять посмеется над ним: приуныл из-за какого-то мальчишки?

Но Тудорица улыбнулась:

— Пойдем лучше завтра, хорошо? Приходи-те вместе с Ионом ко мне, а потом — прямо на поляну! Ладно?

*Перевел с молдавского
Арк. Минчковский*

РЕБЯТА
С ТРИДЦАТОЙ
УЛИЦЫ

Евгений Андреев
Оформление Ю. Бочкарева

Оформление Ю. Бочкарева

На Тридцатую улицу мы переселяемся из гостиницы «Гранд-отель»: нам дали виллу на Тридцатой улице.

Синеватый дым стоит над Тридцатой улицей, пахнет жареной рыбой. В железных противнях жарится в кипящем масле мелкая рыбешка, плавают нарезанные крупными кусками клубни батата. Пекутся на углях плотные кукурузные початки.

37

Лепятся один к другому низкие глинобитные дома. Слева окошечко, справа окошечко, посреди дыра-дверь, через нее видна другая, в противоположной стенке. Пройдешь насквозь — попадешь в маленький дворик. Во дворе под деревом-папайей, под дынями, которые висят на этой папайе, стоят рядом высокие деревянные ступы. Женщины и девчонки толкут в ступах сорго длинными толкушками. Четыре раза стукнут, на пятый — повыше толкушку подбрасывают и, пока она в воздухе, успевают звонко хлопнуть в ладоши и снова поймать ее: так веселее работать.

По Тридцатой улице куры бродят, и козы, и коровы, и длинноногие овцы. Желтые собаки бегают, маленькие, похожие на шакалов.

В пыли на Тридцатой улице ребяташки возятся: в футбол играют, в камушки или просто так для развлечения друг дружку по земле таскают.

Только мы принялись выгружать пожитки, ребята свои занятия бросили и собрались вокруг нас. Огромное удовольствие доставил им наш приезд; забыли и футбол, и борьбу. Первым делом начали здороваться. Здраваться они очень любят и делают это серьезно и со вкусом: честно протягивают ладошки, крепко жмут руку.

Взрослые тоже подходят. Женщина с тазом белья на голове — на речку шла стирать, — другая с ведрами, несколько мужчин.

— Бонжур, бонжур!

А я их возьми да удиви: на их языке «бамбара» отвечаю:

— Ани согома!

С добрым утром, значит. Я еще в гостинице научился.

— А-хха-ха-ха! — ухватились за бока, захохотали они от радости.

— Мба, ани согома! Мба, ани согома!

* * *

Надо сказать, что «вилла» немного громко звучит для то-

го жилья, куда мы вселились. По сравнению с окружающими домишками, может быть, это и вилла, но вообще-то — просто каменный одноэтажный дом.

Еще когда мы чемоданы таскивали, к нам несколько мальицев подходили с предложениями. Один сказал: «Возьмите меня боем». Другой сказал: «Давайте я вам всю улицу подмету и сорную траву на ней выполю». У всех мальицев от мала до велика первая забота найти какой-нибудь заработок.

Нет, бой нам не нужен. Мы себе и сварим сами, и постираем. Но помощь на первый случай нам, конечно, нужна: привести виллу в порядок, помыть полы, грязь всю выгрести.

Малийцы принесли ведра, две метлы на длинных бамбуковых палках и стали паутину и пыль с потолков обметать. Забегали в ужасе ящерицы по стенам и потолку — никто им до этого дня не мешал спокойно жить в пустой вилле.

Мы и сами без дела не сидим, работаем вместе со всеми. Для малийцев непривычно, что белые люди делают вместе с ними ту же работу. Белых они почтительно называют: «патрон», что значит «хозяин, господин». Но для русских у них другое слово, хорошее слово: «товарищ». Это слово очень многие малийцы знают, только произносят его на французский манер, с ударением на последнем слоге: «товарищ».

Проклятая бетонная крыша в первую же ночь себя показала. Нагрелась она за день, прокалилась, а ночью стала свое тепло в комнату отдавать. Легли мы спать — ну никак не заснуть!

Смерили температуру в спальне — 32 градуса!

Чтобы хоть немного охладить крышу, решил я утром полить ее водой. Забрался на нее с резиновым шлангом, поливаю. Босиком хожу по горячим плитам, вода тут же высыхает, пар от крыши идет, как от тряпки, когда брюки утюгом отпаривают.

С крыши мне весь окрестный

район виден. Речка извилистая на солнце блестит. На зеленых берегах невысокие банановые деревца растут с широкими, как простыня, листьями. Ближе к воде грядки разбиты, зеленая какая-то на них: лук или салат.

Над дворами синие дымки вьются — малийцы еду готовят.

На улицы поглядываю: овцы там под стенками в тени лежат, куры в мусоре роются. Ткач под акацией за первобытным станком сидит. Он с утра до вечера ткет узкие, полосатые полосы материи — пань.

Пока я по сторонам смотрел, на Тридцатой нашей улице ребята из соседних домов собрались, смотрят на меня, пальцами показывают, смеются.

Я повернул шланг в их сторону и окатил, как из душа. Они завизжали, стали друг за дружкой под струю прыгать.

— Еще! — кричат мне снизу. — Еще!

Я их теперь всех знаю по именам. Вон те двое, похожие друг на друга, с забавными рожицами и оттопыренными ушами — братья Фусин и Ласин. А те вон, постарше, — Бубакар и Мамаду. Они уже в школу ходят. Поедят утром кукурузной каши и отправляются в школу с портфелями и грифельными досками. Вон ту тоненькую девочку зовут Фанта. У малийцев что ни девочка, то Фанта. Самое любимое имя.

* * *

Решил я озеленить наш вымощенный камнем дворик. «Натаскаю земли, — подумал я, — и устрою вдоль стены грядку, а на ней посажу что-нибудь африканское». Пошел с ведром за землей, а земля рядом, за углом. Там пустырь, и травка на нем растет. Раскопал дерн и стал землю дощечкой нагревать: лопаты у меня не было.

В одиночестве я недолго работал: тут же ко мне Фусин с Ласином подсели на короточках, землю руками подгребают. Потом и Мамаду с Бубакаром присоединились. Принес я им второе ведро — помогайте, если есть охота.

Стал глядку под стеной делать. «Что мне на ней посадить?»

— Посади маис, — советует Бубакар.

Он сбегал домой и принес горсть кукурузных зерен.

— Делай ямки и в каждую клади по два зернышка.

Кукуруза через несколько дней из грядки выглянула и стала быстро вверх тянуться. Очень все быстро растет в Африке, прямо на глазах.

* * *

В Бамако после обеда все ложатся спать, и не на какие-нибудь полчаса, а по крайней мере часа на два. Улицы пустеют. На рынке продавцы рядом со своим товаром спят. Этот послеобеденный сон называется «сиеста». Если не спать после обеда, в самую знойную пору дня, то быстро все силы потеряешь.

Только ребят с Тридцатой улицы никакая жара не могла загнать в постель. Сиеста не сиеста — гоняют мяч по пыли, играют, визжат. А потом придумали себе развлечение. Лишь только мы уляжемся спать, только сладко захрапим, они камнем или палкой лупят в железную дверь нашего забора. Не со зла, конечно, — просто очень уж грохот получается великолепный.

Пропала наша сиеста. Что будешь с ними делать? Поймать, за уши отодрать — недипломатично, все-таки подданные другой страны. Да еще попробуй их поймай!

Однажды приходят Фусин и Ласин.

— К вам в дверь плохие мальчики стучат. Мы их будем прогонять.

Я обрадовался.

— Вот это правильно! Молодцы!

На следующий день только разоспались — бац! бац! Выскакиваю — за дверь Фусин.

— Ты чего стучишь?

— Это не я, это плохой мальчик стучал. Я его отогнал.

Дал ему конфет. Снова ложусь. Никак не заснуть, воро-

чаюсь с боку на бок. И хорошо, что не уснул: минут через десять снова грохот. Мы с товарищем оба бежим к дверям. За дверью Ласин.

— Мсье, это к вам плохой мальчик стучал. Я его очень далеко прогнал, вон за тот дом.

Черт бы побрал всех этих плохих мальчиков! Но делать нечего, иду за конфетами для Ласина.

Вечером меня отозвал в сторону Бубакар.

— Мсье, Фусин и Ласин — очень плохие мальчики. Они по очереди к вам в дверь стучат.

Ну что ж, надо мне будет заняться воспитанием своих приятелей, укреплять взаимоотношения.

Я вспомнил Миклухо-Маклая. Он своих новогвинейских соседей обучал русскому языку и сам обучался у них. «Туй—Маклай! Туй—Маклай!»

Мы тоже с этого начнем.

Вечером состоялось первое

занятие. Показываю я себе на голову.

— Кунгулю! — кричат, — кунгулю!

А я им в ответ:

— Голова.

На волосы показываю.

— Кунсиги! Кунсиги!

На руку.

— Булю!

Женщина мимо прошла, я на женщину показал.

— Мусоу! — орут мои ученики. — Мусоу!

Очень им нравится, а мне еще больше. А слова все какие красивые: хлеб — абуру, ананас — джябиби, лимон — лемурукуму!

Напоследок быстро повторяю с ними:

— Булю!

— Рука!

— Ни!

— Нос!

— Кунгулю!

— Гылава!!! Гылава!

Пожалуй, можно идти ужинать.

На следующий день мы с товарищем идем к себе обедать. Мальчишки с Тридцатой улицы бегут нам навстречу и во все горло орут:

— Ганда! Ганда!

Что за «ганда» такая, не пойму. А они еще радостнее:

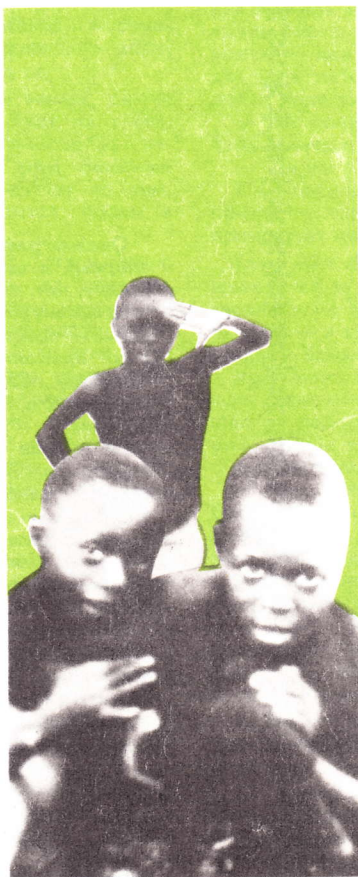
— Ганда! Ганда! — и за голову себя хватают.

«Вот оно что, — догадался я. — Была «гылава», а теперь уже стала «ганда». Но все же приятно, что с такой радостью кричат. А главное — стучать в железную дверь перестали. Помог Миклухо-Маклай.

* * *

Месяца три прожил я бок о бок с ребятами с Тридцатой улицы. А потом мы переселились в другой район.

Мальчишки помогали нам вещи грузить на такси. И даже, показалось мне, что не такие, как всегда, они были шумные и крикливые. Подумалось: оттого им грустно, что мы уезжаем. А может быть, так и было? Вполне возможно.

ОКУНИ

Ивы моют локоны
В омуте речном,
Где гуляют окуни
Легким табунком.

Светятся над тиной
Рыбьи плавники,
Словно петушиные
Перья, гребешки.

Под густою ряскою,
Где и днем темно,
Солнечными красками
Озаряют дно.

Проплывают, радуясь
Красоте речной,
И разносят радугу
Рыбам под водой.

ДОЖДЬ

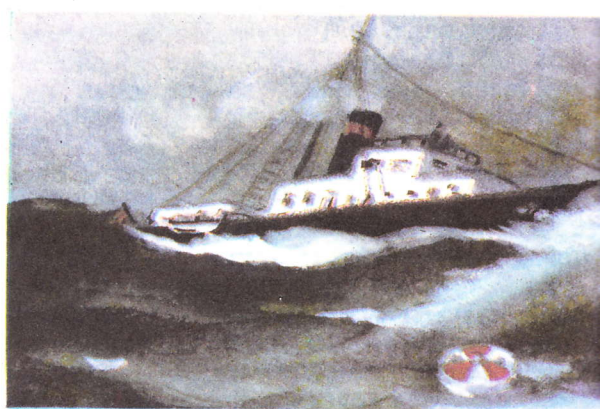
Летний дождик, как мальчишка,
Мчится по полю вприпрыжку.
Звонкий дождь по лужам

скачет,

Добрый дождь от счастья

плачет:

Ничего ему не жалко
Рощам, нивам золотым.
Скачет дождь
И, как скакалка,
Чудо-радуга над ним.

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ МОРЕ

Евгений Попов

Рисунки В. Куприянова

По профессии я океанолог. Записи эти начал вести давно, еще в тридцатые годы, и веду их до сих пор.

Автор

МОРСКАЯ КУПЕЛЬ

Океанографическое судно «Бурун». На нем сегодня впервые я выйду в море. Чувствую себя именинником. Брожу, нет, скорее витаю по палубному настилу, щупаю туго натянутые, будто струны, стальные ванты, с наслаждением прислушиваюсь к пронзительному визгу лебедок, вдыхаю смоляной аромат манильских тросов, любуюсь полярной белизной палубных надстроек. Хожу, смотрю, щупаю, нюхаю и не верю. Неужели это не сон?

На палубе кипит работа. Особенно оживленно на корме. Там мои старшие товарищи — наставники, бывалые океанологи, занимаются подготовкой волнографа. Во время штормов он записывает параметры волн, а мы идем навстречу шторму, чтобы поймать самые большие, могучие волны. Невольно цитирую про себя: «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой...»

Поднимаюсь на ходовой мостик, там мое место.

На мостике свежо, крепчает ветер, морщит лик моря, превращает безобидную рябь в бегущие волны. Зыбь растет, вздымается, ширится. Белобокий «Бурун» то и дело взбирается на эти волны и плавно, будто на ощупь, спускается в седловины.

— Эй, на мостике! — услышал я команду с кормы. — Приступайте к определению места!

— Есть приступить к определению! — кричу я в ответ и беру секстан.

Чувствую какую-то робость, неуверенность. Вдруг не справлюсь, навру в отсчете углов. Ведь в море-то первый раз вышел. С трудом выбираю на удаляющемся

берегу три ориентира: заводскую трубу, маяк, мыс. Секстаном замеряю между ними горизонтальные углы. Потом кубарем скатываюсь по трапу в ходовую рубку — нанести замеренные углы на карту. По их вершине нахожу точку расположения судна в момент измерения. Потом снова бегу на мостик, ожидаю следующей команды. Робость как рукой сняло. Углы замеряю, будто орехи щелкаю. Но чем дальше, тем труднее ловить ориентиры. Берег едва виден, да и качка увеличивается. «Бурун» валяет то с борта на борт, то с носа на корму. Ориентиры скачут. Я орудуя специальными зеркалами, ухитряюсь ловить ориентиры и горжусь этим, радуюсь. Началось то, чего так долго ждал, о чем так много мечтал. Сегодня день моего морского крещения. Только купель что-то не очень спокойна. Качает, как на качелях. Размах, правда, малость не тот: то чуть в облака не взлетаешь, то — у-ух! — и в преисподнюю, и снова вверх. Дух захватывает. Здорово! И чем дальше в море, тем выше взлетают мои «качели».

А ветер крепчает, надрывно свистит в вантах, разгоняет волну. От зыби и след простыл. Куда ни глянь, всюду беспорядочно бегущие вспененные холмы насккивают друг на друга, вздымаются, как бешеные кони, и тут же рушатся вниз. «Бурун» скачет по ним, валится на борт, черпает воду, зарывается носом в гребни, утюжит их кормой.

Я что-то плохо стал держаться на ногах. Того и гляди, за борт свалюсь. Судорожно хватаюсь за поручни, тщетно пытаюсь поймать теперь уже совсем неуловимо прыгающие ориентиры. А тут еще как-то вдруг стало не по себе. С чего бы это? Не от качелей ли этих морских? Заболела голова, подташнивает, все стало противно... Словом, налицо симптомы настоящей морской болезни. Значит, укачался-таки. Я смотрю на взлохмаченные седой пеной громадные волны с отвращением. От них меня еще больше мутит. Хочется куда-то бежать, искать у кого-то помощи, сочувствия, облегчения, спасения от неудержимой качки.

Нечего сказать, крещение! Тоже мне, моряк, выбрал специальность. Всю жизнь вот так болтаться по волнам и мучаться? Бежать, бежать без оглядки! Подальше от моря, на незыблемый бережок, подальше от океанологии, океанографии, гидрографии, бежать в учителя, в агрономы, счетоводы, только бы подальше от волн и штормов, от хваленной морской экзотики! Так стонал я и хныкал, валяясь от слабости на банкетку.

А судно шло и шло навстречу шторму, где качка будет сильнее и беспощадней. Уж там-то я окончательно свалюсь и буду лежать пластом, никому не нужным балластом, обузой для экспедиции, для товарищей. С трудом приподнимаюсь, случайно мой взгляд останавливается на корме. Там всюду кипит работа, как будто и шторм для них не существует, и качка бешеная их не берет, работают люди хоть бы что. Я гляжу на них, и мне тошно и стыдно.

— Тряпка! Сапог валяный! Лопух! Медуза вареная! Возьми же ты себя в руки! Займись делом, выполняй поручение! — вне себя закричал я и, собрав последние силки, превозмогая тошнотворное состояние, встал и побрел к брошенному секстану.

А тут ко мне пожаловал и сам начальник. Он наверняка заметил мой страдальческий вид и, подумав, предложил мне спуститься на корму. Ведь там, внизу, амплитуда качания была куда меньше, чем на мостике, на верхотуре. С трудом я поплелся за ним. Он подошел к старшему океанологу и что-то шепнул ему на ухо. Старший малость помешкал, потом подошел ко мне.

— К нам на помощь?

Я молча кивнул в ответ.

— Ну вот и отлично, а то мы тут запарились. Задание вам будет несложное. Вон там, у кнехта, на который кормовой швартов крепится, лежит здоровенная цепь. Когда-то якорь на ней спускали, а сейчас нам понадобится, так вы ее перетасщите сюда. И чем быстрее она окажется здесь, тем лучше для нас. Да, вот еще что, советую перетаскивать цепь по частям, сразу всю не потаскать вам, тяжела она.

Я снова молча кивнул головой и, удивляясь такому несуслазному заданию, цепляясь за все торчащее на палубе, чуть живой, потащился к цепи.

— Впору на койку завалиться, а тут цепь таскать, — ворчал я, хватаясь за ее последнее звено. Потянул, она не шелохнулась. Уперся ногами, поднатужился. Цепь наконец тронулась и со звоном потянулась за мной. Она постепенно удлинялась и потому становилась все тяжелее и тяжелее. Пришлось перехватывать и снова тащить и тащить.

Не знаю, сколько я с ней провозился, вероятно, очень долго, но все же перетаскил. Цепь оказалась на корме, и я, взмокший от усердия, наконец предстал перед старшим океанологом.

— Ну вот это дело, но... — тут он сделал паузу, почесал затылок и продолжил, — цепь-то придется растянуть вдоль борта, нам необходимо измерить ее длину. Понимаете, у нее укороченные смычки, то есть части по двадцать пять метров, она может оказаться для наших работ короткой. Вот это и надо проверить.

— Так почему же вы сразу мне об этом не сказали? Ведь измерять длину я мог бы и при перетаскивании!

— Да вы уж не взыщите, запоматывал как-то.

Я внутренне продолжал возмущаться, но приказ есть приказ, и потому, снова уподобляясь бурлаку, потянул проклятую цепь.

Труд этот был невыносимо тяжел. Под конец я едва шевелился и, когда закончил растяжку, почти замертво свалился на палубу. Отлежался, чуть воспрял духом и, о чудо! — я снова увидел море таким же красивым, могучим и близким мне, каким его видел прежде.

Ура! Меня больше не мучило. Я вновь ожил, и волны мне были ничем. Значит, оморачился! Я чуть не визжал от радости. Вскочил и побежал на корму за метром, чтобы измерить длину цепи и наконец покончить с выполнением задания.

— Стоп, Евгений, теперь, кажется, можно обойтись и без замера, — вдруг остановил меня, улыбаясь, старший океанолог. — Видите-ли, длина цепи нам давно известна — сто двадцать метров.

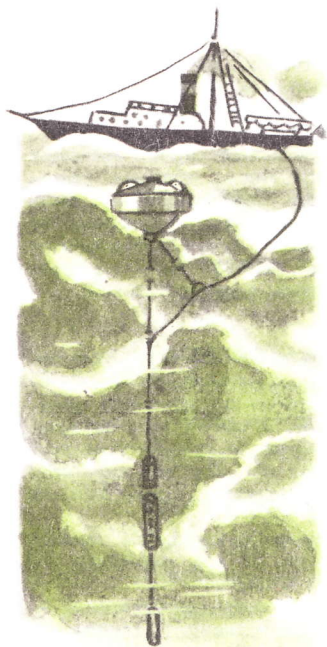
Я удивленно посмотрел на него. Неужели издевается, или это и есть морской юмор, «подначка»?

— Успокойтесь, молодой человек, и поймите меня правильно. Поработали вы, конечно, добросовестно, но только на себя. Дело в том, что и цепь нам здесь не нужна. Понимаете?

— Не понимаю! Мне ведь эта цепь тоже так же нужна, как пароходу рельсы, — грубо ответил я старшему.

Он расхохотался, мне же было не до смеха. Откровенно говоря, был бы он таким же молодым, как и я, я бы исколотил его.

— Нет, братец, цепь нужна была только вам, и ой как нужна. Поймите, ведь она излечила вас от морской болезни. Да, да! Не смотрите на меня так сердито. Вы-

лечила физической нагрузкой. И учтите: чем больше такая нагрузка, тем быстрее можно избавиться от морской болезни. Кстати, это средство не я придумал, а те, кто плавал еще на галерах, много веков тому назад. И не обижайтесь на меня. Ведь вам сейчас хорошо, не так ли?

— Да, конечно, — смеясь, ответил я.

Мне стало неловко перед этим заботливым человеком. Я извинился за свою грубость и сердечно поблагодарил его.

«Бурун лег в дрейф. Качка заметно усилилась. Мы, будто обезьяны, хватились за все торчащее на палубе и вывели за борт огромную стрелу с болтающимся во все стороны бумом. Вскоре этот красно-белый шар с прикрепленным датчиком порхал, как пестрая бабочка, по вспененным волнам и точно фиксировал их высоту.

Мы пробрались в рубку, прильнули к самописцу, наблюдая на ползущей ленте черную кривую, регистрирующую высоту волны.

— Ого, четыре с половиной метра! Ничего себе волнишка, — заметил кто-то.

— Что верно — то верно, только это пока действительно волнишка, волны же будут там, в центре циклона, — пояснил старший океанолог, указывая на восток.

И в самом деле, не прошло и часа, как налетел шквальный ветер. Завыл, застонал в вантах, рёях и стенах пущи прежнего. Вбаламутил и без того кипевшее море и давай строить на свой лад, без порядка, валы, нагромождая из них водяные горы и погнав неведь куда. Они в остервенении набрасывались на «Бу-

рун», подкидывали его на маковку гребня, швыряли, как щепку, и вдруг, ослабев, рушились на палубу. Но наш корабль всякий раз выныривал и снова взлетал на гребень.

А мне хоть бы что! Пусть теперь дует ветряга, пусть теперь вздымаются валы хоть к самому небу! Я с одним океанологом пробрался на корму, надо было выполнить ответственную запись волн в самом центре циклона. Добрались, привязались к бизани пенковыми тросами — так, на всякий случай, и заступили на самую что ни на есть штормовую вахту.

И нам повезло, волны пошли отменные. Выдержало бы наше суденышко... Маловато оно для таких экспериментов. Вон как его швыряет. Вот чудовищной высоты вал, зловеще шипя, перевалил через рубку, сорвался и рухнул на нас. В тот же миг меня взметнуло вверх и с силой потащило к борту. Но не тут-то было: я почувствовал рывок, почувствовал, как затянулась вокруг пояса петля страховочного троса. Падение, удар и резкая боль в колене. А kloкочущая вода схлынула за борт. Превозможная боль, я дополз до лебедки.

— Чисто девятый вал! А еще говорят, что его не бывает. — Мой коллега усердно растирал только что заработанную шишку на лбу.

— Поднять буй! — услышали мы сквозь вой урагана команду с мостика.

Так значит, мы успели сделать запись! Радуюсь удаче, бросился к лебедке. Включили мотор. Кабель черной змеей пополз вверх на блок стрелы, оттуда заскользил вниз на барабан. Бешено ныряя, к борту подплыл и сам буй. Подхватили его на лету, закрепили на палубе, отделили датчик и, держась за штормовые леера, под непрерывные удары волн, мокрехонькие, но счастливые возвратились в рубку.

Проснулся я рано утром от обычной команды вахтенного матроса. Открыл глаза и увидел, как плавно колыхается на потолке каюты блики отраженных от воды лучей солнца. Оделся и выскочил на палубу.

Шторма как не бывало. Циклон позади. «Бурун» стоит на якоре почти у самого берега, чуть покачивается. Я смотрю на застывшее море, смотрю и думаю, что это, верно, и есть та самая морская романтика. И нам идти к новым неведомым мирам и тайнам океана. И еще я думаю, что все это очень здорово, что лучше моей специальности нет и с морем я никогда не расстанусь.

ИДУ НА ГРУНТ

На двери, к которой я подошел, висела небольшая табличка с надписью: «Лаборатория геологии морского дна и берегов».

Кажется, то, что мне нужно. Я робко постучал в дверь и вошел в просторную комнату, заставленную всякими приборами и инструментами. Заметил и множество различных геологических образцов, должно быть, извлеченных с морского дна.

— Смелей, молодой человек, смелей входите, — послышался приятный баритон. За письменным столом сидел человек.

— Здравствуйте, — тихо произнес я и сделал несколько неуверенных шагов, — я бы хотел видеть заведующего этой лабораторией.

Он поднялся с места, протянул руку и улыбнулся:

— Я к вашим услугам.

Вид у меня был в тот момент наверняка растерянный. Об ученых в моем сознании сложилось совсем другое представление: они должны быть если не старыми, то пожилыми, обязательно в очках, небрежно одетыми и даже согбенными. А тут передо мной встал стройный, атлетического сложения, молодой, немногим старше меня, человек. Я растерялся, промямлил что-то невразумительное и подал ему свое направление.

— Ну вот и отлично. Я ведь вас целый месяц ожи-

даю, — сказал, прочитав бумагу, мой будущий начальник.

Он уже знал обо мне многое. Знал, что я, учась в институте, не терял времени — плавал в Баренцовом и в Белом морях, участвовал в полярных экспедициях, и меня не надо учить, доучивать и переучивать. Так что вопрос о моем зачислении в штат лаборатории был решен.

Я узнал, что мы должны отправиться на Каспий и там изучать прибрежную зону. Задача обширная, а народу всего трое: начальник, я да еще один — месяц тому назад университет окончил. Павлом его величают. Отряд маловат, а работы хоть отбавляй. Работа трудная и совсем необычная. Необычность и трудность ее в том, что нам предстоит исследовать прибрежную зону, в основном под водой, на дне.

Я сказал:

— Но мы же не водолазы.

— Верно, не водолазы, но все умеем плавать, нырять. Не так ли?

— Так-то оно так, я плаваю с малых лет... Но серьезно ли это — изучать морское дно методом коротких нырков? Ведь все-таки у вас лаборатория института Академии наук.

Он громко рассмеялся.

— Конечно, не серьезно, но что делать? Мы должны осмотреть и изучить дно. На протяжении десятков километров.

— Выход все же можно найти, — решил я. — Необходимо только время.

— Какой же выход?

— Дело в том, что меня зачислили в школу легководолазов. То есть водолазов, использующих под водой не скафандры, а легкое снаряжение. Водолаз при этом дышит кислородом из баллонов, расположенных у него на груди и на спине.

— Здорово! Кажется это то, что нам нужно.

— Но если надо мне сразу отправляться в экспедицию, я вынужден бросить школу. Занятия там начнутся через три дня.

— И как долго надо учиться?

— Говорят, не более месяца.

— А если поднажать?

— Наверное, можно и сократить срок.

— Тогда знаете что, ташите в школу и наши заявления. С выездом малость повременим.

Не прошло и недели, как мы все трое, попав в одну учебную группу, с трепетом, словно мальчишки, ожидали первого спуска на грунт. Спускались по старшинству. Инструктор Куц напутствовал нас, новичков-водолазов, всякими советами. Признаться, в тот момент его советы очень смутно доходили до моего возбужденного сознания.

Первым к спуску подготовился сам шеф. Куц придирчиво осмотрел его и, не найдя ошибок в облачении гидрокостюма, креплении дыхательного аппарата и грузов, хлопнул по плечу, что означало разрешение к спуску. Тот внешне спокойно, без суеты соскочил за борт и исчез в мутной водичке Москвы-реки.

Вторым идти на грунт выпало мне. Я с помощью Павла довольно быстро втиснулся в гидрокостюм, подготовил дыхательный аппарат и, сгорая от нетерпения, уселся на борту ждать команды. Куц стоял в корме и держал фал. Другой конец фала был привязан к поясу водолаза, находившегося под водой.

Должен сказать, что в то время, то есть на заре развития легководолазного дела (ведь это происходило в 1939 году) водолаз, обвешанный гирляндами чугунных плашек, легко мог без такого фала затеряться — если не в мутной водичке, так в липком речном иле. В ту пору о ластах мы и не слыхивали, потому и не плавали, как аквалангисты, а шагали по дну, правда, чуть свободней, чем водолазы в скафандрах. Иногда, за неимением чугунных плашек, обвешивались пудовыми цепями. Вот и попробуй в таких веригах свободно расхаживать под водой. И все же это была минимальная свобода действия. Мы уже могли спускаться под воду даже с уткой лодочки.

Куц задергал фал — пять рывков. Значит, водолазу следует выходить на поверхность. Со дна последовал ответ — три подергивания: мол, понял, выхожу. И через несколько минут на поверхности воды показалась голова. Первый вновь испеченный водолаз поднялся со дна.

Я не слышал, о чем расспрашивал моего шефа инструктор, не слышал и ответов, не до того мне было. Получив шлепок от Куца и малость помешкав, я нескладно плюхнулся в воду, судорожно схватился за борт, напустил в дыхательный аппарат кислорода, дрожащей рукой всунул загубник в рот, с трудом натянул на лицо маску и в нерешительности, почти теряя самообладание, стал медленно погружаться. Резина гидрокостюма плотно прижалась к телу и неприятно холодила. Я мелко задрожал. Потом неожиданно кольнуло в левое ухо, заломило, да так, что я готов был немедленно выскочить из воды. Вовремя вспомнил совет Куца, зажал нос и «продул уши». Боль прошла. Тут почувствовал, что прекратил опускаться. Пробую грести руками, стараюсь заглубиться, но какая-то сила настойчиво выталкивает меня на поверхность. Перебираю в памяти все инструкторские наставления и, как назло, ничего не могу вспомнить, все разом куда-то провалилось. Случайно натыкаюсь рукой на дыхательный мешок, чувствую, что он непомерно раздут, того и гляди лопнет.

А тут еще Куц задергал фал — запрашивает о моем самочувствии. Отвечаю, что все в порядке, а где там в

порядке! Вот-вот выбросит на поверхность, стыда не оберешься. Наконец доходит до помутневшего сознания, что слишком переполнен дыхательный мешок кислородом. Он-то и увеличил мою плавучесть. Нажимаю на травящий клапан — перед очками проносится вихрь серебристых пузырьков, и я плавно спускаюсь на грунт.

Вот и долгожданное дно реки. Дергаю фал — сообщая о благополучном завершении спуска. Растерялся, топчусь на месте, хватаюсь то за дыхательный мешок, то за редуктор. Прислушиваюсь к дыханию — никакой ритмичности, сплошное сопение, значит, забыл инструкцию и дышу носом, раздуваю резину, нарушаю герметичность шлема, от этого, к моему ужасу, в маске появилась вода. Нервы взвинчены до предела. Неужели не выдержу? Становится стыдно. Беру себя в руки, успокаиваюсь и дышу ртом. Сразу же вспоминаю, что должен пройти по дну, сколько смогу. Пытаюсь шагнуть, да не тут-то было: ноги увязли в липком, как смола, иле. С трудом выдергиваю ногу, потом другую, делаю несколько неуверенных шагов, пытаюсь повернуть в сторону, но чувствую рывки фала. Их пять — значит, пора подниматься на поверхность. Хочу оттолкнуться от дна, но увязаю в ил по колено. Сверху потянули за фал и выдернули меня из этой проклятой «смолы», точно как щенка за шиворот. Заполняя дыхательный мешок кислородом и легко поднимаюсь к поверхности.

На шлюпке я быстро забываю о только что пережитых подводных перипетиях и чувствую себя именинником. Куц делает мне какие-то замечания, а я глупо улыбаюсь, ничего не понимаю. Потом прихожу в себя, вижу моих товарищей, они смеются, им весело.

— Наконец-то очнулся. Попробуйте-ка рассказать нам, что интересного вы подметили на дне Москвы-реки? — спросил меня Куц.

Я молчал, недоуменно пожимая плечами.

— Ну, вот хотя бы скажите, какая там прозрачность воды?

— Нормальная. Ничего себе прозрачность.

Все опять хохочут, а я краснею.

Оказывается, на дне сплошная черная муть.

Куц, видя мое смущение, успокаивает:

— Не расстраивайтесь, это в порядке вещей. Так бывает с каждым при первом спуске на грунт. Ведь все ваше внимание было обращено на работу с аппаратом. Я уверен, в следующий раз все вы будете наперебой

рассказывать мне о замеченных вами мальках, букашках и таракашках.

С этими словами он хлопнул Павла по плечу и занялся его спуском. Я успокоился, но до следующего спуска обывал себя ни на что не способным дипломированным олухом.

В школе мы пропадали целыми днями. Изучали аппаратуру, зубрили всякие наставления, инструкции водолазного дела, ездили на практические занятия на Москву-реку.

Время летело, пришла пора сдачи экзаменов. Теорию сдавали в школе, спуски — в реке, под Дорогомиловским мостом. Там, кажется, были самые большие глубины — более десяти метров. Но к тому времени такие «пучины» нам были не страшны. Под строгим и придирчивым взглядом членов экзаменационной комиссии мы выполняли сложнейшие задачи, демонстрируя элементы подводного мастерства: уверенно производили спуск и подъем, преодолевали по дну большие расстояния, снимали дыхательные аппараты на дне и всплывали без них, ныряли, находили их, вновь облачались, менялись под водой аппаратами. И сдали, да как еще — всё на «пять». Этим мы были обязаны только нашему инструктору Федору Куцу, сумевшему за короткий срок передать нам свои знания и опыт.

А настоящие подводные исследования начались через две недели после экзаменов, в знойный августовский день 1939 года. И начались они примерно так. Наша совсем небольшая, но зато двухмачтовая бударка лихо пронеслась в бакштаг несколько миль на юг от форта Шевченко, что на восточном берегу Каспийского моря, и встала на якорь.

Несмотря на дневной бриз, воздух раскален до предела. Павел и я сидим на палубе, словно на горячей сковородке, сидим и завидуем нашему начальнику. Потому, что он на дне, а там прохладно, и потому, что он — первый ученый, который спустился на дно не ради праздного любопытства, а ради исследования, ради науки. Он пионер подводного исследования, имя его — Всеволод Зенкович. Ходит он теперь по дну, поражается прозрачности каспийской водицы, купается в бирюзе и изумруде, ловит руками колышающиеся блики солнца. И нет сил ему оторваться от неземной, никогда еще не виданной им красоты подводного мира.

ТЕМПЕРАТУРНЫЙ СКАЧОК

— Сегодня нам предстоит измерять и записывать температуру воды вдоль Крымского побережья. Прошу подготовить прибор к спуску, — закончил свою беседу гидролог Иволгин и поднялся на мостик.

Не прошло и десяти минут, как по судовой рации объявили команду: «По местам стоять! Термозонд за борт!» Легкий всплеск — и прибор исчез в вспененных кружевах кильватерной струи.

Прошло несколько часов. За кормой остался Херсоннесский маяк. Слева по борту открылись синеватые контуры крымской Яйлы. Термозонд беретит покой стометровой бездны. На ленте прибора типичная для такой глубины однообразная «кривая» десятиградусной температуры. Иволгин смотрит на это однообразие, старается не задремать, изредка встает и прохаживается по рубке.

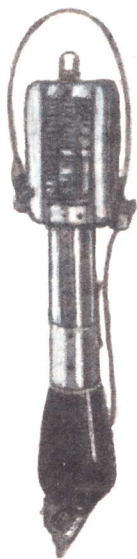
Вдруг, совсем неожиданно, кривая температуры начала резко подниматься вверх. Иволгин прильнул к самописцу. Куда и дремота девалась! Небывалый случай. На такой глубине и такой температурный скачок!

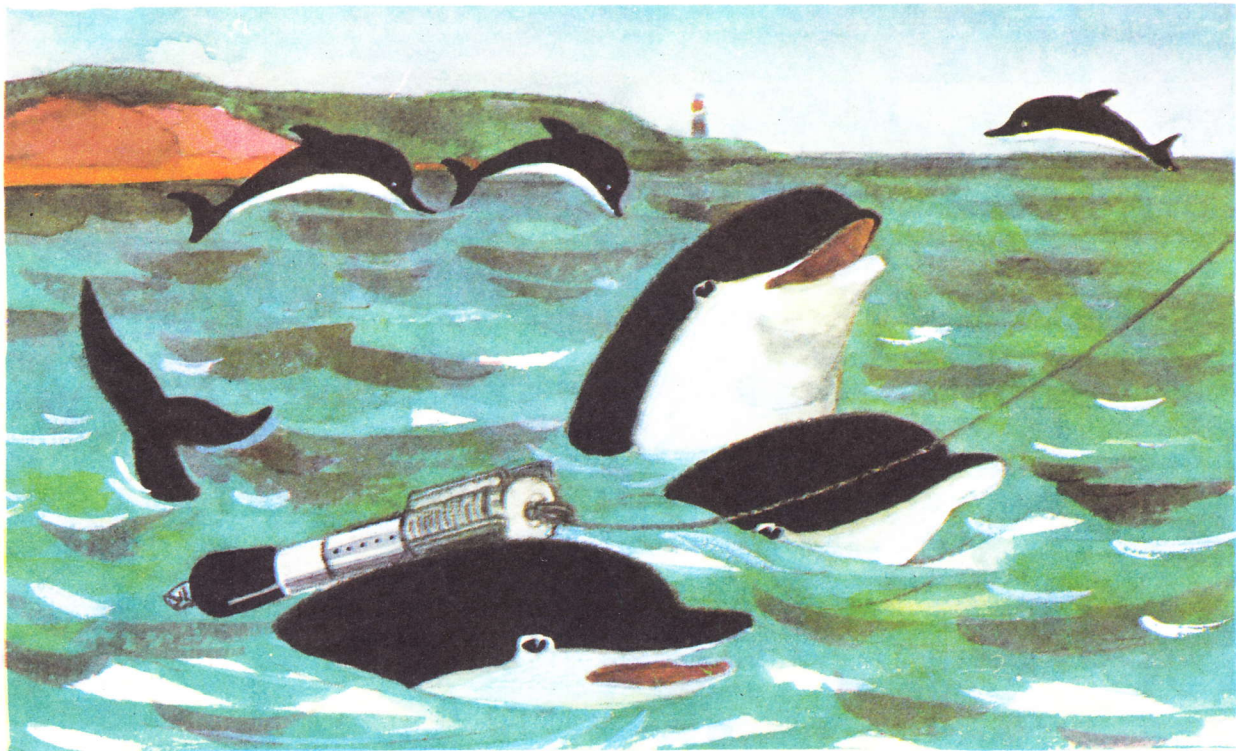
— Быть может, здесь на дне какие-нибудь горячие источники? А что, если проявился подводный вулканизм? Хуже, если вышел из строя прибор, — Иволгин терзался в догадках.

Тем временем кривая поднималась и поднималась, наконец дошла до $+25^{\circ}$. Но это же температура поверхностной воды! Быть может, судно сбилось с курса и подошло к берегу? А термозонд волочится по мелководью и фиксирует температуру воды у какого-нибудь пляжа? Иволгин бросился к иллюминатору. Берег был далеко, едва виднелся. Иволгин сел, не зная, чем объяснить загадочное показание прибора, что предпринять.

В этот момент в рубку вбежал вахтенный матрос и доложил, что ведущий к прибору кабель почему-то ослаб. Иволгин кубарем скатился по трапу на палубу, добежал до кормы, где стояла лебедка, и увидел плетью свисавший за корму кабель. Неужели оборвался прибор?

Пришлось застопорить ход судна и лечь в дрейф. Казалось бы, после этого кабель с термозондом должен немедленно погрузиться и натянуться. Но к удивлению всех присутствующих он не тонул и не натягивался. Напротив, постепенно увеличивалась его слабина и уменьшался угол заглупления. А это значило, что прибор, который не имеет плавучести, явно всплывал на поверхность. Все внимательно смотрели туда, где

вот-вот должен появиться термозонд. Смотрели и не понимали, почему он должен появиться, какая сила вынесет его на поверхность?

И вот он появился. Сверкнул своим никелем и сразу исчез, потом вновь всплыл. Палуба огласилась радостными криками: «Термозонд! Термозонд!»

Но вдруг крики умолкли, и на палубе воцарилась мертвая тишина: термозонд всплыл не один. С обеих его сторон были четко видны два черных дельфиновых плавника. Всплыли и сами дельфины, приподняв прибор над водой. Это были черноморские афалины. Увидев судно, они разошлись в разные стороны, примкнув к ныряющим вокруг них товарищам. И термозонд исчез

под водой. Пришлось выбирать трос и поднимать его на борт.

— Ну и дела, братцы! Вероятно, дельфины приняли прибор за утопающего и решили его спасти. Читал я, что такое случалось не раз, — придя в себя, предположил Иволгин.

— Но нам-то от этого не легче! Прервали запись. Начинать снова. Вот уж воистину медвежья услуга, — бурчал на мостике капитан.

А дельфины, веселясь, носились вокруг судна, выпрыгивали из воды и ныряли, как будто радуясь «спасению» утонувшего — по их понятиям — прибора.

В НЕОБЫЧНОМ ПОСЕЛКЕ

Подводный обрыв отвесной стеной поднимался со дна залива. Его изъеденная бушевавшими когда-то здесь волнами поверхность напоминала ноздреватый сыр. Всюду зияли темные отверстия ниш и расщелин. Из них, словно из амбразур дотов, то и дело выстреливались пестрые рыбешки. Биолог Петренко и я, закончив обследование этого обрыва и используя оставшийся в баллонах кислород, медленно всплывали на поверхность, заглядывая в каждую щель. Наконец Петренко повезло — он обнаружил в одной нише совсем крохотного осьминожка. Малыш был, пожалуй, не больше чайного блюдца.

Мы взяли его с собой на катер и водворили в аквариум, а сами сняли свои водолазные доспехи и с наслаждением вытянулись на добела надраенной палубе, греясь в жарких лучах полуденного солнца. Но Петренко не лежалось. Он встал, заглянул в аквариум — пленник исчез. Вооруженный «реактивным двигателем» малыш «выстрелил» себя из аквариума и спрятался где-то на палубе.

Нашли мы его у одного из шпигатов, через который он пытался протиснуться и улизнуть в родную стихию. Осьминожек нужен был Петренко для проведения какого-то эксперимента, и потому беглец очутился опять

в аквариуме. На этот раз пришлось прикрыть его фанерой.

— Подумать только, такой малыш, а сообразил, как избавиться от плена. И ты бы видел, каким петухом он насккивал на мою руку, когда я вытаскивал его из ниши! Бедняга щипал пальцы, цеплялся щупальцами за выступы, менял окраску и даже выпустил в меня миниатюрную чернильную бомбу. Природа позаботилась о нем, солидно наградив средствами нападения и защиты, — восторженно говорил Петренко, — но главное, она одарила его умом. А это ведь здорово — быть смелым и в то же время умным.

Петренко замолчал, закурил сигарету и вновь растянулся на палубе.

Но пауза длилась недолго.

— Ты не слышал, как я недавно постыдно бежал от своих подопечных? — неожиданно спросил он у меня.

— О твоих похождениях под водой я слышал много, но о том, как ты бежал, не доводилось, расскажи, пожалуйста.

— Во-первых, то, что произошло, можно наблюдать чрезвычайно редко. Мне крупно повезло, считай меня просто счастливым. Случилось это в заливе Посет, где летом скапливается довольно много всяких видов

осьминогов. Там я их выслеживал и проводил необходимые для моей работы наблюдения... Как-то, отыскивая новый объект, я находился приблизительно на пятнадцатиметровой глубине, над сравнительно ровным каменистым дном. Мое внимание привлекло небывалое скопление створок моллюска — морского гребешка. Тут же валялись побелевшие от времени панцири крабов и морских ежей. Кладбище да и только. Но вскоре я сообразил, что это не кладбище, а просто свалка отходов от «стола» осьминогов. Обрадовался я несказанно, ведь это означало, что где-то рядом обитают осьминоги. И не ошибся... Проплыл несколько десятков метров и наткнулся на одиноко торчащую подводную скалу, высотой метров пять. Она была иссечена трещинами, прикрытыми длиннющими стеблями ламинарий. Когда до скалы осталось несколько метров, я заметил, что из некоторых трещин торчат вращающиеся осьминожки щупальца. Я не удивился: они выбрали отличное место для жилья. Внимательно присмотрелся и увидел, что щупальца солидных размеров. Признаться, это меня насторожило, и не только потому, что такого количества головоногих я никогда не встречал, но и потому, что, судя по их размерам, это были довольно крупные представители. Я, значит, в осьминожьем поселке! Такое в Японском море встречается редко. Ты знаешь, мой недостаток — излишнее любопытство. Оно проявилось и тут. Я решил продвинуться еще ближе к скале. Мне бы стоять и наблюдать за ними, — нет, сунул свой нос в самый поселок, и произошло то, чего я никак не ожидал: почти одновременно, как по команде, из всех расщелин медленно стали выплывать осьминоги.

— Но ты же знал правило опытных водолазов — не бойся одного осьминога, но уходи от нескольких, — перебил я Петренко.

— Конечно, знал. Но как раз и хотел проверить это бытующее правило, версию об их агрессивности. Может, она просто выдуманна... Так вот, осьминоги выплыли из своих хижин и направились в мою сторону. Сколько было их там, я точно не знаю, может, десятка два. Самый крупный плыл чуть впереди других, и его вытя-

нутые щупальца были, без преувеличения, не менее двух метров.

— Никак сам председатель поселкового совета? — пошутил я.

— Ты не далек от истины... Дело в том, что он действительно руководил ими. Часто поворачивался, жестиком указывал щупальцами и даже издавал какие-то звуки, напоминающие слабые урчания рассерженного пса. Осьминоги медленно двигались на меня. Я не выдержал, стал отплывать на то открытое место, где наткнулся на остатки их пищи. Осьминоги достигли края площадки и все как один плавно опустились на дно.

По наивности, я предположил, что они успокоятся и прекратят преследование, и тоже встал на грунт. Но я ошибся. Передо мной оказалось не скопище моллюсков, а довольно правильный строй из двух шеренг. Впереди крупные, сзади поменьше. В таком положении они находились недолго. Буквально через несколько секунд весь этот боевой строй медленно зашагал на меня. Я вовремя заметил, что фланги двигались быстрее, чем середина. Значит, они решили меня окружить! Я прибегнул к известному способу отпугивания осьминогов — поднял руки вверх и стал подпрыгивать, чтобы показаться им солидным и сильным существом. Не тут-то было: они тоже поднялись на самые нижние от головы ноги, надулись и начали менять цвет кожи. Потоптались, потоптались и вновь двинулись, продолжая сужать вокруг меня дугу строя. Должен тебе сказать, зрелище было необыкновенное, но я что есть силы оттолкнулся от дна и быстро пошел на всплытие, забыв даже об опасности кессонной болезни.

— И все же, как ты думаешь, что бы они могли с тобой сделать, если бы ты еще оставался там? — любопытствовал я.

— Не знаю... Да и не в этом дело. Главное, что я сам почувствовал их агрессивность, она проявляется у осьминогов, когда они действуют большой массой. Правило опытных водолазов должно бытовать и впредь, и я счастлив, что мне довелось убедиться в этом самому.

Окончание следует

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ ШТАБА

Отряд «Искатель-2» найден в районе островов Медвежьих пионерским гидрографическим судном «Альтаир-12» (АГ-12).

ТЕЛЕГРАММА командиру ПГС «Альтаир-12».
«Поздравляю экипаж ПГС «Альтаир-12» со спасением всех членов отряда «Искатель-2».

*Командующий экспедицией контр-адмирал
Скобцырев*

ДОНЕСЕНИЯ КОМАНДИРОВ

«Восточно-Сибирское море — мелководное. Преобладают глубины, не превышающие 50 метров. Навигация кратковременна из-за сложной ледовой обстановки. Русские мореходы начали осваивать это море в XVII веке».

*Командир отряда «Землепроходец»
Костя Серов*

«Осваивая северный морской путь, прочли книгу И. Д. Папанина «Жизнь на льдине» и книгу С. Нагорного «Седов».

*Командир ЭОС «Семен Дежнев»
Володя Марков*

СДЕЛАЙ САМ

Парусно-винтовой корвет «Витязь» был боевым кораблем русского военного флота. Он участвовал во многих научных экспедициях. В 1871 году «Витязь» бросил якорь у Новой Гвинеи и с него на берег сошел знаменитый русский ученый-этнограф Миклухо-Маклай.

Модель корвета выстругивается из бруска дерева размером 50×10×7 см по шаблонам шпангоутов, которые даны в правом нижнем углу чертежа.

Корпус выдолбите внутри, поставьте электромотор и в центральной части разместите батареи. Это, кстати, придаст модели устойчивость.

Чертеж увеличьте. Размер стороны клеточки равен 1 см.

Чертеж модели смотри на 4 стр. обложки.

ПРЕДПИСАНИЕ ПИОНЕРСКИМ ГИДРОГРАФИЧЕСКИМ СУДАМ

Обогнув мыс Дежнева следовать Беринговым и Охотским морями во Владивосток, производя гидрографические и океанографические работы у берегов Камчатки и в шельфовых водах о. Сахалин.

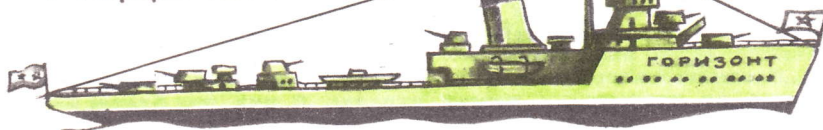
Отдел планирования гидрографических и океанографических работ экспедиции

ПРЕДПИСАНИЕ ВСЕМ ОТРЯДАМ ЭКСПЕДИЦИИ НА ПРОВЕДЕНИЕ ЛЕТНЕГО ПОХОДА

Штаб экспедиции считает, что все пионерские гидрографические отряды показали себя хорошо подготовленными, дисциплинированными и дружными на первом этапе экспедиции «Гидрограф». Поэтому штаб экспедиции предлагает всем отрядам выйти в летний научно-исследовательский поход по берегу водоема, который находится в зоне действия отряда.

Штаб экспедиции «Гидрограф»

КОНКУРС МОДЕЛЕЙ

«Высылаю досрочно модель гидрографического судна «Горизонт», на котором выполняет экспедицию наш отряд».

Саша Розов, Ленинград

ПРИКАЗ № 4 ПО ЭКСПЕДИЦИИ «ГИДРОГРАФ»

1. Сообщите, что означают эти изображения; можно ли ими пользоваться и при составлении ваших карт.

ФОТОИНФОРМАЦИЯ

На снимке: акула, выловленная экипажем пионерского гидрографического судна «Севастополь-3».

Командир Алеша Фуртичев

Оформление А. Курушина

ФОТОИНФОРМАЦИЯ

2. На побережье морей, в лесу, в поле, даже в горах встречаются кем-то поставленные высокие вышки из бревен. Кто и для чего их ставит?

3. Если в походе не хватило взятых с базы продуктов, что вы сможете употребить в пищу из окружающей вас растительности?

БУДЬТЕ
ЗНАКОМЫ

РОЗОВАЯ ЧАЙКА

Розовая чайка гнездится в тундре и лесотундре. В гнездо откладывает три пятнистых яйца. При приближении к гнезду врага пикирует на него с громким криком. Птица эта редкая, очень красивая. Гнездится только в нашей стране. Розовая чайка подлежит охране.

Раздел ведет писатель Н. Сладков

Рисунки В. Прошкина

РЫБЫ ЩЕКОТКИ

Вода в озере теплая, дно песчаное. Стоим с приятелем босиком в воде и молча смотрим на поплавки.

И вдруг Володька как рассмеется.

— Ты что? — спрашиваю.

— Ой, щекотно! — хохочет.

Смотрю на Володьку и удивляюсь: что с ним?

И тут вдруг чувствую: кто-то меня за пятку трогает. Я ногу из воды выдернул, на другой ноге стою, в воду вглядываюсь: кто там?

Вижу, полосатый окунишка подкрадывается. Подплыл и тычется носом в пятку!

— Это же окуни, — говорю я Володьке.

А Володька хохочет.

— У меня, — говорит, — не окуни.

Ох-ха-ха! У меня, — говорит, — ерши!

Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

Стоим с Володькой в воде и хохочем. И клева нет, а нам весело!

А. Зимин

„Красная книга“ — что это такое?

Это список исчезающих животных нашей планеты. Список составлен и издан Международным Союзом Охраны Природы.

Человечество бьет тревогу!

В „Красную книгу“ занесены и некоторые животные, обитающие на территории нашей страны. О них мы будем вам рассказывать.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

Рано утром, с восходом солнца, он любит, разбегаясь, нырять в бассейн с верхней ступеньки лестницы.

Он весельчак: разыгрывается с автомобильной покрывкой или с трехметровым бревном, — шум стоит, как от водопада.

В обед прямо к нему на спину слетаются знакомые вороны. Знают, что не сгонит, поделится, метят утянуть кусок поклаже.

По-ненецки белый медведь — «умка». Случайное совпадение, но со смыслом: «умка», «умный», «умница»... Будь здоров, умка!

Белого медведя нередко называют хозяином Арктики. Он — кочевник, бродит по дрейфующим льдам. Лишь будущие мамы-медведицы выбирают на сушу и роют в снегу берлоги.

В Советской Арктике молодых белых медведей чаще всего появляется на островах Врангеля, Де-Лонга, на Северной Земле и Земле Франца-Иосифа. Вес новорожденного медвежонка около 800 г. Обычно самки приносят одного-двух, реже трех-четырех детенышей.

Растут медвежата медленно: до года с лишним они сосунки, уходят от матери двухлетними, а взрослыми становятся только к четырем годам. Белые медведи приносят потомство всего раз в два года.

Их долго хищнически истребляли. Сейчас во всей Арктике насчитывается не более восьми тысяч этих зверей, да еще приблизительно пятьсот живут в зоопарках мира.

Е. Лысов, В. Левин,
работники Ленинградского зоопарка

ПОЧТА „ЗЕЛЕННЫХ СТРАНИЦ“

Однажды ко мне прибежала моя подружка. Она принесла утку. Оказывается, отец ее был на озере и в камышах нашел утку. Она была ранена. Мы посадили ее в сарай и побежали к учительнице по зоологии узнавать, чем питаются дикие утки. Потом нашли старую ванну и побежали на болото за водой. Налили болотной воды в ванну. На дно насыпали песок с галькой. Поставили ящик с песком. Положили свежей травы, сделали гнездо из соломы и ушили. Ранку мы ей намазали мазью. Сначала она пряталась в темный угол, когда мы приходили, но потом начала привыкать. Скоро рана у нее зажила и мы ее выпустили. Было очень жаль с ней расставаться.

Таня Созонова,
Тюменская область

У ГНЕЗДА

Пара чернолобых сорокопутов выбрала место для гнезда в развилке высокого вяза. Среди листвы гнездо трудно заметить, да и добраться до него не просто. И вдруг у самого гнезда человек! Возмущенная самка с яростным трещанием выскочила на ветку и принялась «ругаться» на чем свет стоит. А прилетевший ей на помощь самец пикировал на меня, проносясь в нескольких сантиметрах над головой.

С появлением птенцов забот у сорокопутов прибавилось. В первые дни вся ответственность за доставку корма лежала на самце, а самка обогревала птенцов, защищала их от жаркого солнца. Нелегко приходилось папе-сорокопугу, попробуй-ка досыта накормить пять таких ртов! Тут-то я и решила немного ему помочь. Наловив саранчи, я залезла к гнезду. Самка начала щелкать клювом. Но, увидев у меня в пальцах саранчука, сорокопугиха сразу схватила его и отправила лакомый кусочек в широко открытый рот птенца. Вскоре все припасенные мной саранчуки были с аппетитом съедены. Прилетевший с добычей сорокопуг очень удивился, что самка неохотно берет у него принесенный корм, а птенцы, вместо того чтобы неистово требовать новой порции, спокойно сидят и даже не смотрят в его сторону.

Т. Пономарева

ШТАБ „КЕДР“

Дежурный — инженер зеленого строительства Ирина Несторовна Сурина.

Одна девочка прислала в штаб отчаянное письмо: в январе по советам «Кедра» она посадила семена бегонии, все эти месяцы выхаживала слабые ростки, а сейчас, на клумбе, они сразу завяли!

Бегония — растение влажных стран. Я посоветовала девочке поливать бегонию днем и вечером, может быть, она и отойдет.

Да, настала пора переселять рассаду на клумбы. И я хочу рассказать вам о несложных правилах пересадки, чтобы у вас не случилось никаких неприятностей.

Многие летники (эти растения цветут лишь одно лето, а потом погибают) боятся холодов. Мы высадим их, когда прекратятся поздние заморозки.

Вскопаем клумбы, очистим их от мусора, разобьем крупные комья земли и за несколько часов до посадки почву хорошо польем водой.

На клумбе прямоугольного рисунка натянем рядами шпагат.

Утром или вечером, когда прохладно, вынесем ящики во двор и поставим в

июнь—первый месяц лета. В лесах и полях много беспомощных зверей и птенцов.

Просим не забирать выскочивших из гнезд птенцов. Они не потерялись и не заблудились, родители их найдут.

тени. Вынимать рассаду будем понемногу, пучками. Посадим все растения из пучка — возьмем следующий.

На прямоугольных цветниках растения посадим вдоль рядков — полосок. На цветниках в виде пятен — свободно, на глаз, лишь сохраняя определенное расстояние между растениями. Потом польем цветник из лейки или из шланга с разбрызгивателем.

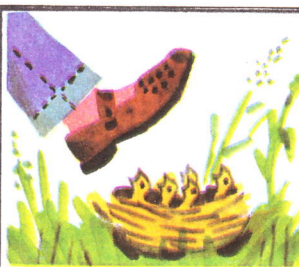
В первой половине июня обязательно выкосим траву на газонах. Иначе она скоро зацветет (ведь в июне все быстро растет), и зеленый ковер газона превратится в бурый.

Обрежем бровки — края газонов, чтобы выровнять дорожки. Это удобно делать по шнуру, натянутому вдоль края газона, остро наточенной прямоугольной лопатой или скребком для снега.

Пострижем живые изгороди. С боков верхние ветки сделаем короче, чем нижние — тогда вся стенка будет хорошо освещена солнцем.

Весь месяц поливаем новые посадки, вокруг них рыхлим и пропалываем землю.

ИЗ БЛОКНОТА КОСТИ ТЕРКИНА ЖАЛЕЙКИН И ОВСЯНКА

Шел Жалейкин по лесной опушке и чуть не наступил на гнездо овсянок. А в гнезде птенчики!

«Бедные малыши! Да вас тут любая корова или лошадь растопчет, каждая кошка или собака схватит».

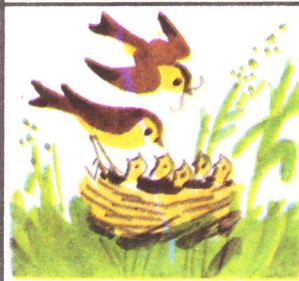
«Но я вас в беде не оставлю! Перенесу гнездо на высокое дерево. Уж там-то его никто не достанет».

Прибежал Жалейкин наутро, а новоселы в гнезде еле живы!

Тут я подошел к нему и сказал: «Вот если бы тебя посадить на телевизионную вышку! Нашли бы тебя там родители, а?»

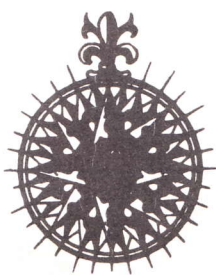
— Ах, верно, овсянки гнезд на деревьях не вьют! — спохватился Жалейкин. И скорее перенес гнездо на старое место.

МИГ

Летом у бурундука много забот. Все время в бегах: ищет еду, кормит бурундучат, следит за недругами. Но в свободную минутку он не забывает почиститься и помыться. На солнце понежиться. Тут я его и сфотографировал.

А. Лухтанов

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Оформление
Р. Попова

Год издания 17-й

И НАЗВАЛИ КЛУБ — „ШТУРВАЛ“

Начинает рассказ бывший командир подводной лодки, начальник клуба юных моряков **Николай Иванович Антонов**:

— На берегу Васильевского острова, где я чинил катер, увидел шестерых мальчишек, которые слонялись без цели. Разговорились. В пионерский лагерь не поехали, остались в Ленинграде. Чем заняться — не знают. Мечтают стать моряками. Я им и предложил: «Давайте устроим клуб юных моряков... Помещение найдем. Пригласим еще ребят». Они обрадовались. Первые занятия проводили прямо на берегу. Это и было началом клуба.

Рассказывает член клуба **Леня Хагий**:

— Помещение выхлопотал Николай Иванович. Модели, плакаты, наглядные пособия — сами делали. Изучаем флажную сигнализацию, радиотехнику, устройство корабля.

Рассказ продолжает член клуба **Игорь Кожемякин**:

— Иногда занятия проводим в музее Балтийского морского пароходства. Здесь узнаем о прошлом и настоящем торгового флота. Летом нас ждут походы на катере по Финскому заливу...

Рассказ Игоря дополняет член клуба **Сергея Богданов**:

— У нашего клуба много друзей: курсанты мореходных школ, ветераны флота, капитаны дальнего плавания. Мы хотим узнать все, что нужно настоящему моряку. Я уже умею управлять катером, хорошо плаваю, несу вахту, вяжу морские узлы и варю вкусные обе...

И заканчивает рассказ снова Николай Иванович:

— Теперь в клубе — несколько десятков ребят. Работают разные кружки. Можно учиться на радиста, штурмана, моториста, рулевого. А называли свой клуб ребята — «ШТУРВАЛ».

У всякого корабля есть капитан. Бывает, что один капитан уходит и на его место приходит другой, а корабль все плавает и плавает. Капитаны бывают знающие и неопытные. Разные. Но каждый корабль помнит своего самого-самого первого капитана, — капитана, ко

САМЫЙ ПЕРВЫЙ КАПИТАН

Сдаточный капитан
Балтийского завода
Леонид Григорьевич Леут

торый не ходил на нем в дальние походы и кругосветные плавания, сдаточного капитана.

Это — капитан-испытатель. Он первый испытывает построенный на заводе корабль. Проверяет машины, гирокомпас, работу аварийных насосов, каждый механизм. Все должно быть прочно, надежно, точно.

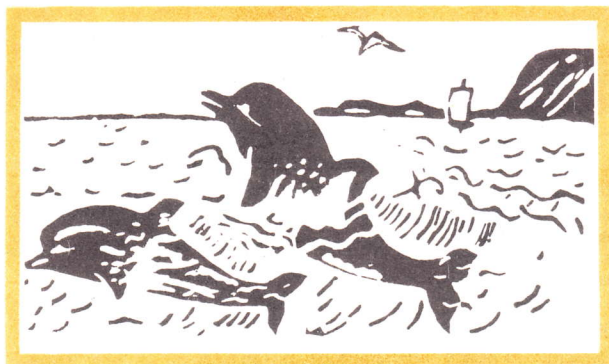
«Полный вперед!», «Стоп машина!», «Лево руля!», «Самый полный...».

Тысячетонная машина словно бы учится ходить: то влево заберет, то замрет, то разгоняется...

Все. Кончаются испытания. Корабль сдан. На мостике его стоит уже другой капитан, а сдаточный — здесь, на берегу, где у достроечной стенки ожидает его новый корабль. Ждет своего самого-самого первого капитана...

Ж. Тайцдина

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

«ДЕЛЬФИНЫ» Рисунок Павлика Бурлакова, Тюмень

НАХОДКА ВОДОЛАЗОВ

Майским днем прошлого года судно речного порта потеряло управление. Его понесло на быки Дворцового моста. Бросили якорь. А он зацепился за подводный кабель. Пришлось расклепать якорную цепь и бросить второй якорь. Подошло судно «Водолаз», и водолазы спустились под воду, чтобы найти потерянное.

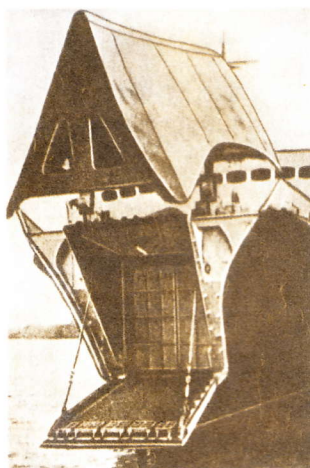
Под водой — темно, искали ощупью. Нашли якорь и подняли. Видят: не тот, — старинный, сильно заржавевший. Когда разобрались, поняли — этот якорь голландского купеческого корабля; пролежал на дне двести лет...

Снова спустились водолазы и наконец нашли тот якорь, что искали. Он лежал неподалеку.

Рассказ водолаза Н. М. Борикова записал юнкор из Ленинграда
Сергея Белозеров

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

„ВКАТЫВАЙ-ВЫКАТЫВАЙ“

Грузить и разгружать суда по-старинке — дело долгое. Но даже самые совершенные грузовые суда-контейнеровозы без кранов обойтись не могут: где трюмные люки, там и краны, одно с другим связано.

А если отказаться от трюмных люков?

Придумали конструкторы суда типа — «Вкатывай-выкатывай» (по-английски «Ролл-он—ролл-офф»). Вместо люков на палубе у таких судов —

люки в бортах в корме и носу. Открылись люки (лацпорты) — автопогрузчики покатали груз безо всяких кранов прямо в нутро судна. И разгружают также через лацпорты.

Люки запираются плотно, ни капли воды не попадает внутрь судна даже в самый сильный шторм.

В КУНСТКАМЕРЕ

Старинный пароход на Амуре

Позеленевшую монету Робинзону прислал Андрей Фазлеев из города Благовещенска. Андрей пишет:

«Я нашел три копейки 1867 года на берегу Амура. Мог ли их потерять матрос со старинного корабля? Наверное, мог... Я узнал, что первый пароход пошел по Амуру в 1854 году! Назывался он «Аргунь». Мне удалось разыскать и рисунок «Аргуни», который вам посылаю».

Отвечаем: «Аргунь» — один из первых русских пароходов. А самый первый пароход был построен в России в 1816 году и ходил из Петербурга в Кронштадт.

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

В клубе юных моряков «Дельфин» аккуратно ведется судовый журнал. Вот что записано в нем.

Учиться на 4 и 5!

Читать морские книги!

Учиться морскому делу.

(Из устава клуба «Дельфин»)

ИЗ ХРОНИКИ ДЕЛ КЛУБА «ДЕЛЬФИН»

11 июля. Закончили строить плот. Провели испытания. Плот плавает хорошо, только им трудно управлять.

26 июля. Сплели веревочную лестницу длиной 7 метров. После лазили по ней.

1 сентября. Прочли книгу Вильяма Виллиса «На плоту через океан».

21 сентября. Нашли чертежи подзорной трубы и начали ее делать. Отыскали две лупы. Третьей нету...

21 ноября. Провели пятое заседание клуба. Выбрали себе девиз: «Учиться военному делу настоящим образом».

17 марта. Изучили азбуку Морзе.

Краснодарский край, г. Лабинск

* * *

Мы организовали в своем доме отряд «Юнга». Девиз: «Никогда мы не оставим человека за бортом». У нас есть особая форма — темно-синие шорты, рубашка, пионерский галстук, гюйс и белые косынки. В отряд мы принимаем не всех: надо сдать норму на значок ГТО и хорошо учиться. Сейчас в нашем отряде 8 человек (одни девочки!). Мы помогаем друг другу в учебе.

Ульяновская обл., г. Дмитровград

Летняя встреча

12

СЕРИЯ

НАШ ГОСТЬ — АРТИСТ
ВИКТОР ПЕРЕВАЛОВ.

Выполняем вашу просьбу

ПОЧТА КИНОКЛУБА

КЛОУН, ЩЕНОК И
БАЛЕТНЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Виктор Перевалов снялся в двадцати семи кинокартинах, хотя ему только двадцать три года. Но вдруг его имя исчезло из титров фильмов. Перевалов стал солда-

Витя Перевалов в фильме
«Марья-искусница»

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ

том Советской Армии. Он учился в авиационной школе, овладел профессией авиационного техника. Недавно он вернулся из армии и вновь снимается.

Наши корреспонденты Л. Аркадьева и П. Соловей пригласили артиста в кино клуб «Костра».

— В фильме «Я вас любил» вы играли старшеклассника, влюбленного в свою ровесницу. Во многих письмах ребята спрашивают, может ли возникнуть любовь в школьные годы, могут ли дружить мальчик и девочка?

— После выхода фильма меня часто спрашивали: «А ты здорово ее любишь?»

«Балтийское небо»

Я играл в картине своего сверстника, самому мне влюбиться в эти годы не пришлось. Но думаю, что такое чувство еще в школе, конечно, возможно. Почему-то часто его проявляют странным образом. Как-то у нас в шестом классе один мальчик влюбился в девочку. Так он в кабинете химии, когда там никого не было, перебил все пробирки. Хотел показать девочке, какой он смелый.

Колю Голикова, героя фильма «Я вас любил», первое чувство сделало тоньше, богаче. Он открыл красоту в стихах, в музыке. Был и трудный для него момент: Коля поссорился с приятелем и с Надей. Но Коли-

на мама все поняла и помогла ему.

— Виктор! А какие у вас отношения с собственной, не «киношной» мамой?

— Я стараюсь ее слушаться. Но не всегда получается. Например, никак не могу привыкнуть класть вещи на место. Мама ворчит, но вещи я нахожу всегда там, где они должны быть. Иногда мне приходится уезжать на съемки в 6 утра. Открою глаза — а на столе уже горячая яичница, и какая вкусная!

Всю жизнь моя мама работала, вырастила троих сыновей. Самый дорогой для меня человек — мама.

Некоторые ребята боятся показать свою любовь к родителям. Поцеловать мать или отца на глазах у всех перед отъездом в пионерлагерь — «ни за что в жизни!» Чего доброго, еще прилепят ярлык «маменькин сынок!» Но быть черст-

«Тамбу-ламбу»

вым по отношению к родным — не значит быть самостоятельным!

— Виктор, был ли у вас в детстве друг?

— Так складывалось, что я постоянно снимался и почти не общался со своими сверстниками. Дружил со взрослыми. Од-

ним из моих друзей был артист Михаил Кузнецов. В перерывах между съемками «Марьи-искусницы» он решал со мной задачи и примеры по арифметике, старался, чтобы я не отставал и по другим предметам. И хотя я называл его Михаилом Артемьевичем, а он меня Витей, дружба наша, я считаю, была настоящей.

На соревнованиях по бегу, когда Виктор служил в Советской Армии

Когда мне было лет двенадцать, я крепко подружился с Димой из соседней квартиры. Были мы очень разные, хоть и одноклассники: Дима — физически развитый, сильный мальчишка, я — «жалкий хлюпик». Но я много читал — он не любил книг. А потом он увлек меня спортом, я его — чтением, особенно фантастики.

— Какие качества характера вы цените в людях?

— Однажды мне пришлось сниматься с Натальей Варлей. После «Кавказской пленницы» она казалась мне смешливой девчонкой, которой легко все

дается. И вот я увидел ее на съемках «Золота». Наташе по сценарию надо было пройти шестьсот километров, а она прошла, наверно, тысячу. Снимались зимой, на Кольском полуострове, температура минус 30. Ползали в снегу. Потом на пять минут в автобус погреться — и опять в снег. Одежда сразу становилась железной.

Наташа ни разу не пожаловалась! Ценю в людях волю!

Ценю духовную щедрость! Когда я снимался в фильме «Годен к нестроевой», режиссер упрекнул меня: «Мало юмора!» «Что же делать?» — растерянно спрашивал я. «Ищи», — отвечал режиссер. А я, как назло, ничего не мог придумать. И тут помог артист Михаил Пуговкин, который тоже снимался в этом фильме. Он долго присматривался ко мне и однажды сказал: «Давай, Витя, попробуем вместе». И он показал, как я, солдат, должен оправдываться перед ним, старшиной, за то, что в поисках коня прогулял всю ночь. И роль сразу ожила!

Актеры часто помогают друг другу. Почему же я вспомнил именно Пуговкина? Потому что помогал он очень деликатно, так, что мне была приятна и нужна его помощь.

Что важно — понять состояние другого, а значит, быть внимательным и добрым. Ребята доброты почему-то стесняются. Ведь видят же они добрых и чутких людей в фильмах и читают о них в книгах. Почему же наша жизнь должна быть беднее?!

— В каком фильме вы хотели бы сняться?

— Меня очень тревожат мальчишки, которые после школы бродят по улицам, часами стоят в подворотнях. Мне хочется сыграть героя, который заставил бы таких мальчишек задуматься над целью жизни.

Выполняем вашу просьбу

Сейчас в зарубежных странах проходят международные кинофестивали. Очень хотелось бы узнать подробнее о них: в каком году был проведен первый кинофестиваль? Какие цели они преследуют?

До свидания.

Люда Макарычева,
Новосибирск

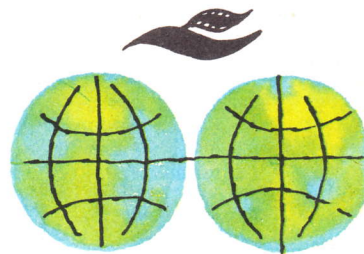
На письмо Люды отвечает
киножурналист Юрий Голубенский

Коробки с кинолентой путешествуют по планете

Сколько фильмов выпускается в мире за год? Подсчитали — примерно три тысячи. Есть пустячки. Есть выдающиеся произведения искусства, которые достойны, чтобы с ними знакомились люди на всей земле. На международных фестивалях как раз и можно узнать, какие же фильмы из трех тысяч лучше.

«Фестиво» по-латыни — праздник.

В итальянском городе Кортина

д'Ампеццо проводятся международные фестивали спортивных фильмов. В Монте-Карло, в карликовом княжестве Монако, соревнуются фильмы для телевидения. В Кракове — короткометражные картины. В Бергамо (Италия) — фильмы об искусстве. Есть фестивали кинолент о море, о горах, о рыбаках, о туристах...

Но самые популярные в мире —

четыре международных фестиваля художественных фильмов. Весной — в Каннах (Франция), летом в Москве или Карловых Варах (в этих городах фестиваль проводится раз в два года поочередно). Осенью — в Венеции.

У каждого из главных фестивалей свои особенности.

Самый старый — Венецианский, впервые его провели в 1932 году.

Самый нарядный — Каннский. Первый Каннский должен был открыться 1 сентября 1939 года, но в этот день в Европе началась вторая мировая война, и фестиваль открыли только после победы над фашизмом — в 1946 году.

Самый серьезный — Карловарский. На нем организуются дискуссии ученых-искусствоведов, конференции работников кино.

Московский — самый представительный! Свои фильмы показывают в Москве больше пятидесяти стран: столько участников не бывает ни на одном фестивале.

Есть еще и «Фестиваль фестивалей». На нем показывают фильмы, уже получившие призы на предыдущих конкурсах. Это — парад победителей. В 1971 году он состоялся в Белграде, а до этого, начиная с 1959 года, проводился в мексиканском курортном городе Акапулько.

В капиталистических странах на кинофестиваль съезжается множество «светских людей». Просмотры для них — это развлечение, возможность блеснуть туалетами. Подъезды отелей осаждают журналисты. О самих фильмах они пишут мало. Зато сообщают, что Катрин Спаак в своем длинном черном платье всегда танцует босиком, что, аргентинский киноактер Родольфо Фоонтан содержит на ферме тысячу крокодилов, что два фран-

цузских актера вымыли головы белым вином...

Иногда в ритм фестивалей врываются отзвуки классовых боев. В 1968 году бастовали миллионы французских рабочих. Прекратили движение поездов. Остановили работу авиалинии.

И тогда в Каннах участники фестиваля постановили на митинге: в знак солидарности с рабочими бастовать!

К началу очередного сеанса в зале поднялся шум. Часть публики кричала: «Просмотр! Просмотр!» Механики хотели начать показ фильма, попытались раздвинуть занавес перед экраном, но бастующие удержали полотнища.

Дирекция приняла решение: фестиваль закрыть.

Есть на фестивалях люди, которые обязаны смотреть все фильмы — подряд и до конца. Такая у них работа. Это члены жюри.

Иному покажется — подумаешь, работа! Смотри фильмы! Очень приятно. На самом деле это трудно. Надо обладать талантом, опытом, знаниями, чтобы оценить художественный уровень каждого фильма, работу режиссера, оператора, актеров.

После просмотра — споры. Иногда они затягиваются на долгие часы. Двери зала заседаний плотно закрыты для посторонних, бумаги на столах лежат текстом вниз: был случай, когда официант, разносивший лимонад, прочитал заметки членов жюри и рассказал их содержание репортерам, томящимся за дверями.

Наконец наступает торжественный итоговый вечер. До отказа наполняется зал. Победителям вручаются награды.

Во время фестивалей на страницах газет можно видеть заголовки: «Эк-

ран — поле сражения», «Экран — арена борьбы», «Фильмы спорят»...

Потому что международные кинофестивали — это всегда борьба идей. Борьба различных художественных принципов. Борьба мировоззрений.

КТО ЛЮБИТ

1. Это кадр из фильма, который получил 1-ю премию на втором конкурсе детских фильмов Московского кинофестиваля. Что это за фильм и кто его режиссер!

2. С какого года на Московском международном кинофестивале стали устраивать конкурсы детских фильмов?

В 1968 году краеведы школы собирали материал о прошлом нашего села Ужпаляй, о людях, погибших за Советскую власть.

Собрали немало фотографий, записали интересные рассказы, но чувствовали — этого мало. Хотелось придумать что-то необычное. Вот бы получить кинокамеру да фильм снять! Но у школы на это не было средств.

На наше счастье, заведующий отделом народного образования района Алоизас Бакаис был страстным любителем самодеятельного кино. Он понял нас и помог одолжить кинокамеру у отдела народного образования.

Как будто зная о наших мечтах, колхоз «Ужпаляй» вручил школе подарок — киносъёмочную камеру «Киев».

Надо было овладеть техникой съёмки. Ни практических навыков, ни специальной литературы у нас не было, но упорства хватало.

Мы сняли документальные фильмы «День памяти», о народном защитнике, комсомольце Витаутасе Миколаускасе, и «Юбилейный салют», посвященный столетию со дня рождения В. И. Ленина.

В окрестностях Ужпаляя живет немало талантливых людей, трудолюбивых, с богатым воображением. Мы побывали в гостях у народного мастера резьбы по дереву Пранаса Римшикиса, у ткачихи Броне Уборявичене — она умеет на тканях передавать все цветы лугов Литвы. И мы решили снять кинофильмы

Советские фильмы и киноленты социалистических стран борются за лучшее будущее для человека.

И для многих серьезных художников капиталистических стран фильм — это разговор о важном, о самом зна-

чительном в жизни. Но есть и дельцы, для них кино — лишь источник денег. Дельцы создают веселые, глуповатые фильмы-пустячки. Обычно эти пустячки так похожи друг на друга, что трудно поверить, будто их делали в разных странах.

А иные художники снимают картины, которые просто враждебны человеку: они прославляют войну или расизм, убийства или отчужденность людей.

Потому-то фильмы и спорят между собой. Потому-то и закипают страсти в кулуарах, на совещаниях жюри.

На Московском международном кинофестивале соревнуются только те фильмы, которые отвечают его девизу: «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!».

«Московский фестиваль, — говорит итальянский режиссер Ив Чампи, — не похож ни на какой другой. Здесь завязывается дружба!»

В 1958 году на первый Московский фестиваль приехали делегаты из сорока двух стран, а на прошлый, в 1971 году, — из семидесяти трех. Так вырос авторитет фестиваля за несколько лет!

На прошлом фестивале в Москве соревновались самые разные фильмы: серьезные и смешные, игровые и мультипликационные. Но сразу же и жюри, и зрители выбрали из них политические, яркие, отважно сражающиеся против зла, — за справедливость, за гуманизм, за дружбу всех людей.

Вот и нынешним летом на VIII Международный московский фестиваль приедут режиссеры, артисты, сценаристы, операторы. Откроют металлические коробки, в которых лежат черно-белые и цветные, взрослые и детские, на разных языках киноленты со всего света.

И начнется праздник.

ЗНАЕТ КИНО?

3. Юрий Никулин — клоун. Почему же он участвовал в работе V Московского кинофестиваля?

4. Какое отношение имеют к московским кинофестивалям щенки, черные котенки, балетные туфельки и футбольный мяч?

Киноклуб принимает ответы до 15 сентября.

«Дерево заговорило» и «В гостях у народных мастеров».

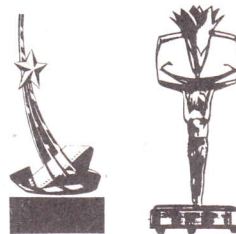
12 апреля 1970 года на республиканском 12-м фестивале любительских кинофильмов наша лента «В гостях у народных мастеров» была награждена дипломом 1-й степени, медалью лауреата и переходящим призом за лучший восьмимиллиметровый фильм.

Возникла мысль снять игровой фильм «Впускной вальс». За дело взялись Ионас Меркис, Ионас Репшис и другие ребята. Все очень волновались. Но сколько было радости, когда, наконец, кончили монтаж, когда увидели своих друзей на экране!

Ванда Кулешене,
учительница Ужпалайской средней школы
Утенского района Литовской ССР,
Альгимантас Юкнис,
руководитель кружка кинолюбителей

НАГРАДЫ ФЕСТИВАЛЕЙ

Слева — Большой приз Московского кинофестиваля
Справа — приз Международного фестиваля телефильмов в Александрии АРЕ

На каждом фестивале учрежден свой главный (иногда его называют «большой») приз. Есть награды за лучший сценарий, за лучшую режиссуру, за операторское, за актерское мастерство.

В книгах по киноискусству можно прочесть, например: «Отец» (Венгрия) — «Золотая пальмовая ветвь». Это означает, что венгерский фильм «Отец» получил главный приз на международном фестивале в Каннах.

Первый приз, как правило, золотой. Второй — серебряный.

Большой приз Московского фестиваля выглядит так: с прямоугольного основания устремлены вверх три луча, увенчанные пятиконечной звездой. Это напоминает ракету, уносящуюся в неизвестное.

«Золотой лев» — высшая награда Венецианского фестиваля

Оформление Г. Никеева

АВАРИЙНЫЙ ФОНАРЬ

Генри Лоусон

Рисунок М. Майофиса

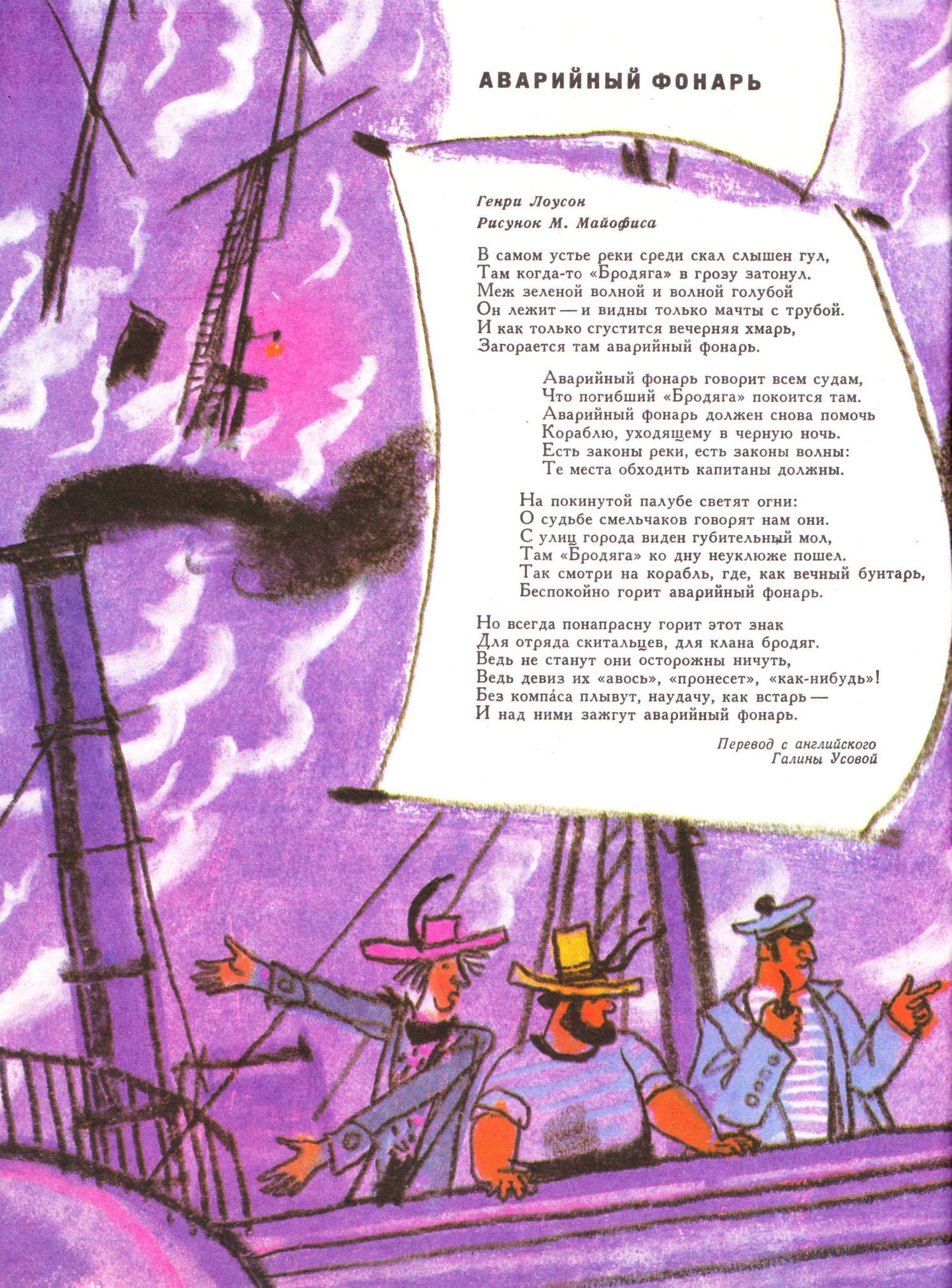
В самом устье реки среди скал слышен гул,
Там когда-то «Бродяга» в грозу затонул.
Меж зеленой волной и волной голубой
Он лежит — и видны только мачты с трубой.
И как только сгустится вечерняя хмарь,
Загорается там аварийный фонарь.

Аварийный фонарь говорит всем судам,
Что погибший «Бродяга» покоится там.
Аварийный фонарь должен снова помочь
Кораблю, уходящему в черную ночь.
Есть законы реки, есть законы волны:
Те места обходить капитаны должны.

На покинутой палубе светят огни:
О судьбе смельчаков говорят нам они.
С улиц города виден губительный мол,
Там «Бродяга» ко дну неуклюже пошел.
Так смотри на корабль, где, как вечный бунтарь,
Беспокойно горит аварийный фонарь.

Но всегда понапрасну горит этот знак
Для отряда скитальцев, для клана бродяг.
Ведь не станут они осторожны ничуть,
Ведь девиз их «авось», «пронесет», «как-нибудь»!
Без компаса плывут, наудачу, как встарь —
И над ними зажгут аварийный фонарь.

Перевод с английского
Галины Усовой

Наш корреспондент встретился с Валентином Манкиным в физкультурном зале сто тридцать шестой школы Киева, где он беседовал с ребятами. И каких только вопросов не задавали:

была ли у вас мечта о белых парусах? какая у вас обыкновенная биография? и какая спортивная? выносливый ли вы человек? знакомились ли вы за границей с детьми? что вы любите больше всего в спорте? какой у вас главный секрет? И еще много других.

— Без мечты, — начал олимпийский чемпион, — и жизни настоящей быть не может. И хоть жизнь у меня в юности была не из легких — белый парус стал моей мечтой.

Жили мы на Днепре, и здесь не плавать мальчишке — невозможно. Плавал саженками, брассом, кролем... Любил плавать... И вот однажды на Днепре увидел лодку под белым косым парусом и потянулся к морю, хоть и никогда в жизни его не видел. Что такое яхта? Это суденышко, на котором можно идти против ветра. Ветер почти навстречу дует, а яхта бежит себе упрямо и выбирается против ветра... Значит, на паруснике можно идти куда хочешь и плыть, плыть и плыть. Из Днепра в Черное море, оттуда — в Средиземное, потом — в океан... Но чтобы парусник мой выбрался в океан — понадобились долгие годы...

Биография у меня обыкновенная. Вырос я в Киеве, учился в этой вот, в 136-й школе. Стал пионером. Увлекался гимнастикой и баскетболом, ходил в бассейн. Сейчас в Киеве больше двадцати бассейнов, а тогда был всего один, на Красноармейской улице... И брали только тех, кто уже отлично плавал. Наконец, стал я заниматься парусным спортом, ходить под парусами. Яхточку выбрал самую маленькую, типа «Финн»¹. Почему маленькую? Во-первых, с ней легче управляться и выходить можно одному. И готовить ее к сезону быстрее, а значит, и плавать можно начинать рано, пока еще снег не сойдет. И чинить нетрудно: все у «Финна» небольшое — корпус, мачта, парус. А я все люблю делать сам, своими руками — и парус шить, и мачту, и корпус ремонтировать...

Осенью и весной много времени уходило на тренировки: значит, в школе, во второй и третьей четверти, приходилось нажимать на учебку и набираться, если так можно сказать, знаний про запас. Но учился я хорошо, за что большое спасибо моим учителям...

Когда тяжело заболела моя мать, я пошел работать, а школу заканчивал уже вечернюю. Отец у меня строитель, ну и я подался на стройку. Работал сначала бетонщиком, потом арматурщиком. Еще труднее стало: спорт, учебка и работа... И все же школу я окончил с серебряной медалью. Так я завоевал свое первое

¹ «Финн» — это швертбот, но в этом очерке будем называть его яхтой.

О ТОМ, КАК ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ МЕЧТА

Рассказывает
Валентин Манкин,
олимпийский
чемпион

в жизни «серебро»... Через год в Таллине я — участник чемпионата страны. Увидел впервые море. Но во второй гонке сильный шквал выбросил мою яхточку на камни; и волны разбили ее. Я добрался до берега вплавь, сел возле обломков и заплакал...

— Итак, моя спортивная биография началась несчастливо. Я разбил свою первую яхту, удивительно легкое и быстроходное суденышко. «Финны» одни из самых скоростных яхт и в хороший ветер начинают глиссировать, то есть скользить по самой поверхности воды. На своем «Финне» я даже устраивал на Днепре гонки с моторками и речными трамваями и обгонял их.

Первая неудача пошла мне на пользу.

Получил я другого «Финна», поновее. Привык к нему, настроил, как говорят яхтсмены, и начал выигрывать на соревнованиях. Медленно, но верно мой «Финн» выходил в океан. Соревнования, в которых я участвовал, уводили мой «Финн» все дальше от Днепра — на Черное море, на Балтику, в Северное море и,

наконец, в Атлантику и в Тихий океан. Самолеты переносили меня в разные страны, и только в Париже мне пришлось побывать больше двадцати раз... Спорт требовал напряжения всех сил — и физических, и умственных, и духовных. Я изучал конструкции разных яхт — больших и маленьких, покррой различных парусов, гидродинамические ка-

чества их корпусов. Если я видел за рубежом хорошую быстроходную яхту, я вскидывал свой фотоаппарат и — шелк! — ее снимал со всеми особенностями ее такелажа или рантгоута, и снимок отправлялся в мою походную спортивную сумку, а потом в мой архив — чтобы позднее, на досуге можно было разобраться, что здесь нового, усовершенствованного...

Я изучил английский язык, чтобы читать литературу о яхтах и морском флоте (а ее очень много), что выходит на английском языке. Этот язык я хорошо изучил, и мне приходилось на международных соревнованиях быть добровольным переводчиком.

Вы думаете, что главным для меня были гонки? Не совсем так. Ведь гонки — это лишь результат долгой, но интересной подготовки к ним. Сначала мне нравились не столько гонки, а именно тактическая подготовка. На макетах я изучал технику стартов, ошибки лавировки, навигационную обстановку гонок. Изучал морское дело и историю парусного флота.

И вот я начал чувствовать ветер, даже видеть его. Он стал для меня цветом. В Мексике, в заливе Акапулько, я видел ветер красного цвета. Он летел издалека. Вот он по-

ворачивает вдоль берега, где мы ждали его с повисшими парусами. Иногда видел, как он уходит, отклоняется, и я ловил его последние дуновения.

Как-то я рассказал о цветном ветре одному старому и опытному яхтсмену, и он отлично понял меня. Видимо, это — особая обостренность нервов. Говорят, некоторые музыканты так чувствуют окраску звуков.

Многолетний опыт, тренировки, воля приводили меня к победам на Балтийских регатах и на Черноморских, в Севастополе и в Варнемюнде, в Ленинграде и в Бордо, в Риге и в Токио. Это долгий и нелегкий путь побед, и я назвал бы его поиском истины.

Иногда неожиданно для соперников я упрямо шел к победе и обгонял другие яхты, хотя на старт их выходили десятки. Каждый раз, выходя в море, я внимательно изучал его. Оно всегда разное. И чтобы победить, нужно решать сложнейшие задачи. Все должно быть на учете, замечено — море, волны, ветер, движения яхт. Ничто не должно подвести. Все должно быть за тебя.

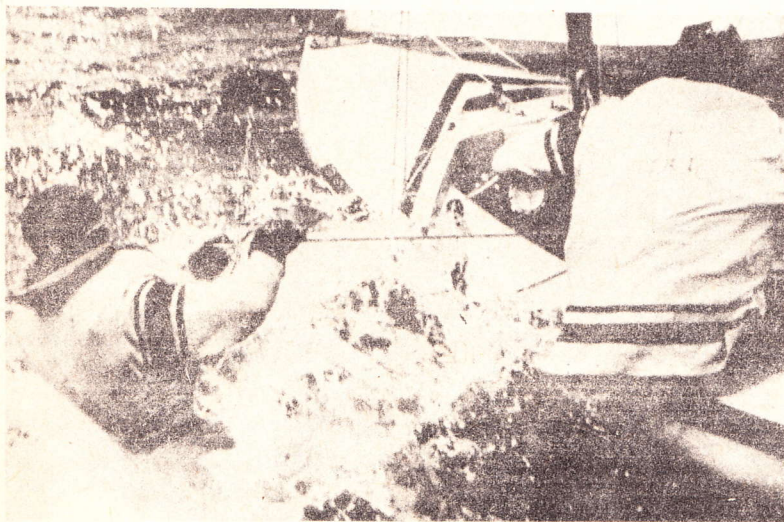
И вот, наконец, самые большие победы — Олимпийские игры в Мехико и Мюнхене.

Удивительное у меня было чувство, когда в Киле, в этой цитадели военно-морского флота Западной Германии под звуки нашего гимна поднялся вверх наш красный, советский флаг. Тогда-то я понял, чего стоил этот многолетний путь от того дня на Днепре, когда я впервые увидел парус, и до этой вот минуты в Киле. Как-то мой хороший друг — олимпийский чемпион Валерий Борзов сказал: «Знаешь, эти победы, эти метры, эти секунды — иногда они стоят десятка лет жизни... Но ведь стоят того...» И я думаю, что стоят.

Гонки порой бывают очень трудные. Налетает штормовой ветер, ломает мачты, переворачивает яхты. До финиша добираются лишь самые умелые, смелые, выносливые. И если уж говорить о выносливости, то я расскажу об одном случае на Киевском море...

Однажды, ранней весной — все еще в шубах ходили — вышел я на своем «Финне» на тренировку в Киевское море. Кое-где ледок, над водой местами туман. Ушел я километров за десять от берега, и вдруг поднялся сильный ветер. Волна пошла, брызги полетели. Стал я уходить к берегу. Мой «Финн» летел, словно птица. Когда же до берега оставалось не более полукилометра, сломалось рулевое управление... Яхту бросило в сторону, накренило, перевернуло. А я очутился в ледяной воде. И меня сносит в туман, где уж никто наверное не увидит и не поможет.

Поплыл изо всех сил к берегу. Плыву в сапогах и в тяжелой одежде. И если бы не годы физической тренировки и закалки, не выплыть бы мне тогда... А я добрался до берега и по-

том — бегом, к ближайшему жилью греться. И даже — поверите ли — не заболел, не простудился.

И самые гонки требуют большой физической выносливости. Знаете, как я телевизор по вечерам смотрю? Стоя на цыпочках. Целыми часами. Тренирую пальцы ног на выносливость. Потому что удары волн в легкий корпус небольшой яхты рулевой как бы смягчает, принимая их на кончики пальцев. Яхтсмен ногами как бы «гасит» удар волны.

Сейчас я хожу на яхте размерами побольше, чем мои прежние «Финны», на «Темпесте». На нем мы выходим вдвоем — я и шкотовый, помощник. Он с парусами работает. Так вот, больше одного сезона у меня шкотовые не выдерживают: тяжело у меня работать. И сейчас я как раз ищу нового шкотового. Может быть, кто-нибудь из вас, вот только подрастет немного, и будет плавать со мной на «Темпесте»...

...Теперь я расскажу о славном мексиканском мальчишке, Дугласе Слоппе. Познакомился я с ним на предолимпийской регате в Мехико, в 1967 году. Я приехал в залив Акапулько, чтобы получше узнать океан и те новые условия, в которых мне предстояло гоняться. И так уж было устроено, что каждому яхтсмену в помощь были прикомандированы мальчишка или девчонка — дети яхтсменов местного мексиканского яхт-клуба, кое-что смыслящие в парусах и яхтах. Мне достался Дуглас. Я говорю «достался», потому что ребята тянули жребий — кто к кому. Дуглас был веселый и крепкий мальчуган, черноволосый, загорелый и очень любивший разукрашивать свой живот карандашными рисунками на олимпийские темы — на манер татуировки.

Честно сказать, без Дугласа при сорокаградусной мексиканской жаре я пропал бы. Я приходил с гонок и скрывался в тени номера. Мог только лежать и слушать пластинки с родными украинскими песнями.

Дуглас, привычный к солнцу, чистил яхту и приводил в порядок паруса и такелаж. Я же набирался сил для следующих гонок.

Занял я тогда одиннадцатое место и расстроился. Конечно, я понимал: лодка, которую мне дали (а мы гонялись на мексиканских яхтах), старая, жара тропическая, обстановка непригодная. Я расстроился, а Дуглас, тот просто плакал...

Приезжаю на следующий год, уже на XIX Олимпийские игры. Узнаю, что Дугласа поставили к другой яхте, как по жребию выпало. И знаете, что Дуглас сделал? Стал меняться яхтами с другими мальчишками и в результате каких-то сложных расчетов попал ко мне. Чего ему это стоило, я не знаю... И снова был сильнейший зной, изнуряющая жара. И снова Дуглас делал с моей яхтой чудеса — все на ней

блестело и сияло, все в полном порядке. Эти Олимпийские игры, как вы знаете, я выиграл, стал олимпийским чемпионом. Но вижу: Дуглас снова в слезах! В чем дело?

— Да, — говорит, — мы, конечно, с тобой победили, но ведь больше мы никогда не увидимся... Потому я и плачу.

— Дуглас, — сказал ему я, — будь мужчиной. Мы с тобой еще непременно увидимся. Тренируйся. Побеждай. Расти. Может быть, на Олимпийских играх в будущем мы с тобой и встретимся...

Прошло уже несколько лет. Пожалуй, на старте XXI Олимпийских игр я буду поглядывать: а нет ли среди гонщиков моего друга — Дугласа Слоппе.

ГЛАВНЫЙ СЕКРЕТ ЧЕМПИОНА

ПОСЛЕСЛОВИЕ КОРРЕСПОНДЕНТА „КОСТРА“

Когда мы с Валентином Григорьевичем вернулись к нему домой после встречи с ребятами, Валентин Григорьевич дал мне целую стопку тетрадей разного формата и толщины. Это были дневники, которые олимпийский чемпион ведет уже много лет. С дней своей юности, с того первого часа своей спортивной биографии, когда он шестнадцатилетним парнишкой в первый раз почувствовал в руках жесткие шкоты паруса и щекой ощутил ветер, разгоняющий его яхту.

В дневнике есть и расчеты силы ветра, и чертеж вагона-контейнера, в котором перевозят яхту по железной дороге, и новый раскрой парусов, и распорядок дня на время очередных состязаний.

В дневнике — наблюдения и размышления — о спорте, о яхтах, о жизни, о людях...

Вот что записано на самой-самой первой страничке самой-самой первой тетради: «В парусном спорте нельзя сказать, что является самым главным, то ли сила физическая, работа ли над лодкой, образование ли. В парусном деле все до самых мелочей является главным. Рано или поздно тебе все пригодится...»

И запись позднее, уже через несколько лет, после очередной победы: «В основе успеха — самокритичное отношение к себе. Как сделать лучше? Об этом нужно думать каждый из 365 дней. Иначе кто-то сделает раньше и лучше тебя и выиграет на финише...»

И наконец, запись на последних страницах тетради 1971, предолимпийского года:

«Главные задачи на 1972 год:

1. Олимпийский критерий: занять 3—6 место
2. Чемпионат Европы — 1—3 место
3. Кильская регата — 1—6 место
4. Олимпийские игры — 1—3 место.

А потом он делает поправку в конце года красным карандашом: Олимпийские игры — 1 место!

Конечно, секретов у чемпионов бывает много. Но вот этот дневник, я думаю, один из главных секретов Валентина Манкина...

Олег Орлов

СЦЕНКА-ШУТКА, которую можно разыграть на сцене пионерского лагеря или просто во дворе

ТЕАТР

Действующие лица:

СЕРЕЖА
ПЕТЯ, его друг
БАБУШКА Пети
КАССИРША
ГРАЖДАНКА в очереди

Слева — крыльцо. Справа — касса магазина. И то, и другое до поры скрыто занавесом. Видна лишь середина зала.

1

СЕРЕЖА и ПЕТЯ выходят, оба — невеселые.

СЕРЕЖА. Петь, а Петь! Чем бы таким интере-е-есным-интересным заняться?

ПЕТЯ. Нечем вроде.

СЕРЕЖА. Петь, давай знаешь что?...

ПЕТЯ. Что?

СЕРЕЖА. Давай в рифмы играть.

ПЕТЯ. Это как?

СЕРЕЖА. А вот я тебе что-нибудь скажу, а ты мне тоже что-нибудь скажи. Например, я скажу: «Чудюдо рыба кит», а ты: «По-немецки говорит». Или я скажу: «Петь, пойдём куда-нибудь», а ты: «Я в любой согласен путь».

ПЕТЯ. А что, это интересно. Давай попробуем. А если кто проиграет, тогда как?

СЕРЕЖА. Покупает... мороженое! Пломбир в шоколаде. На двоих. Согласен?

ПЕТЯ. Денег нету.

СЕРЕЖА. Сейчас нет — потом будут.

ПЕТЯ. А если кто другой с нами заговорит — тоже складно отвечать?

СЕРЕЖА. Ясное дело.

ПЕТЯ. Ой-о-ой!...

СЕРЕЖА. Не ойкай. Начали!.. И — даешь пломбир!

ПЕТЯ. А... а где находится город Армавир?

СЕРЕЖА. Это к делу не относится.

ПЕТЯ. Зато рифма сама так и просится... А что — все я рифмую да я?...

СЕРЕЖА. Такая уж, Петя, судьба твоя.

Открывается левая часть сцены. На крыльце стоит БАБУШКА. Она смотрит из-под ладони, ищет ПЕТЮ.

БАБУШКА. Петя, где ты?!

СЕРЕЖА. Петя, бабушка зовет.

ПЕТЯ. Сейчас в магазин за хлебом пошлет...

БАБУШКА. Петя, поди-ка сюда на минутку!

ПЕТЯ и СЕРЕЖА подходят.

ПЕТЯ. Знаю, знаю твою прибаутку.

БАБУШКА. Петенька, у меня к тебе дело...

ПЕТЯ. Не стесняйся, выкладывай смело!

БАБУШКА. Петя, сходи за булочкой.

ПЕТЯ. А какой мне идти улочкой?

БАБУШКА. Ты что — нездоров?

ПЕТЯ. Здоровее всяких коров!

БАБУШКА (пожимает плечами). Ничего не понимаю... Что с ним, Сережа.

СЕРЕЖА. С ним? Ничего же.

БАБУШКА. А голову мне зачем морочите? (Смотрит на Сережу).

СЕРЕЖА. А вы в рифмы играть не хотите?...

БАБУШКА (смотрит на Петю). Так... Понимаю: очередное дурачество.

ПЕТЯ. Что ты, бабушка! Это стихи высшего качества!

БАБУШКА. А вот я пойду расскажу отцу...

ПЕТЯ. Ябедничать, бабушка, тебе не к лицу.

БАБУШКА. Тьфу, окаянные! Вечно что-нибудь выдумают... (Пете). На вот полтинник и — живо носи три батона!

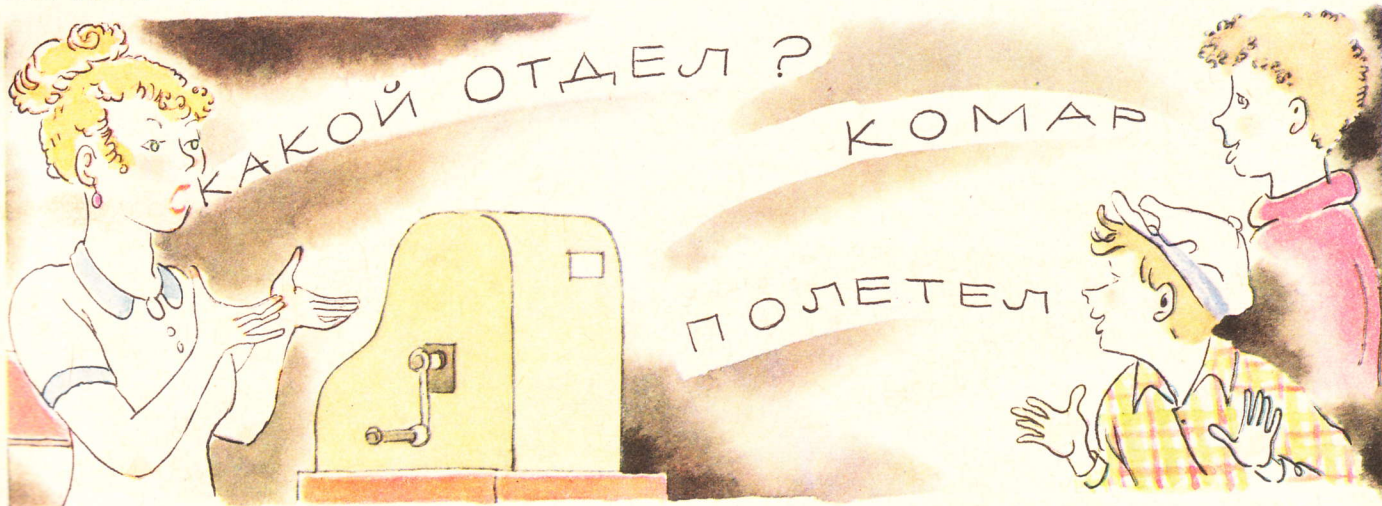
ПЕТЯ. Три?! Это же — целая тонна!.. (Серже)
Уф-ф!.. Устал рифмовать.
СЕРЕЖА. Слушай, а когда ты пломбир пойдешь по-
купать?..

ПЕТЯ И СЕРЕЖА убегают. Занавес закрывает левую
часть сцены. Открывается правая.

Касса. КАССИРША. Небольшая очередь, которая посте-
пенно расходится. В конце очереди — ПЕТЯ и СЕРЕЖА.
Подходит ГРАЖДАНКА.

ГРАЖДАНКА. Кто последний? Мальчики, вы?

ПЕТЯ (кассише). Тридцать девять.
КАССИРША. Какой отдел?
ПЕТЯ. Гм... Кхм... Комар полетел!..
КАССИРША (грозно). Я спрашиваю — отдел какой?!
ПЕТЯ. Отдел?.. (мучительно соображает) Отдел — хле-
е-бный-хлебный такой!..
КАССИРША (Серже). Это твой друг? Он что — не-
многожко того?.. (Крутит пальцем у виска).
СЕРЕЖА. Немногожко есть, но это ничего.
КАССИРША. А ну, забирайте чек и — марш от кассы!..
Следующий!

ПЕТЯ и СЕРЕЖА растерянно переглядываются, подтал-
кивают друг друга и... молчат.

Занавес закрывает кассу. Сцена некоторое время пуста.

Выходят ПЕТЯ и СЕРЕЖА

ГРАЖДАНКА. Я спрашиваю: последние — вы? (Смот-
рит на Петю).

ПЕТЯ. Последние — мы, увы.

ГРАЖДАНКА. «Увы»? А ты, мальчик, шутник.

ПЕТЯ. Ага, шутник (показывает на Серēju). Я его
ученик.

ГРАЖДАНКА (Серже). Чему же ты научил своего
друга?

СЕРЕЖА. А ничему. Пустая башка..

ГРАЖДАНКА (смеется). Какие веселые дети!

ПЕТЯ (толкает Серēju). А ты, умная голова, молчи!

СЕРЕЖА (толкает Петю). А ты покупай скорей свои
калачи!..

ПЕТЯ (считает сдачу. Под мышкой у него три батона).
Осталось одиннадцать копеек сдачи...

СЕРЕЖА. Ловко ты решаешь задачи!

ПЕТЯ. Знаешь, мне в рифмы играть надоело...

СЕРЕЖА. Мне — тоже. Кончаем это дело!

ПЕТЯ. Все! Говорим нормально.

СЕРЕЖА. Больше не будем играть.

ПЕТЯ. Я тоже. Ну, ладно, пойдем эскимо покупать
Хоть я и не проиграл, а куплю!

Занавес

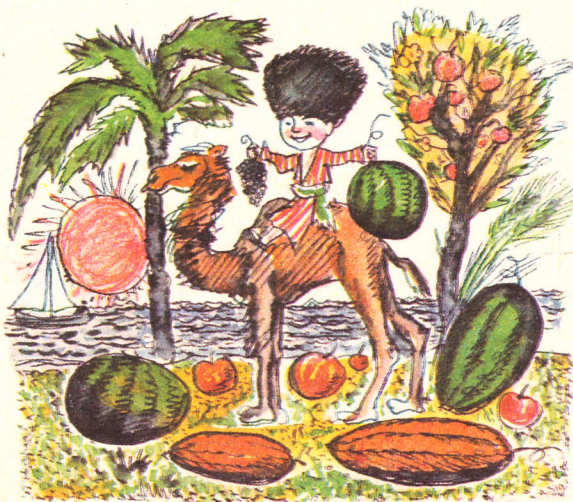
Рисунки Б. Семенова

РИСУНОК ПУСТЫНИ

Наталия Юркова

В пустыне
Леса и сады
Не растут,
Над желтым песком
Облака не плывут,
Нет рек и озер,
Не бывает дождей,
Пески
По равнине
Метет суховея.

Рисунок
За десять минут
По часам
Я сделал бы,
Лист разделив
Попалам,

Пески
Желтым цветом
Покрасив в пустыне,
А сверху налив
Неразбавленной
сини.

Но я
Над рисунком
Сажу два часа —
Рисую каналы,
Сады и леса,
Большие арбузы
И дыни,
Что вырастут
В жаркой пустыне.

Рисунок В. Голявкина

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА!

Шахматисты! Очередные 10 очков вы получите, выполнив боевое задание из двух этюдов.

А. Белые: Kpd5, Ce3, п.g6; черные: Kpf8, пп.e7, h7. Выигрыш.

Б. Белые: Kpb2, Lh3, пп.c7, e2; черные: Кра7, Лс1, Лс4. Ничья.

Шашисты! Вам принесут 10 очков две победные (за белых) комбинации бывшего архебековца, а теперь — известного шашечного композитора Сергея Малышева.

А. Белые: а3, b2, d2, e3, f4, g5; черные: b4, b6, c5, d6, f8, g7.

Б. Белые: а1, b4, c3, c5, f4, g5, h6; черные: а3, c7, d6, d8, e7, f6, h4.

КОМИТЕТ „ВОПРОС — ОТВЕТ!“

«Как решаются задачи, я знаю. А вот как решают шахматный этюд?» — спрашивает Саша Бурляев.

В этюде тоже происходит яростное сражение двух армий. Но в задаче ты должен найти мат в указанное число ходов, а в этюде число ходов ты не связан. В этюде на выигрыш надо показать, как белые добиваются явного перевеса в силах (или дают мат); в этюде на ничью — как белые уравнивают силы (или получают явно ничейную позицию).

ТЫ САДИШЬСЯ ЗА ДОСКУ

Бросили жребий — твои белые, ты сыграл 1.e2—e4, и противник ответил 1...e7—e5. Тебе — продолжать. Ты можешь пойти конем — и это отличный ход — с g1 на f3, чтобы разыгрывать испанскую партию, или итальянскую, или дебют двух, или трех, или четырех коней. В твоём распоряжении и ход Kb1—c3, ведущий к венской партии. Но как бесстрашному рыцарю славного АРЧЕБЕКА, тебе более всего подобает пойти 2.f2—f4!, увлекая противника в пучину королевского гамбита.

Королевский гамбит — дебют отважных! В умелых руках — грозное

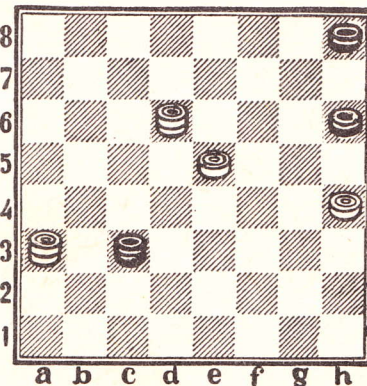
оружие. Гамбит значит «жертва». Ходом 2.f2—f4 ты жертвуешь пешку. Но зато — вражеская пешка е5 устранилась из центра и ты, сыграв d2—d4, станешь там властелином; ты открываешь линию f и на ней сосредоточишь огонь тяжелых фигур — ферзя и ладей — по крепости черного короля; тебе удастся быстро мобилизовать силы и начать наступление.

Только не вообрази, что ходом 2.f2—f4 ты уже обеспечил победу. Ты еще даже не получил преимущества: назревающая атака белых и защита черных пока в равновесии. Но в одном ты можешь быть уверен — заявится увлекательнейший стремительный открытый бой, где противники мчат друг на друга с поднятым забралом. Бой вроде, например, случившегося в такой партии —

1.e4 e5 2. f4 ef 3.Kf3 g5 4.Cc4, g4 5.C:f7+ (лучше 5.0—0! gf 6.F:f3, и у белых сильная атака) 5... Kp:f7 6.Ke5+ Kрe6? (надо было Kрe8 7.F:g4 Kf6) 7.F:g4+ Kр:e5 8.d4+ Kр:d4 9.b4 C:b4+ 10.c3+ C:c3 11.K:c3 Kр:c3 12.Cb2+ Kр:b2 13.Фe2+ Kр:a1 14.0—0X.

КТО СКАЗАЛ ЧТО?

Рыцарята Знай, Незнай и Полузнай зашли в клуб, а там двое играли в шашки. Черные только что по-

шли дамой е1—с3, и игравший белыми задумался. Рыцарята стали шептаться.

Рисунки
Г. Ясинского

— Будет ничья! Шашка е5 гибнет, и черную дамку на большой дороге не поймать. Вот увидите — ничья! — сказал (кто?).

— А по-моему, ничего неизвестно. Белые сейчас пойдут а3—b4 и, может быть, выиграют: зависит от того, как черные побьют, — сказал (кто?).

— Не надо белым а3—b4 идти! У них есть лучше ход: найдут его — точно выиграют! — сказал (кто?).

Что утверждал Знай?

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Расставь фигуры — белые: Kph7, La1, Cf1; черные: Kph1, Lg2, Cb7, п.h2.

Как видишь, у черных лишняя пешка. Но что в ней пользы, если их король так зажат в углу? Да, белые здесь быстро побеждают — дают мат. А во сколько ходов — скажи ты: это и есть твое боевое задание. К выполнению приступить!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Шахматы. А. 1.Фа4! (угроза — Фе4X) Cd4+ 2.Kpf1. Не решает задачу ход 1. Kpf1? из-за ответа Ca1! Б. 1.b4! Kpd7 2.b5 Kрс8 3.b6 Kpd7 4.b7 Kрс6 5.b8KX.

Шашки. А. 1.ed4! 2.cb2! 3.ab2! 4.ed6 5.gf4X. Б. 1.fg5! 2.cb2! 3.ed2 4.cb4X.

Для рыцарят. 1. Лd3! Kpf8. 2. Лd8X.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Сражающимся за титул чемпиона, а также рыцарятам — отослать рапорты до 1 августа.

§ 2. Рапорты писать на почтовых карточках и отправлять без конверта.

Шахмат-адмирал Ферзьберу

Над головой мальчика было солнечное небо Абхазии, поблизости море, вдали — горы. А рядом — друзья. И дружили с ним не только ребята, но и ослик, и лошадь, и собака, и овцы, и козы. И он был верным другом им всем. Вот как, например, он рассказывает об ослике: «Я хотел было снять с Арапки седельце, но, подумав, что спина у ослика мокрая и он может простудиться, только ослабил подпруги».

В маленьком городе, где все друг друга знают и жизнь каждого у всех на виду, немислима была скрытность или какая-то двойная жизнь. Тут слова и дела не могли расходиться—это заметили бы сразу. Лучшие человеческие качества мальчик воспринимал не потому, что ему о них долбили на каждом шагу, а потому, что трудолюбие дедушки, отца, соседей он видел собственными глазами, их доброту он чувствовал, в их благо-

родстве не было оснований сомневаться. А когда мальчик однажды наябедничал на сестру, отец вспыхнул: «Еще предательства мне в доме не хватало!» И сын запомнил это на всю жизнь.

Здесь презиралось всякое зазнайство. Учитель математики Харлампий Диогенович любил остроумную шутку и приучал учеников относиться к собственной персоне с чувством юмора. «По-моему, это здоровое чувство, — пишет автор книги, — и любую попытку ставить его под сомнение я отвергаю решительно и навсегда».

Юмором проникнута и включенная в книгу повесть «День Чика» — об одном дне жизни абхазского мальчика, повесть забавная, хотя говорится в ней, в сущности, об очень серьезном...

В общем, это отличная книга превосходного писателя. Называется «Первое дело». Автор — Фазиль Искандер.

С. Тхоржевский

На холмистом берегу скрытый от глаз густым лесом стоит небольшой деревянный домик. Здесь большую часть года живет и работает старейший русский писатель, «дедушка советской литературы» Иван Сергеевич Соколов-Микитов.

Ему 80 лет. Он совсем седой, будто припорошен чистейшим снежком.

За плечами его богатая событиями жизнь. Учитель, матрос, путешественник, исследователь, охотник, — он побывал на всех морях и океанах. Он обошел почти все края нашей Родины. Но по сердцу пришлось ему не яркие тропические страны, а скромный и суровый наш Север. Здесь, на просторах холодной Арктики он увидел самоотверженную работу советских людей. Увидел, как под их руками преобразается лик земли. С детства влюбленный в родную природу, он стал ее певцом и защитником.

Север стал его биографией. Новая Земля, Таймырский полуостров, Земля Франца-Иосифа, Великий морской путь. Участие в экспедициях обогащало писателя. Записные книжки заполнялись наблюдениями о том, что он увидел своими глазами, что полюбил в суровом краю. Из этих записей рождались книги. Так родилась и эта книга «Белые берега» — очерки и рассказы об Арктике. Полярные ночи, снежная белизна просторов, родина птиц, — тундра весной и летом, жизнь кораблей, живое дыхание края.

А трудовая романтика! Обследование новых островов, спасение кораблей, работа подводников, поиски и изучение новых земель.

И чувствуется, что автору хочется радость познания маленькой частицы большой Родины передать юным читателям. Вам, будущим путешественникам и следопытам, изыскателям и новооткрывателям, посвящает писатель свою книгу о прекрасных белых берегах нашего Севера.

Гр. Гроденский

Для тебя ли эта книга? Не знаю. Если ты не любознателен, то вряд ли тебе интересно будет узнать об индейцах и эскимосах Северной Канады, об их нелегкой жизни и древних обычаях, об их доброте, верности и стойкости.

Если ты не знаешь родную природу, то вряд ли заметишь и в книге след россомахи, спешащей на крик воронов, невозмутимых северных оленей, тени волков, тишину леса и рокот водопада.

Если ты не привык ничего делать своими руками, то вряд ли поймешь, почему, хоть трудно, но приятно самому запрячь нарту, сшить мокасины, поставить капкан, нырнуть за ружьем в ледяную воду, выходить больного или просто сварить обед, подмести пол.

Если ты не любишь приключений,

то вряд ли тебя увлечет путешествие четырех юных канадцев — эскимоса Питьюка, белого Джейми, индейца кри Эуэсина и его сестры Анджелы к таинственной могиле викинга — через леса и тундру, по порожистой бурной реке к океану, в пору весеннего половодья и ураганов.

Если ты презираешь девчонок, не веришь в крепкую дружбу, то вряд ли тогда откроется тебе чистота и мужество этих отважных ребят в борьбе с суровой природой, с человеческими предрассудками, с самими собой.

И все-таки, кто знает, как бы окончился их путь, когда бы не помощь верных друзей: индейцев и эскимосов.

А теперь вот сам и решай, надо ли тебе бежать в библиотеку за книгой канадского писателя и исследователя Фарли Моузта, которая называется «Проклятие могилы викинга».

Л. Кокорина

Оформление
В. Уфлянда

2	4	19	18	20	21	5	14	25	22	26
1	3	О чём шумит лес?								
7	8	17	12	11	16	10	15	9		

Если вы правильно угадаете породы изображенных здесь деревьев и выпишите из их названий буквы в порядке номеров, вы прочтете призыв ко всем участникам летних походов.

П	Н	Е	Р	И	К	А	К	В	А	Р	А	М	У	Г	О	А
А	Е	П	А	Ш	А	Р	О	Д	Р	Л	Г					
Л	Ж	А	Л	А	Б	И	И	З	Д	О	О					
Ь	Н	Л	О	П	А	У	Д	О	Н	В	Н					
Т	И	Ь	К	К	Т	М	А	Н	А	А	О					
П	А	М	И	А	А	О	Р	К	Ф	Ц	О					
О	А	Д	Н	П	Ш	С	О	А	А	И	К					
О	Д	Т	Ь	К	Ы	Т	П	Л	К	Я	О					
Л	Н	Р	Л	А	М	А	О	О	С	С	П					
Ь	А	О	Е	Н	А	К	К	Ш	А	Т	А					
Х	М	С	К	А	К	И	О	А	К	Р	Т					
А	Т	А	Т	Н	И	Р	Е	И	К	О	Т					

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 5.

1. Хуссейн съел одну конфету без обертки и одну в обертке.

ЧЕМОДАН С НАКЛЕЙКАМИ

Домовой Демьяша, известный тем, что не любит выходить из дому даже в самую хорошую погоду, утверждает, что однажды он не только вышел на улицу, но даже объехал кругом света, двигаясь все время с востока от деревни Демьяновки только на запад. В доказательство он показывает чемодан с наклейками городов, в которых он по пути останавливался. Однако, приглядевшись к тому, как наклеены ярлыки, его друзья, звездочет Хуссейн и лесовик Сиволапыч, сомневаются в правдивости его утверждения и даже говорят, что он плохо знает географию. Почему они сомневаются?

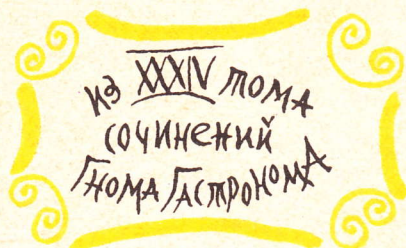
ГОЛОВОЛОМКА.

Автор Ира Симонова, г. Пермь.

Начните читать с левого верхнего угла: Пал, Пальто, Альт, Тополь и так далее... А сколько всего существительных вы можете прочитать в клетках этой цепочки от начала до конца?

ВНИМАНИЕ!

Победитель конкурса «Уголька» на лучшую куклу в народном костюме будет назван в № 9.

О ТОМ, КАК В ЛЕСУ ИЛИ В ПОЛЕ ЧИСТОМ НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ОБЕД ПРИГОТОВИТЬ ТУРИСТАМ

Первое блюдо: ШИ ЗЕЛЕННЫЕ ИЗ КРАПИВЫ на 6 человек.

Листья и побеги молодой крапивы 1 кг 500 г. Мясо или тушенка — 600 г. Крупа — 150 г. Соль — 50 г. Лук — 100 г. Лавровый лист. Воды 4—5 литров. Сварить бульон с крупой, луком и солью. В конце варки положить нарезанную тут же молодую крапиву и доваривать 10—15 минут под закрытой крышкой.

Второе блюдо: САЛАТ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ СО ЩАВЕЛЕМ на 6 человек.

Молодые листья одуванчика (желательно собранные в тенистом, сыром месте) — 1 кг. Листья щавеля — 300 г. Масло растительное — 100 г. Соль — 30 г. Уксус — 20 г. Тщательно промытые листья одуванчика и щавеля нарезать, хорошенько перемешать, посолить, добавить уксус, залить маслом.

Третье блюдо: СВЕЖАЯ ЗЕМЛЯНИКА.

МАРК ТВЕН И КРИТИК

Зайди по делам в одно книгоиздательство, Марк Твен встретил там литературного критика, который постоянно преследовал его разными придирами и нападками. Тем не менее писатель вежливо поклонился и сказал:

— Очень приятно вас видеть, мистер.

Заносчиво посмотрев на Марка Твена, критик ответил:

— А я не могу сказать вам того же.

— А вы сделайте, как я, — улыбнулся Марк Твен, — солгите.

БЕКЕТОВ И ВОРЫ

Выдающийся русский ученый-химик Н. Н. Бекетов напряженно работал в своем кабинете, когда перед ним возникла сильно взволнованная жена:

— Друг мой, у нас в библиотеке воры!

— М-да, и что же они читают? — потирая лоб, спросил Бекетов.

Рисунки

М. Беломлинского

СОДЕРЖАНИЕ

Белый галстук планеты и Вики	рисунок Г. Ясинского	1
Синий лес	повесть М. Данини рисунки О. Давыдовой	3
Памятник славы	стихи В. Фетисова	19
Самые трудные граммы	очерк Т. Филиановской оформление А. Януса	19
Хозяева белых лис	очерк О. Петровича	21
Здравствуй, Пушкин	документальная повесть Вс. Азарова	22
Старый зонтик	рассказ А. Крестинского	27
Наши волжские друзья	стихи наших читателей рисунок Т. Соловьевой	28
Человек и его наука	очерк Н. Неуйминой оформление Н. Андреева	30
Оленья поляна	рассказ Г. Георгиу рисунок П. Швеца	32
Ребята с Тридцатой улицы	рассказывает Е. Андреев оформление Ю. Бочкарева	37
Где начинается море	из записок океанолога Е. Попова рисунки В. Куприянова	40
Экспедиция „Гидрограф“	оформление А. Курушина	47
Зеленые страницы	ведет Н. Сладков	48
Морская газета		50
Киноклуб	оформление Г. Никеева	52
Аварийный фонарь	стихи Г. Лоусона рисунок М. Майофиса	56
О том, как осуществляется мечта	рассказывает В. Манкин	57
Театр „Уголька“	рисунки Б. Семенова	60
Арчебек	шахматы и шашки	62
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА		63

Зам. главного редактора
Ю. А. Юркан

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтальев, А. И. Панин, Л. Н. Пожидаяев, Р. П. Погдин, С. В. Сахаров, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Терехинская (отв. секретарь), В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова.

Художник-редактор
М. С. Беломлинский

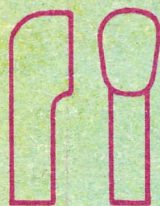
Технический редактор В. И. Мецатунова
Корректор В. А. Маевская

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76.
М-15917. Подписано к печати 27/IV 1973 г.
Формат 60×90. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 397. Цена 25 к.

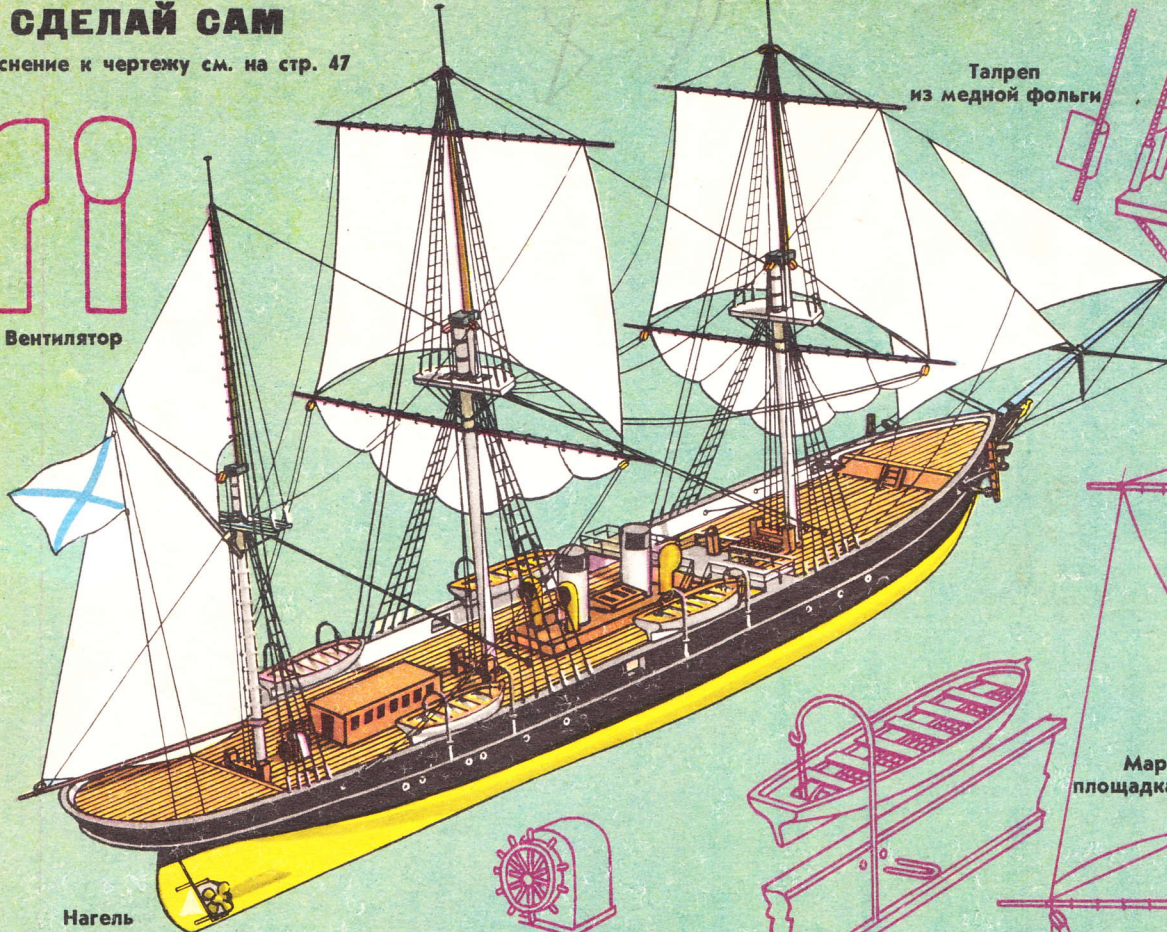
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном
Комитете Совета Министров СССР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград. 197101, Кронверкская ул., 7.

СДЕЛАЙ САМ

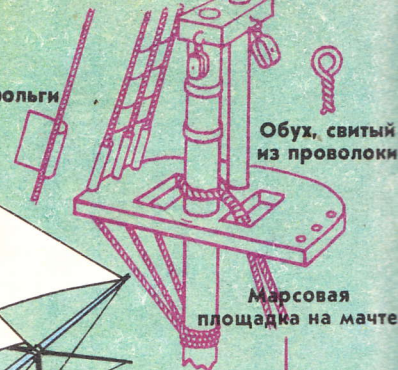
Пояснение к чертежу см. на стр. 47

Вентилятор

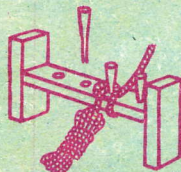
Талреп из медной фольги

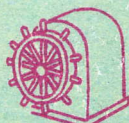
Обух, свитый из проволоки

Марсовая площадка на мачте

Нагель

Мачтовый кнехт

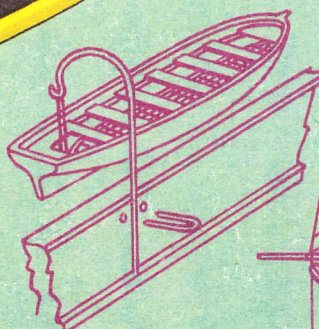
Штурвал

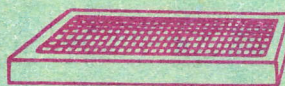
Компас

Блок

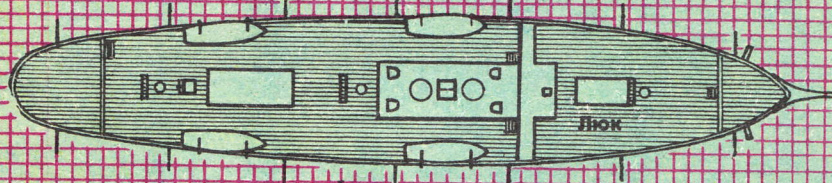
Шлюпка и шлюпбалка

Люк

Мачтовый кнехт

Люк

ВИТЯЗЬ

Кормовая надпись

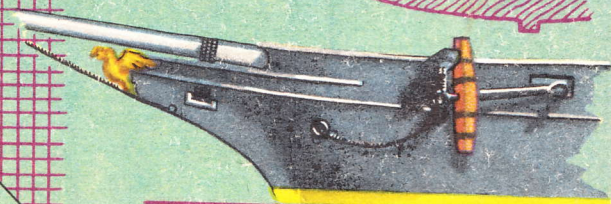
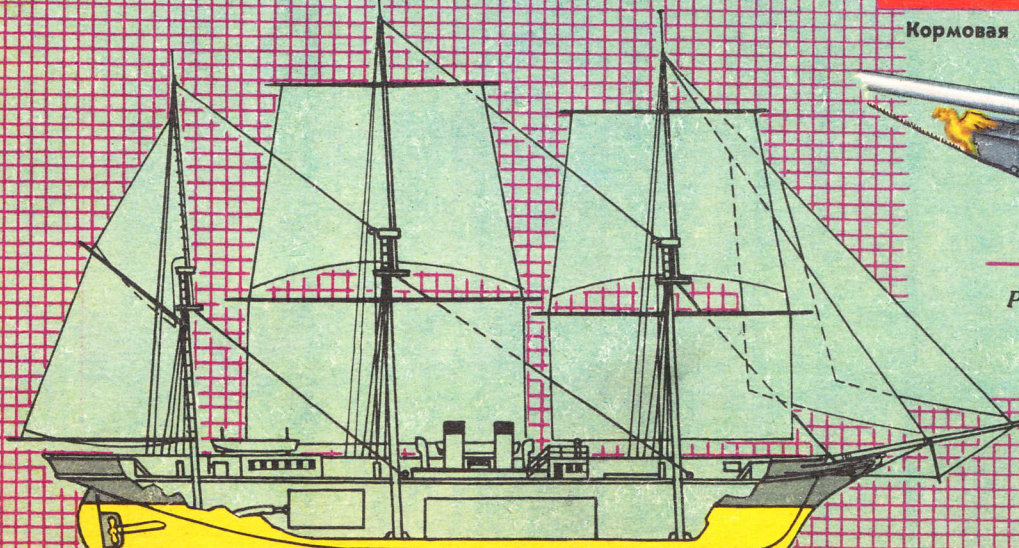

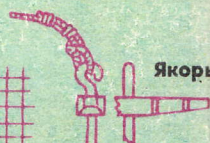
Рисунок и чертеж И. Секретарева

7 6 5 4 3 2 1

4567 1 234

Шаблоны шпангоутов

Якорь

25 н.
Индекс 70445